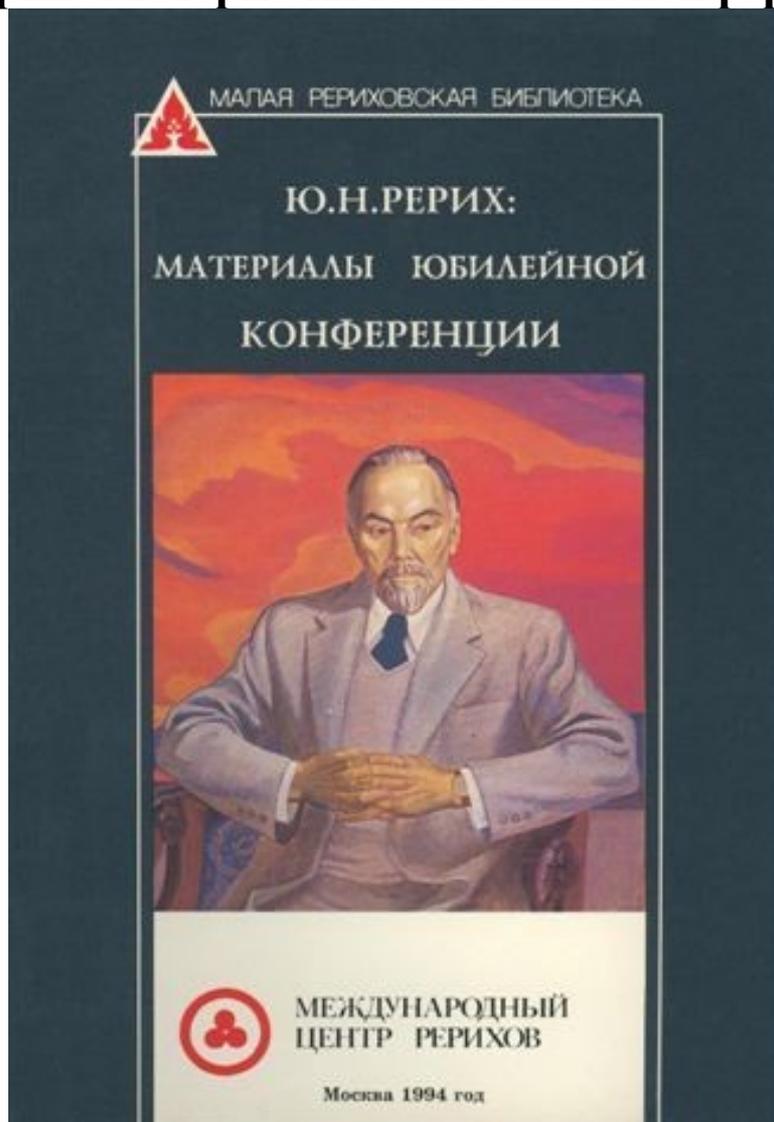

Ю.Н.Рерих: Материалы юбилейной конференции

Москва, Международный Центр Рерихов, 1994 г.

На обложке: Илзе Рудзите. Портрет Юрия Николаевича Рериха.

Материалы Общественно-научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Юрия Николаевича Рериха, составили этот сборник. Проведенная Международным Центром Рерихов совместно с Сибирским Рериховским обществом, музеем им. Н.К.Рериха в Изваре, научным кабинетом им. Ю.Н.Рериха Института Востоковедения РАН в Москве конференция многогранно высветила облик этого великого Ученого и Человека.

МАЛАЯ РЕРИХОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Редакционная коллегия: А.Д.Алехин, Е.Б.Дементьева,
С.Н.Кайдаш, Л.В.Шапошникова

Редактор С.А.Пономаренко

© Международный Центр Рерихов, 1994
Фирма БИСАН-ОАЗИС

СЛОВО О ЮРИИ НИКОЛАЕВИЧЕ РЕРИХЕ

Л.В.Шапошникова,
директор Музея им. Н.К.Рериха

Сегодня у нас знаменательный день. Мы собрались на первую конференцию, организованную Международным Центром Рерихов. И конференция эта особенная, ибо посвящена она жизни и деятельности человека необычного — ученого и гуманиста Юрия Николаевича Рериха, которого, к сожалению, знают меньше, чем остальных членов великой семьи Рерихов.

Полагаю, что две конференции — та, которая прошла в Новосибирске под эгидой Сибирского отделения Российской Академии наук, и проходящая у нас, восстановят ту историческую справедливость по отношению к Юрию Николаевичу, которая в значительной мере была нарушена.

В последние годы мы постепенно изучали деятельность и постигали значение каждого члена уникальной семьи Рерихов. Теперь мы установили, "кто есть кто" в ней. Николай Константинович — великий художник, ученый, литератор, общественный деятель, увековечивший свое имя в Пакте Рериха. Елена Ивановна — крупнейший философ, давшая миру серию книг Живой Этики. Святослав Николаевич — известный художник и просветитель, лауреат международных премий, академик, продолжатель дела отца. Юрий Николаевич на этом фоне выглядит формально скромно. Он — доктор наук, последние годы работавший в Институте Востоковедения в Москве. Многим, кто занимался Рерихами, о Юрии Николаевиче было известно мало. О нем мало писали и мало говорили. Даже официальный ученый мир нашей страны, когда Юрий Николаевич вернулся на Родину, пытался как-то принизить его значение, не признавал в полной мере его заслуг и пытался держать его имя в тени. Сегодня мы должны поставить все точки над "и". Так кто же такой Юрий Николаевич Рерих — рядовой ученый или величина мирового значения? Конечно, последнее. Он был одним из крупнейших востоковедов нашего времени, чье имя было известно во многих странах мира. Талантливейший лингвист, историк, этнограф, археолог, он был энциклопедически образован и представлял то синтетическое направление востоковедения, которым в свое время могла гордиться Россия, но которое, к великому прискорбию, было утрачено в нашей стране за последние десятилетия. Юрий Николаевич был богато одаренным человеком. Он владел многими восточными и западными языками, блестяще знал культуру Востока, его религию и философию. Его личность несомненно представляла планетарную культурную ценность.

Юрий Николаевич имел мужество в 1957 году приехать к нам и принять наше гражданство. Он умер в 1960 г., пройдя свой крестный путь до конца и с великим достоинством. Он прекрасно осознавал цель своего приезда и, конечно, знал, чем все это для него кончится. Однако ничто не могло поколебать его решения. Ибо это решение было неотъемлемой частью той миссии, которую несли все Рерихи. То, что он сделал, переоценить невозможно. Его великий подвиг был достоин семьи Рерихов. Именно он, и никто другой, вернул нашей стране ее ценнейшее национальное достояние — самих Рерихов. Долгое время о них создавались у нас различные мифы, которые, к сожалению, определяли и отношение к Рерихам наших правящих кругов. Их называли белоэмигрантами, антисоветчиками, религиозными фанатиками и прочими подобными словами.

Труд, проделанный Юрием Николаевичем за короткий срок его пребывания в нашей стране, в корне изменил ситуацию и изменил наше общественное мнение в пользу Рерихов. Это уникальное его деяние имело планетарное значение, и со временем мы все больше и больше будем осознавать эволюционную суть достигнутого им. Именно по инициативе и с помощью Юрия Николаевича были устроены первые выставки картин Николая Константиновича и Святослава Николаевича. И мы увидели волшебный мир Красоты, который заставил задуматься многих из нас. Юрий Николаевич с присущей ему щедростью

пополнил наши галереи, в частности, Русский музей и Новосибирскую картинную галерею бессмертными полотнами своего отца из собственной коллекции. Эти произведения мы раньше никогда не видели. Он, не жалея своего времени, выступал с лекциями, докладами и рассказами. Из них мы узнавали о реальных Рерихах, об их делах и достижениях во имя Родины. Многие из нас впервые узнали о Рериховской Центрально-Азиатской экспедиции из уст Юрия Николаевича. Это была крупнейшая экспедиция века, маршрут которой прошел по Индии, Китаю, Монголии, Сибири, Алтаю, Трансгималаям. Экспедиция была необычной, как и все, что делали Рерихи, и несла значительную эволюционную нагрузку. Именно от Юрия Николаевича окружавшие его люди узнали о сути и главной концепции Учения Живой Этики или Агни Йоги. И узнали об этом не из книг, а от самого носителя этой концепции. Он был богато одарен духовно, и эти беседы о Живой Этике принесли его слушателям значительные накопления. Можно утверждать, что, ведя такого рода работу, Юрий Николаевич постепенно становился уникальным энергетическим центром, которого так не доставало в те годы культурной России. В лице Юрия Николаевича возник действительный магнит, лучи которого осветили и энергетически инициировали будущее Рериховское движение. Пребывание лишь одного Рериха на нашей территории уже сыграло огромную роль в нашей духовно-культурной жизни. Многие участники Рериховского движения, возможно, и не подозревают, кто в действительности стоял у его истоков. Возможно, они наивно полагают, что являются первыми. Думаю, не все из них представляют и те условия, в которых оказался Юрий Николаевич. Пятидесятые годы были расцветом догматической идеологии, запрещались все иные направления мысли и философии. За это платили свободой, а иногда и жизнью. Тех, кто читал Живую Этику, исключали из партии, арестовывали и судили. Мы должны помнить об этом. Интерес к Рерихам зародился именно в том канале диссидентства, где мужественно и бескомпромиссно боролись против тоталитаризма и правящей идеологии. Юрий Николаевич действовал осторожно, но в то же время и смело. Его подвиг и его жертва на этом пути еще не осознаны нами до конца. А если мы еще вспомним, в каких условиях работал Юрий Николаевич в самом Институте Востоковедения, какой стеной враждебности, зависти и тупости он был окружен, многое в его характере нам станет ясно. Чиновники от науки и чиновники от государственных служб мешали ему практически все время. Его называли буржуазным ученым, пытались исправить его идеологически. И несмотря на все это, он сумел создать новую школу в советском востоковедении — школу тибетологии. Он воспитал немало учеников. Сейчас это блестяще образованные востоковеды, достойно несущие факел своей науки и своего Учителя.

Когда Юрий Николаевич умер, ему было всего 58 лет. Для ученого, и особенно такого, каким являлся он, это был период расцвета и свершений. Он мог бы еще многое сделать...

В 1974 году торжественно в Большом театре мы отмечали столетний юбилей Николая Константиновича Рериха. С этого юбилея началось официальное признание Рерихов. Я каждый раз задаю себе вопрос: могло ли состояться это торжество, если бы не Юрий Николаевич и его жертва? И каждый раз отвечаю — нет. В какой-то степени я уже тогда была причастна к организации юбилея и могу сказать, что именно повлияло на решение правительства и высоких чиновников ЦК. В первую очередь, факт возвращения Юрия Николаевича на Родину и принятие им советского гражданства.

Без Юрия Николаевича многое бы не состоялось. Не состоялась бы, например, Центрально-Азиатская экспедиция, а если бы и состоялась, то не имела бы того важного результата, о котором мы теперь все знаем. Три Рериха вышли на ее маршрут: Николай Константинович, Елена Ивановна и двадцатидвухлетний Юрий Николаевич, тогда еще начинающий востоковед. Несмотря на молодость, Юрий Николаевич взял на себя самое трудное. Блестящее знание языков хинди, монгольского, тибетского позволили ему общаться с местным населением на том уровне, который был необходим экспедиции. Кроме этого, он отвечал за охрану экспедиции и ее безопасность. Теперь мы знаем, через какие опасные районы проходил ее маршрут. В беспокойном Тибете ее участников окружали агрессивные племена, готовые в любой момент к нападению на экспедиционный караван. Юрий

Николаевич был храбр и отважен. Когда караван остановился в пустыне Монголии перед городом разбойника Джа-Ламы, то Юрий Николаевич вошел в него первым, чтобы проверить, грозит ли оттуда какая-либо опасность каравану или нет. Надо сказать, что Юрий Николаевич был по своему призванию военным. И интересовался военным делом профессионально. Когда в 1990 г. я разбирала в Бангалоре Рериховское наследие, переданное Святославом Николаевичем Советскому Фонду Рерихов, то обнаружила немалое количество серьезных книг по военному делу, принадлежавших Юрию Николаевичу. Теперь эти книги являются частью мемориальной библиотеки Рерихов, которая находится в нашем Международном Центре Рерихов.

Почти 10 лет Юрий Николаевич был директором Института Гималайских исследований, созданного Рерихами в 1928 г. в долине Кулу. И Институт был уникальным, как и его руководитель. Он создал новую концепцию деятельности этого комплексного научного учреждения, в которой сочетались древние достижения с современной наукой.

Институт Гималайских исследований объединил и гуманитарные предметы, и естественные: там были этнография и лаборатория по борьбе с раком, там были отделения ботаники, орнитологии и археологии. Концепция работы Института Гималайских исследований неизменно осуществлялась в жизни, пока существовал Институт (к сожалению, закрывшийся накануне Второй мировой войны).

Теперь, когда мы проводим эту конференцию, мы должны вспомнить все заслуги Юрия Николаевича. И те, которые нам были известны, и те, о которых мы узнали недавно. Вспомнить и оценить по достоинству все сделанное им, вспомнить и осознать величие его как личности, незаслуженно долгое время пребывавшей в тени.

Мне хотелось бы закончить свое выступление цитатой из речи Нирмала Сингха, бывшего директора Института тибетологии в Сиккиме, который дал точную оценку деятельности Юрия Николаевича:

"Ю.Н.Рерих как ученый является одним из величайших энциклопедистов Запада и Востока. Лингвист, исследователь, археолог, критик, искусствовед, мыслитель и знаток культуры, он не знал границ в области познания. Для него не существовало границ между древним и современным, между Востоком и Западом или между различными отраслями науки. Прежде всего его интересовал человек, он был истинным гуманистом. Ю.Н.Рерих как человек был даже еще более велик, чем Ю.Н.Рерих как ученый. Он выковал золотое звено связи не только между Индией и Россией или между Востоком и Западом, но и между всеми народами всех стран и времен".

Полагаю, сегодня мы можем присоединиться к тому, что сказал Нирмал Сингх, и выразить ему за это свою признательность.

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

По документам Международного Центра Рерихов

И.В.Орловская,
заведующая отделом рукописей МЦР

Данное сообщение не является подробным изложением биографии Юрия Николаевича Рериха, а лишь иллюстрацией некоторых страниц его жизни документами из фонда МЦР.

В Международном Центре Рерихов в Москве хранится документальное наследие всех четверых членов этой семьи — биографические материалы, по истории, фотографии, переписка, научные труды и т.д.

Работа по описанию документов ведется с мая 1991 года. Среди разобранных материалов большую часть составляют документы, относящиеся к жизни и деятельности старшего сына Рерихов — Юрия Николаевича в период с 1907 по 1960 год. Значительная часть этих

документов — переписка Юрия Николаевича с родителями и братом, а также с учеными-востоковедами из разных стран, позволяющая проследить становление ученого, роль в этом Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов, целенаправленность и упорство самого Юрия Николаевича в достижении намеченных целей.

В семье Рерихов придавали большое значение воспитанию детей, с раннего возраста приучая их к труду, самостоятельности, инициативе.

Из письма Елены Ивановны Рерих Валентине Леонидовне Дудко: "Вы спрашиваете, каковы мои сыновья? Могу сказать — с самого детства они были моей радостью и гордостью. Оба необыкновенно даровиты, талантливы, но каждый идет своим путем. Никогда не навязываю им моего пути. Они идут к той же цели в своем понимании, и мы сходимся на конечном предугазанном пути. Оба в силу даровитости — трудные. Оба большие труженики..."

В детстве я очень следила за их наклонностями, вкусами и чтением. Никогда не давала им читать пошлейшие рассказы для детского возраста. Любимым чтением их были книги, популярно изложенные лучшими профессорами по всем отраслям знания... Старший проявляет любовь к истории и к оловянным солдатикам. Он имел их тысячами. Стратегия — его конек, кровь прадедов сказывается в нем".

С 1912 по 1916 год Юрий Николаевич учился в Петербурге, в частной гимназии Мая. В Международном Центре Рерихов хранятся его письменные работы по истории: "Покорение Новгорода" (1912) и "Борьба королей с феодалами во Франции" (1916). Работы, написанные Юрием Николаевичем в столь раннем возрасте (в первом случае ему 10 лет, а во втором 14), свидетельствуют, что уже тогда его отличали глубокий подход к описываемым историческим событиям и всестороннее освещение темы.

В качестве примера можно привести фрагмент из сочинения на тему "Покорение Новгорода": "Очередной порядок Руси прошел, кончился и удельный. Осталось только два представителя управления: вечевого порядка Новгорода и Московский порядок с его стремлением к абсолютной власти... Московское княжество быстро пошло по пути объединения. Положение Новгорода становилось все более и более затруднительным: на западе росла Литва, на востоке — Москва, он очутился между двумя сильными княжествами, к одному из которых он должен будет присоединиться... Ссорясь с Москвой, Новгород переходил на сторону Литвы, а ссорясь с Литвой, переходил к Москве. Верховная партия в Великом Новгороде тянула к Литве, ей был дорог Новгородский вечевого порядка, в котором она занимала первенствующее положение, а низшая — тяготела к Москве и не дорожила Новгородской свободой и боялась подпасть в религиозном отношении под власть Киевского митрополита латинянца..."

В 1918 году шестнадцатилетний Юрий уезжает с родителями за границу.

В 1920 году, получив диплом об окончании 2-го курса индо-иранского отделения Школы восточных языков Лондонского университета, Юрий Николаевич Рерих вместе с родителями переезжает в США и поступает в Гарвардский университет на отделение индийской филологии. Оканчивает его в 1922 году со степенью бакалавра. Переписка этих лет с родителями и братом очень обширна и показывает, что его научные интересы, лежавшие в области изучения языков, культуры, истории народов Азии, остававшиеся практически неизменными всю жизнь, сформировались очень рано. Уже в 18 лет Юрий Николаевич начинает готовиться к экспедиции в Центральную Азию, усиленно изучать восточные языки.

Из писем Юрия Николаевича Рериха Елене Ивановне Рерих (1920-1921 гг.): "Мне было очень приятно повидать Pearson'a. Говорили с ним о необитаемых островах и об ужасах современной цивилизации. Как бы мне хотелось уехать с экспедицией куда-нибудь в Центральную Азию. Здесь, хотя я и веду очень замкнутый образ жизни, все-таки есть признаки развращенности нашего века. Да и народы тут не понимают стремления к пустынным островам. Для них Fifth Ave[nue] является целью, а особняк на ней раем. Мне такая психология не подходит. Начал писать новое сочинение о прежних перевоплощениях Будды..."

"Сегодня была очень интересная лекция проф. Rostovzeff о Средне-Азиатских влияниях на искусство юга России. Показывал снимки на экране, причем показывал снимки нескольких папиных рисунков погребений и указал, что это было сделано by our great artist Roerich, who is now in that country.

... Много работал для экзаменов. Последнее время у меня появилась уверенность, что выдержу. Будущий понедельник — первое представление. У нас сейчас настоящая зима, снег и холод. Очень напоминает Россию. Из лекции Ростовцева еще раз убедился, что Средняя Азия — это Египет будущего, в смысле археологических открытий. Меня очень заинтересовали татары и монголы, особенно их былины и песни кочевий. Если когда-нибудь мне придется писать об этом мире степей и каких-то тайных взаимодействий культур, обязательно помещу в книге папин "Dream of Orient", ибо чем больше читаю, тем больше убеждаюсь, что это лучшее картинное изображение того, что сказано в уйгурском сказании (далее в письме идет подробное рассуждение об уйгурском и татарском языках — И.О.). Привел это весьма длинное рассуждение из области Средне-Азиатской истории, чтобы вы имели представление о характере моей работы..."

"Усиленно изучаю китайский язык с Dr. Chao. За уроки не плачу, ибо он просил меня давать ему уроки русского и персидского языка. В этом году у меня больше времени, ибо на лекции можно не ходить.

Курс истории религий очень легок, ибо я хорошо знаком с верованиями Древнего Египта и Ассирии".

"Только что звонил доктор Blake и сообщил мне текст Епифания (Венский Corpus), который вполне подтверждает мое открытие в области истории скифских племен Юга России и Туркестана. Сейчас нахожусь в приподнятом настроении и решительно не знаю, куда деваться. Жаль, что сейчас ночь, а то бы бросился в Библиотеку доставать трактат Епифания о "двенадцати камнях". Моя теория подтверждает теорию проф[ессора] Ростовцева о иранском происхождении княжеского рода скифов /Еколото/ на юге России. Постановка вопроса обширна и позволяет объяснить многое в скифском народном искусстве. Выясняется громадное значение Средней Азии в истории юга России. Беда только, что нужно готовиться к экзаменам, а так тянет погрузиться в научную работу над кочевниками туркестанских степей."

Из письма Юрия Николаевича Рериха в Парижский университет (1921 г.):

"Я начал мои занятия, касающиеся Центральной Азии в Лондоне, где я изучал персидский язык и санскрит... Сначала я приступил к изучению работ персидских авторов по истории Центральной Азии. Кроме того, я собирал в библиотеке Британского музея материалы по истории исследований в Центральной Азии. С этой зимы я изучаю санскрит и пали в Гарвардском университете, где я надеюсь достичь успехов в филологии Индии. В Гарварде я начал изучать классический китайский язык. В настоящее время я, в частности, интересуюсь проблемой тохар. Моя интуиция дает возможность рассматривать проблему с исторической точки зрения, основываясь на археологических находках, касающихся китайского Туркестана. Я думаю представить эту работу как тезисы докторской работы в Парижском университете."

Уже в годы учебы Юрий Николаевич Рерих становится заметной величиной в научном мире.

Из писем к Елене Ивановне Рерих (1920-1921 гг.):

"Сегодня получил письмо от Шклявера, в котором он сообщил мне очень приятную новость. Оказывается, я начинаю мое продвижение в научном мире! Дело в том, что Шклявер встретил в Париже Prof. Boyer, директора Ecole des Lougues Orientales при Сорбонне, который, узнав, что Шклявер был в Лондонском университете, спросил его — не знал ли он Mr. Roerich в School of Oriental Studies. Оказывается, что ему говорили профессора School of Oriental Studies обо мне. Это все же что-нибудь да значит, когда один университет передает другому сведения о студенте."

"Получил письмо от Шклявера. Он пишет, что мне открыты в Париже след[ующие] возможности:

1. В один год получить докторскую степень или два Diplomes (College de France u Ecole des Houtes — Etudes).

2. Получить стипендию.

Мой план теперь следующий: подождать здесь приезда Sulvain Levy, получить магистра Harvard'a и стипендию на два года занятий (один год я могу пробыть в Париже, а другой в Индии или в Китае). Как ваше мнение?"

Елена Ивановна Рерих была всегда в курсе всех учебных и других дел своего сына, который делился с ней заботами и тревогами. Спокойный и уравновешенный тон ее писем помогал Юрию правильно отнестись к встречающимся на его пути трудностям.

Из писем, написанных Еленой Ивановной Рерих после отказа Юрия Николаевича от командировки во Францию [1921 г.]:

"Ни папа, ни я никогда не встанем на твоём пути. Не огорчайся, мой родной, своим отказом от командировки. Я твердо верю, что все делается к лучшему. Затем сильно сомневаюсь, чтобы во Франции или в Германии, где такое переполнение русскими студентами, ты бы встретил то же отношение, что и здесь. Подумай, после 4-х меся[цев] пребывания тебе уже предлагают командировку? Дальше отношение еще улучшится и будут большие возможности. Затем ты сам говорил, что на будущий сезон в Harvard приезжает французский профессор и мне думается, познакомившись с ним здесь и зарекомендовав себя, все будет значительно облегчено... Опять повторяю, все, что происходит с нами, не зря, и я уверена, что придет время и мы скажем, как хорошо, что ты не взял командировки. Не расстраивай себя, мой Юханчик, перед тобой еще столько возможностей и твои большие достижения уже намечены. Ты к ним придешь, когда это будет нужно. Твоя забота о преимуществе аттестатов Европы мне не очень нравится. Оставь это.

Верь себе, а не аттестатам."

"Работай и набирайся знаний, ибо в этом большое счастье. Имея знания, ты никогда не будешь одинок".

"Милый мой Юханчик, я уверена, что у тебя все пройдет благополучно. Бороться всем приходится. В этом жизнь и совершенствование. И нет человека, у которого все шло бы гладко. Я думаю, что со временем ты даже полюбишь преодолевать препятствия, ведь все большие люди, преодолевая препятствия и даже терпя поражения, приобретали новые силы, новые способности".

"Всем в жизни приходилось испытывать неудачи и лучше, когда они приходят в молодые годы. Все делается к лучшему".

После окончания Гарвардского университета Юрий Николаевич Рерих год работает на Средне-Азиатском и Монголо-Тибетском отделениях Парижского университета, совмещая это с занятиями на военном и юридическо-экономическом отделениях. В 1923 году он получает ученую степень магистра индийской словесности.

С 1924 года молодой ученый начинает исследовательскую работу на Востоке (Сикким, Кашмир и другие районы Индии), продолжая свои занятия санскритом и тибетским языком.

В 1925-1928 годах он участвует в Центрально-Азиатской экспедиции Николая Константиновича Рериха (Ладак, Синьцзян, Монголия, Китай и Тибет).

Из письма Юрия Николаевича Рериха Святославу Николаевичу Рериху (1927 г.):

"Давно собирался написать тебе, но ход событий и ускоренный темп всей жизни захватывал все имеющееся свободное время. Сейчас сижу ночью накануне отправления экспедиции в далекий путь.

Очень тронуты были твоими памятками и заботливым отношением в деле снаряжения экспедиции.

Истекший год был довольно труден для всех нас, работы было много и мало времени оставалось для чисто научной работы. Урга — это город со многими накоплениями, город, много пострадавший за последнее десятилетие.

Последние дни идет ужасная спешка. Грузимся на машины, ибо часть пути сделаем на автомобилях."

В результате экспедиции появились труды Юрия Николаевича Рериха, список которых есть в фонде МЦР. Это "Тибетские картины" (1925 г.), "Владения архатов" (1929 г.), "Современная тибетская фонетика" (1928 г.), "Звериный стиль у древних кочевников" (1930 г.), "Каталог тибетской коллекции" (1930 г.), "Путешествие в сокровенную Азию" (1931 г.), "На тропах Центральной Азии" (1933 г.).

С 1928 года Юрий Николаевич Рерих — директор Института Гималайских исследований в Индии. Среди документов, хранящихся в Международном Центре Рерихов, есть его переписка с учреждениями и частными лицами Индии, Америки, Франции, Латвии по поводу издательской деятельности, с приложением рекламных проспектов, книг, издаваемых "Урусвати". Кроме того, из переписки тех лет можно увидеть, сколь велика была его роль в деле становления и организации Института.

Из писем Юрия Николаевича Рериха Елене Ивановне Рерих (1929 г.):

"Я деятельно занимаюсь подготовкой наших научных планов на будущее, а также устанавливаю некоторые важные связи".

"Урусвати" начинает получать в дар книги для библиотеки. Начну скоро их пересылать вам. Попроси полковника Банона начать собирать гербарий лекарственных растений, обозначая каждое растение его туземным названием, тибетским и индустани. Это будет начало коллекции."

"Я имел плодотворные переговоры с членами рокфеллеровского фонда. Я надеюсь, что мы будем в состоянии начать нашу научную работу уже предстоящей весной."

Находясь в период с 1929 по 1930 год в Нью-Йорке, Юрий Николаевич занимался не только проблемами "Урусвати", но вел большую работу по организации кабинета тибетологии в Рериховском Нью-Йоркском музее, читал лекции в университетах американских городов, закончил работу над книгой "На тропах Центральной Азии."

С 1949 года Юрий Николаевич Рерих работает в Индо-Тибетском исследовательском институте, заведует курсами китайского и тибетского языков. В фонде МЦР имеется переписка с ученым секретарем Института.

Растет авторитет Юрия Николаевича как ученого, обладающего энциклопедичностью знаний, тибетолога широкого диапазона, занимающегося не только лингвистикой и филологией, но и философией, археологией, искусствоведением.

Из письма Елены Ивановны Рерих Владимиру Константиновичу Рериху (1951 г.):

"Юрий много работает и говорит по-тибетски лучше многих самих тибетцев, подвинулся и в знании монгольского и не забывает свой санскрит. Практика ему здесь неплохая. Он пользуется большим авторитетом среди населения за свою ученость и замечательную мудрость."

Из писем Елены Ивановны Рерих Святославу Николаевичу Рериху (1952-1953 гг.):

"Несмотря на непогоду, люди все же наезжают в наши края. Юханчик имеет постоянно посетителей. Приезжают новые профессора-индусы и иностранцы. Приезжают знакомиться с профессором санскрита и тибетского языка, и знатоком Йоги. Юрий интересуется ими, ибо каждый может принести что-нибудь новое".

"Уважение к Юханчику продолжает расти. Он окружен учениками. На днях приезжают два буддиста из Японии специально повидать его. Студент из Калькутты в восторге от своих занятий и достигнутых успехов с Юханчиком. Годы Университета не дали ему того, что он приобрел за несколько уроков и бесед с Юрием. Репутация Юрия как необыкновенного и талантливого, и знатока Востока твердо установилась и в Европе среди тамошних ученых. Постоянно получает запросы и приглашения от европейских ученых."

"Юханчик становится центром знания и главным авторитетом по тибетологии и всему, связанному с этим. Все время получает письма от профессоров из Европы, желающих познакомиться с ним для разъяснения многих трудных понятий и т.д. Так, сюда едет проф[ессор] Стейн из Парижа, приехал уже англ[ичанин] Снеллгров и хочет приехать

проф[ессор] Хоффман из Мюнхена. Магнит знания действует. Юханчик доволен своими учениками, последними. Очень серьезной японкой из Калькутты и одним индусом, тоже из Калькутты."

В это же время в Индии и за рубежом публикуется много работ Юрия Николаевича. Оценку некоторых из них приводят в своих письмах Святославу Николаевичу Рериху Елена Ивановна и Николай Константинович.

Из письма Николая Константиновича Рериха Святославу Николаевичу Рериху (1941 г.):

"От Сунита Чаттерджи Юрий получил восторженное письмо по поводу его Гесэриады (имеется в виду работа Ю.Н.Рериха "Сказание о Кессаре, правителе Линга"). Помимо того, что она будет напечатана в трудах Азиатского общества, он просит разрешения прочесть ее как доклад на собрании Общества. Таким образом, труд не пропадет."

Из письма Елены Ивановны Рерих Святославу Николаевичу Рериху (1946 г.):

"Статья Юрика произвела большое впечатление, и она будет напечатана в особом юбилейном сборнике. Главная радость, что большой труд Юрия "История буддизма" или "Синяя тибетская книга" предположена ими к изданию. Самые главные официальные члены высказались за напечатанье ее и в ближайшем заседании будут обсуждаться все условия издания. Так хотелось, чтобы именно в Индии был бы напечатан этот прекрасный труд".

Работа Юрия Николаевича Рериха "Blue Annals" ("Голубая Летопись") в 2 томах издана в Калькутте в 1950-1954 годах.

Несмотря на свою огромную научную деятельность, Юрий Николаевич всегда находил время помогать родным не только советами, но и практическими делами. Елена Ивановна Рерих называла его самым "родственным" из Рерихов, и "эта привязанность в нем" ее очень трогала.

Из письма Юрия Николаевича Рериха Святославу Николаевичу Рериху (1948 г.):

"Родной Светик, начинаю думать, что нужно что-то предпринять, чтобы пополнить нашу казну. Ближайшая и в настоящее время единственная возможность — выставка. Быть может, небольшая. Напиши свои соображения. Если трудно, я могу приехать в Бомбей помочь открыть ящики с картинами."

Из письма Юрия Николаевича Рериха Елене Ивановне Рерих (1953 г.):

"Говорили о твоих тетрадах. Д-р Бхатнагар тут же вызвал своего секретаря и велел изготовить в спешном порядке 12 тетрадей с хорошей бумагой в линию в полутвердом переплете, который не страдает от сырости. Уже получил 6, завтра получу еще 6. Все изготовлено в правительственной мастерской."

В августе 1957 года Юрий Николаевич Рерих переезжает в Советский Союз. За два с половиной года, проведенные на Родине, он активно занимался научной деятельностью в Институте Востоковедения Академии Наук, много внимания уделял молодым востоковедам, организовал выставки картин отца и брата в Москве, Риге, Ленинграде и других городах. В 1958 году он пишет брату:

"У нас все хорошо. Оканчивается учебный год. В июле предстоит поездка в Монголию. Затем ухажу в отпуск на 2 месяца. Еще не решили, куда ехать. 16-го выставка открылась в Риге. В августе-сентябре поедет в Ленинград. Собираюсь туда на открытие."

Это последний по хронологии документ Юрия Николаевича Рериха среди разобранных материалов. Обработка наследия семьи Рерихов продолжается.

ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

Т.Я.Елизаренкова, канд.филологических наук,
ст.научный сотрудник Института Востоковедения РАН

Нас осталось совсем немного — тех, кто работал с Юрием Николаевичем Рерихом в его последние годы. Мне кажется, надо донести до людей те удивительные ощущения и переживания, источником которых он был. Моему поколению в Институте Востоковедения очень повезло. Я работала вместе с Юрием Николаевичем весь тот период, в который он жил в нашей стране. Это изменило меня, изменило моих товарищей — мы стали другими.

Приехал он в Россию в 1957 г. Получил сектор в нашем институте, по которому поползли разные слухи, потому что все это было удивительно. Сектор назывался: "Сектор истории религии и культуры Индии". Для тех времен абсолютно невероятно! Если вспомнить историю нашего востоковедения, — а знаменитой была легендарная школа, которая была сметена в 30-е годы и от нее мало что осталось — то можно понять радостное недоумение наше, тогда молодых ученых: "Как же это интересно! Вдруг организовали такой сектор".

Это была совершенно особая личность, от которой исходила удивительная сила. Юрий Николаевич очень понравился Н.С.Хрущеву. Тот был непредсказуем. Он сказал: "Что вы хотите? Сектор? Пожалуйста".

В это же время послом Цейлона в Москве был профессор Малаласекера, деятель международного буддийского движения и автор известных специальных трудов, давнишний друг Юрия Николаевича. И вот эти два человека принялись за наше востоковедение. Юрий Николаевич развернул активнейшую деятельность. Сектор его был маленьким, человек шесть-семь, не больше. Пятигорский — индийская философия, Волкова — санскритолог, Парфионович — тибетолог, Семека — история буддизма на Цейлоне, Лубоцкая — под влиянием Рериха ставшая заниматься шастрами, Кутасова — индийская философия. Я не была членом сектора, но как только увидела Юрия Николаевича первый раз в коридоре, поняла, где мое место. И каждый присутственный день с утра и до вечера проводила в секторе Рериха. Уходила только после того, как покидал институт Юрий Николаевич. Очень скоро явилось ощущение, что это не обычное явление, что я нахожусь в одной комнате с кем-то совершенно особенным. Я смотрела, слушала, а Юрий Николаевич первое время вел себя настороженно и сдержанно. Этому способствовала вся атмосфера в руководстве Института Востоковедения того времени. Оно ничего не могло сделать с чуждым ему явлением, потому что сектор Рериху дал Хрущев, но примириться с этим — тоже. И отсюда такая атмосфера.

В секторе были только молодые люди. И — Юрий Николаевич, человек, которому за 50, среднего роста, широкоплечий, очень подтянутый (было всегда что-то военное в его фигуре), широкое монголоидное лицо, неподвижное и абсолютно непроницаемое, и глубокий затаенный взгляд. Он присматривался к молодым людям, которые его окружали. И понадобилось какое-то время, чтобы он понял: это люди, которые, может быть, мало знают — таковы были условия, — но очень хотят знать гораздо больше. Это люди, перед которыми стоит приоткрыться. С этого все и началось.

Замечательный ученый — мы тогда таких не видели — свободно владел множеством языков. Он говорил, читал, писал, понимал любые разновидности западных языков, знал очень много восточных, весь набор определенного региона: санскрит, пали — язык буддийского канона, Махаяны и Хинаяны, тибетский, монгольский, китайский, новоиндийский языки, а также тибетский — целый ряд наречий. Такими, вероятно, были наши старые знаменитые академики-востоковеды. Наше поколение их уже почти не знало. Такими были и выдающиеся ученые Запада. Свои удивительные знания Юрий Николаевич получил из разных источников — своей необыкновенной семьи, западных университетов и, наконец, своей удивительной и необычной жизни: он объездил огромный Центрально-Азиатский регион, малодоступные места; общался с тибетскими племенами, изучал их наречия, собирал материалы, послужившие основанием для его научных трудов. А регион

этот был необычным — конгломерат различных воззрений, религий: буддизм, индуизм, тибетские религии, конфуцианство, христианство. Все это вобрал в себя Рерих.

Началась бурная деятельность. Происходили заседания сектора, обсуждения, и какие! Юрий Николаевич был серьезным, сдержанным, ровным и одинаково уважительным ко всем. Могла выступать какая-то девчонка на заседании его сектора, и ученый внимательно и почтительно ее слушал. Было невероятно, чтобы он с кем-то стал разговаривать во время заседания. Он слушал так, как будто это важно, ценно. Удивительная школа! Она выявляла, формировала, поднимала личности. Один раз я открыла дверь в сектор Рериха, когда общение уже началось. Господи, куда я попала? Сидят монголы, сидит Юрий Николаевич, и происходит заседание сектора на монгольском языке. Это был единственный в своем роде сектор.

Затем начались занятия. Юрий Николаевич понял, что нас надо учить, и взялся за это со всей своей активностью и серьезностью. Он стал учить тому, что у нас не преподавалось: ведийскому языку — языку самых древних индийских священных текстов, буддийскому гибриднему санскриту...

Наконец, он развернул издательскую деятельность. Вы не представляете, что это такое было в те времена! Никто не говорил "нет", только издать что-то было нельзя. Юрий Николаевич возобновил серию "Библиотеки Буддики", в которой вышло два издания: книга А.И.Вострикова о тибетской исторической литературе и "Дхаммапада", перевод с языка пали, с большой вступительной статьей и комментариями В.Н.Топорова. После выхода этой книги (вскоре после того, что тогда развернулось) Юрий Николаевич внезапно умер.

Очень важно было общение с ним, в котором он постепенно раскрывался. Тогда я верила только в чистую науку, готова была отдать ей все силы, а для него существовало и другое начало, которое он считал для себя более важным — особый тип духовности. И постепенно, ненавязчиво он начал нас знакомить со своими взглядами. Не было никакого насилия, никакой пропаганды. Были занятия, были обсуждения разных древнеиндийских текстов. Возникали дискуссии, и Юрий Николаевич говорил то, чего мы не понимали. Мы задавали вопросы, он отвечал, и это вызывало еще поток вопросов. Иногда он говорил: "Этого нельзя объяснить в терминах науки." И очень постепенно приобщал нас к тому, что мы ни от кого, кроме него, никогда не смогли бы узнать.

Однажды мы сидели над обсуждением философских мест из "Махабхараты", а в Институте Востоковедения готовилось общее партийное собрание. У Юрия Николаевича была маленькая комнатка, нас помещалось там пять человек. И сидели мы, склонившись, и бились над каким-то трудным местом. А по коридору, в беготне, созывали всех из отделов в большой конференц-зал. И вдруг кто-то открыл дверь, увидел, как мы сидим, и — символическая сцена, как у Метерлинка — повернулся в коридор и крикнул: "Здесь никого нет!". Мы замолчали, а потом стали весело смеяться. Он действительно был прав. Для него здесь никого не было.

Для меня же это была большая школа. Юрий Николаевич предлагал свои решения. Мне очень хотелось самой что-нибудь предложить, я из кожи вон лезла и была единственной, кто так к этому относился, остальные были менее тщеславны. И вот наступил мой звездный час. Мы обсуждали очень трудное место, и вдруг — не знаю, как это произошло — я предложила правильное чтение. Юрий Николаевич внимательно на меня посмотрел, обратился к остальным и сказал: "Вот, пожалуйста, Татьяна Яковлевна предложила очень хороший вариант, очень трудное место". Я зарделась, я была счастлива. Наконец, награда! Дело было зимой, я вышла на улицу, падал снежок, и почему-то решила идти домой пешком. Была в странном состоянии. Когда дошла до дома, то поняла, что это не я предложила правильное чтение, а Юрий Николаевич. Как он это сделал — сказать не могу. Но, видя мое рвение и желание отличиться, он решил меня поддержать. И когда я была у дверей своей квартиры, полная очевидность этого для меня уже существовала. Только я объяснить ничего не могла.

Юрий Николаевич нам много рассказывал, и чем дальше, тем больше. О двух путях — это тема, к которой он упорно возвращался. Он рассказывал нам, например, об одной индийской

секте, в которой существовала странная практика. Это была секта неприкасаемых. Об их жизни было очень мало известно. Жили они у шамшанов — на местах сожжения трупов, каким-то образом добывали мозг трупов и ели его. Они не умирали от того, что питались этим мозгом. Ими заинтересовалась наука. Один приткий американец отправился в Индию, нашел эту секту, поселился вместе с ней и начал записывать. Вскоре он умер, хотя был молодым и здоровым человеком и вроде бы ничем не болел. Прошло еще время, и кто-то из скандинавов приехал в секту, полный энтузиазма описать неизвестное явление для науки. Он стал членом этой секты и научного описания опять-таки не получилось.

Юрий Николаевич говорил, что существует путь науки, а есть и другой путь. Этот другой путь был у человечества до того, как оно стало двигаться к цивилизации. И по мере продвижения к ней второй путь был забыт. Он остался где-то на Востоке, у тех, кто не причастен к цивилизации.

Его любимый рассказ был о человеке-тигре. В глухом районе Индии, в деревне на краю джунглей ссорятся между собой два человека. Ссора смертельная, и один из противников запирается в своей хижине и сосредоточивается. Его сосредоточенность приводит к тому, что он становится одним целым с тигром-людоедом в джунглях. Он сидит у себя в доме, не ест и не пьет, находится в особом состоянии полной сосредоточенности. Вся деревня замирает, все знают, какой будет развязка. Исходов может быть два. Тигр бродит, петляет вокруг деревни. Если он настигнет противника и убьет, то связь между тем, кто сидит в хижине сосредоточенный, и тигром разрывается. А если противник убьет тигра, кто сосредоточен, в этот момент умирает. Мы очень скоро поняли, что спрашивать Юрия Николаевича, как это объяснить, бесполезно, потому что это не путь "науки".

Бывали случаи, когда завеса немножко приоткрывалась.

Комиссия под руководством Юрия Николаевича Рериха, которая проверяла перевод философских мест из "Махабхараты", сделанный Б.Л.Смирновым (старейшим академиком из Ашхабада, некогда высланным из Ленинграда), закончила свою работу. Смирнов создал свой язык передачи индийских терминов с глубоким проникновением в текст. Юрий Николаевич написал заключение, а потом однажды вдруг позвал меня к себе и сказал: "Татьяна Яковлевна, я вам хочу дать поручение". Я насторожилась. Он говорит: "Вы пойдете в издательство, к заместителю директора". Я похолодела. Юрий Николаевич продолжал: "Скажете, что вас прислал Рерих. Комиссия под его руководством нашла перевод Смирнова серьезным, доброкачественным, глубоким. Он заслуживает того, чтобы его опубликовали в нашем издании. А теперь, Татьяна Яковлевна, слушайте внимательно. Если заместитель директора будет вести себя не так, как вам понравится, пожалуйста, не проявляйте никакой реакции. Вы просто выслушайте, поблагодарите его и скажете, что вы передадите это Рериху". Я говорю: "Обещаю сделать все, как вы сказали". Гордая и счастливая помчалась я в издательство.

Дверь в кабинет зам.директора, естественно, была закрыта, а в длинном "предбаннике" сидело много народа. Я заняла очередь, раскрыла книжку и села читать. А свои люди, институтские, бегали мимо очереди туда-сюда, и один мой приятель, увидев меня, подошел и спросил: "А вы что тут сидите?" Отвечаю: "Меня Рерих прислал". "И долго вы собираетесь тут сидеть? Вас Рерих прислал, а вы тут рассиживаетесь". Он продвинул меня к двери грозного зам.директора, открыл ее и сказал: "Вот ее прислал Рерих, а она почему-то не хочет входить". И ушел.

Перед Михневичем — немолодым человеком в толстых очках — груда бумаг. Он даже не предложил мне сесть и углубился в них. Я постояла, постояла и подумала: "А в чем дело, меня прислал Рерих! И я выполню то, что он мне сказал". Села и молча стала ждать. Михневич читал свои бумаги. "Я отсюда не уйду, — решаю я и замечаю время на часах, — если он еще почитает 10 минут, я открою книжку и тоже буду читать". Через 5 минут Михневич оторвался от бумаг — была глубокая тишина — и сказал: "А вы здесь почему?". Я говорю: "Я здесь потому, что меня прислал Рерих". И изложила ему дело. Тут он очень оживился и сказал: "Смирнов — старый больной человек. Лежачий больной. Неровен час,

что-то случится, пойдут наследники, пойдут суды. Нет. Мы не будем торопиться, зачем нам эти сутяжные дела?". Я вспомнила слова Юрия Николаевича и говорю: "Большое спасибо, я все передам Рериху". Пришла, изложила. Он поблагодарил.

Ровно через день я решила зайти по какому-то своему делу в издательство. Только открыла дверь, как увидела на стенде большой портрет Михневича в черной траурной рамке и подпись: "Участник войны, заместитель директора вчера скоропостижно скончался...". У меня все поплыло перед глазами. Я влетела в сектор Рериха, забыв всякую почтительность, и набросилась на Юрия Николаевича: "Как же это произошло — умер-то Михневич, а не Смирнов!". И тут — один из его затаенных взглядов; он сказал: "Есть такие силы, которые от нас не зависят! Вот видите, как получилось".

Приоткрытия завесы были и потом.

Юрий Николаевич был необыкновенным человеком, необыкновенной личностью. Для моего поколения он имел ни с чем не сравнимое значение. Мы были счастливы, что провели эти два с половиной года с ним. Через несколько лет после его кончины многие из его сектора уехали за рубеж. Я осталась. И вот считаю, что это был самый важный период в моей жизни. И мне очень хотелось об этом рассказать тем, кому счастья непосредственного общения с Юрием Николаевичем не было дано.

Ю.Н.РЕРИХ НА РОДИНЕ

Л.С.Митусова, Санкт-Петербург

В письмах ко мне и моей сестре Юрий Николаевич мечтал: "Будет большим праздником вернуть творчество Николая Константиновича родной земле". Приезд его в Россию был для нас подлинным духовным пробуждением.

Беседуя с Юрием Николаевичем, я всегда ощущала единое целое между его научной работой, творчеством Николая Константиновича, Живой Этикой, письмами Елены Ивановны. Если бы Юрий Николаевич не был крупным ученым в области востоковедения, ему было бы гораздо труднее объяснять нам все направления деятельности своей семьи.

Прибыв на Родину, он исполнял волю Николая Константиновича и Елены Ивановны в очень трудных условиях.

Его многое удивляло в нашем воспитании, поведении. Об этом он говорил, из-за этого у него происходили анекдотические случаи, недоразумения с обслуживающим персоналом и пр.

Его очень удивляла наша неточность, неисполнительность. Когда он приезжал в Ленинград делать свои доклады, то они откладывались на полчаса, на сорок минут из-за неустроенности помещения, неготовности аппаратуры, иногда из одного зала переводили в другой. Как-то Юрий Николаевич сидел с нами в публике, и я его спросила: "Эта неорганизованность тебя очень волнует?" — "Я уже к этому привыкаю". "Как привыкаешь? И в Москве такое же?" — "И в Москве так же". Но это особенно не огорчало Юрия Николаевича. Его доклады проходили при большом стечении слушателей. Говорил он просто, точно беседовал. Обычно так и получалось. Начинались вопросы слушателей, и доклад кончался беседой.

Когда Юрий Николаевич был в Ленинграде, в беседе с И.В.Сахаровым и со мной он говорил, что хотел бы жить в Ленинграде, но в смысле продвижения научных и организационных дел ему необходимо жить в Москве, ибо его во многом поддерживал Никита Сергеевич Хрущев.

На мой вопрос о Хрущеве Юрий Николаевич сказал, что несмотря на недостаточную образованность, он искренен.

Хочу прочесть одно из его писем:

28.XII.57.

"Дорогие Зюма и Таня,

сердечное спасибо за Ваши милые письма. Каюсь, крепко каюсь, что не ответил сразу, но все выжидал выяснения даты выставки. Выставка решена на высоком уровне, и теперь решают вопрос помещения. Своевременно сообщу. Вторая причина моего совершенно непростительного молчания — сессия китайских и монгольских ученых, проходившая в Москве в декабре, на которой пришлось принять участие. Нам было очень радостно повидать Таню и ожидаем появление Зюмы. Вчера имел письмо от брата, в котором он просил передать сердечный привет. Это письмо повезет в Ленинград мой старый друг по гимназии Влад.Серг.Люблинский. Очень постепенно наша квартира из квартиры-бивуака превращается в жилое помещение. Поздравляем с наступающим Новым годом и желаем всех благ. Имейте в виду, что Зюма могла бы остановиться у нас, если расстояние до центра не пугает. Всего Светлого!

Ваш Ю.Р."

В письмах к нам он больше писал о выставках. В одном письме: "Выставка налаживается и вообще все ближе к делу. Это письмо отвезет Андрей Владимирович Моргулин, который направляется в Ленинград для сбора картин Н.К.Рериха. Очень прошу оказать ему всемерное содействие в этом деле". В другом письме: "Настолько трудно, так много дела с выставками и со всем, что забываешь о своем малокровии и о всем остальном".

С большими трудностями была издана "Дхаммапада" под редакцией Юрия Николаевича. Пришлось отстаивать, доказывать. Ответственность была большая, и это по-видимому отняло у него много сил и здоровья. "Дхаммапада" вышла в свет в шестидесятом году. Собственно, срок сравнительно со сроком других выпускаемых книг очень малый. Вот так все шло в эти короткие годы жизни Юрия Николаевича в России.

ИСТИННЫЙ СВЕТ: ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Ю.Н.РЕРИХЕ

Г.Р.Рудзите, председатель Латвийского Общества Рериха

Юрий Николаевич Рерих был не только выдающимся, непревзойденным востоковедом, но и удивительным человеком.

Нашей семье, отцу Рихарду Яковлевичу Рудзитису, сестре Илзе и мне, тогда студенткам, выпало счастье встречаться с ним в Москве с августа 1957 г. по май 1960 г. К сожалению, несмотря на радость возвращения на Родину и выполнение заветов родителей, в жизни Юрия Николаевича вряд ли найдем период более тяжелый, чем эти внезапно оборвавшиеся три года в Москве. Кажется, лучше всего об этом говорит картина Святослава Николаевича "Пиета" (1961), посвященная брату и предоставленная нам вместо портрета Юрия Николаевича, который все горячо требовали. Мать держит на руках сына-мученика, снятого с креста, убитого теми людьми, которым он отдал все — знания, работу, жизнь. Изменились ли мы? Или все еще готовы стать против каждого, кто нам чужд, непонятен? Но без надежды жить нельзя: беспросветный темно-синий фон боли в картине пересекается розовым лучом надежды... Разве, чтобы понять, оценить, нужен нам был такой удар? "Они умеют почитать только мертвых", — когда-то горько отметил Николай Константинович.

Вспомним, уже в 1938 г., с начала военных действий в Европе, Рерихи ищут временное место для архива — картин, книг, манускриптов в Латвийском Обществе Рериха в Риге (где и было найдено место). Когда не удается получить визы из Москвы, Рерихи пытаются достать их через советское представительство в Латвии.

Николай Рерих уходит из жизни в сборах на Родину. ("Я не уехал, я путешествую", — заметил он когда-то на Алтае соотечественникам). И в Калимпонге Елена Ивановна и Юрий Николаевич Рерихи живут надеждой вернуться.

Лишь осенью 1956 г. мы узнали от друзей Николая Константиновича в Москве, что Юрий Николаевич во время визита Хрущева в Индию получил советское подданство и разрешение вернуться на Родину, прислал уже свои новейшие работы в Институт Востоковедения.

Рихард Яковлевич считает это величайшим событием, он записал в дневнике: "Юрий объединяет в себе два континента. Этот воинственный мудрый дух, может быть, будет заместителем Н.Рериха. Сердце с нетерпением стремится прочесть письма ближайшего будущего".

Но месяцы проходят, а вестей новых нет.

В августе 1957 г. отец посылает меня вместе с сестрой Илзе, которая со студентами из Художественной Академии поехала на Молодежный фестиваль в Москву, узнать что-нибудь о приезде Юрия Николаевича. Он дал мне несколько адресов, в том числе искусствоведов М.Бабенчикова и М.Алпатову. Брат последнего, биолог, восхищался Рерихом и одним из первых пытался объяснить излучения человека под влиянием икон и на примерах жизни. От коллекционера рериховских картин врача С.Мухина я узнала, что Юрий Николаевич уже в Москве и просит срочно связаться с моим отцом.

Так 26 августа состоялась наша первая встреча с Юрием Николаевичем. На нас глядят глаза Елены Ивановны. Черты Матери и Отца. И общая цель, и одна дорога жизни. С юности изучив восточные языки и военное дело, он стал первым помощником родителей в беспримерной Центрально-Азиатской экспедиции.

И в Москве он — по желанию родителей. "Если меня уже не будет, поедешь в Россию?" — "Поеду", — ответил Сын Матери. Он привез огромную библиотеку, вещи родительские, свои. Среди них зеленая настольная лампа матери, много повидавший ледоруб, статуя Будды с Цейлона, танки тибетские, статуэтки, ценнейшие иконы. Более 400 картин Николая Рериха, долго лежавшие в Одесском порту. Манускрипты отца, самого Юрия Николаевича. Рукопись трехтомного автобиографического сборника Николая Константиновича из 999 очерков. (Лишь война помешала первой части его выйти в Риге). Неоценимый манускрипт Юрия Рериха "Средняя Азия". Трудно было все разместить в четырех крохотных комнатах квартиры на Ленинском проспекте, 62/1.

Первой задачей было понять и войти в советскую действительность. Он ведь приехал из другого мира. И подчеркивал, что всегда говорит и будет говорить то, что может говорить при всех.

Поразило его умение мыслить. Мысль, напряженная, как натянутая тетива лука в руках его любимого героя Гесэр-хана. "Любую вещь надо осмыслить со всех сторон, — говорил он, — даже если кажется, что может быть только так. Первое — дисциплина мыслей и чувств. Осмысленным должен быть каждый наш поступок, даже каждое движение руки. Вечером обдумывать пройденное и составить план на завтра. Хоть что-то изменить к лучшему в себе каждый день".

Конечно, во всем сказывалось и его прекрасное воспитание и врожденный аристократизм, аристократия духа.

Его тронули слова Рихарда Яковлевича о потерпевших в репрессиях членах Общества Рериха в Латвии, четверо из них погибли. Отец говорил: "Радостно сознавать, что все 30 рериховцев, из которых большинство вернулись домой, не жалеют о времени решающих испытаний и чувствуют в сердце оптимизм. Когда я смотрю в эти близкие лица, я радуюсь за каждого, за их преданность. В нашем сумеречном времени великого перехода Преданность — это единственный истинный свет, который освещает все пути и принесет для человечества Зарю Будущего".

У нас было много вопросов о жизни в Кулу, об Отце и Матери. Людмила и Рая воспроизвели из фотографий комнаты в Нагаре, вспоминали, часто сквозь слезы.

Николай Константинович передал Юрию Николаевичу свой дневник. Велел проставить на некоторых картинах, которые ему особенно близки, свое имя. Перед смертью Николая Константиновича по радио прозвучала песня "Сохрани земля могилу святую".

Отец мой отметил французское изречение: "Король умер, да здравствует король!". Юрий Николаевич тихо, с достоинством принял это, зная нелегкую ношу. Но он — король, у него свое внутреннее недоступное королевство, где он весь и в разговоре с нами. Лишь глаза невольно дарят нам свет этой Страны.

Юрий Николаевич заметил, что в горах особые условия, можно меньше спать, есть. Елена Ивановна вставала до восхода солнца, в 3-5 часов. Беседовала с Учителем, записывала; чем могла — делилась и давала переписать. Когда не было секретаря Владимира Шибаева, было трудно. Иногда писал Юрий Николаевич, иногда Рая.

Отец мой спрашивал: "Много ли еще Дано?". Ответ был: "Опубликовано будет, когда будет время. И "Надземное", вторую часть "Братства", пока не издавать. И так дано слишком много. Щедрое сердце Матери Агни Йоги иногда давало больше, чем мы можем понять".

"Источник в вас, — говорил Юрий Николаевич, — в вас постоянно покоится источник своей собственной энергии. Не нужно при этом прибегать к каким-то заклинаниям, следует лишь помнить о даре, имеющемся у каждого человека". Отец рассказывал, что пишет книгу о психической энергии, и сетовал, как же писать о ней, не упоминая Высший источник — Иерархию. Юрий Николаевич считал, что дополнить всегда можно позднее. Главное — современность и научность. Говорил, что видел книгу, которую искал отец, — Брандштетера "О психической энергии" — в фундаментальной библиотеке Академии Наук. Просил обратить внимание на космичность психической энергии.

Юрий Николаевич передал желание Матери, чтобы Рихард Яковлевич написал книгу о космическом аспекте работ Николая Константиновича Рериха. (Отец оставил манускрипт "Космические струны в творчестве Н.Рериха").

Отец спрашивал, как понять "умную молитву" или "умное делание". "Это та же самая пранаяма, — пояснял Юрий Николаевич. — "Господи Иисусе Христе, помилуй мя" — ритмический способ дыхания. Вдох, задержка, выдыхание. Эту молитву надо поместить в сердце. Ритм молитвы в сердце никогда больше не должен умолкнуть, должен стать частью нормального, повседневного. Надо оставлять время на молчание, чтобы сердца могло касаться Высшее".

Юрий Николаевич приблизил к нам Восток: "На Западе люди умеют умно говорить, даже умно думать, но живут обычную земную жизнь. На Востоке, если что-то говорят, сразу же применяют в обыденную жизнь, чтобы было согласие. Потому Запад не продвигается вперед, не преуспевает. У западных философов очень красивые мысли, но сами философы не знают простую жизнь. Многие люди думают, что и Живую Этику можно читать и не применять. Вместо религий со временем придет наука. Надо исходить из обстоятельств сегодняшнего дня, возможностей. Говорить языком, сейчас понятным. Хоть немного дать в жизнь. Единственная сила может сейчас приблизить человечество к духовности — наука". "Теперь придется вспомнить физику", — говорил он нам с отцом. Отметил книгу С.Т.Мелюхина "Проблема конечного и бесконечного" (М., 1958). Рассказывал, что посещает вечера физиков, где говорилось о тогда еще запрещенных темах: пятнах на Солнце, влиянии космических лучей на человека и растения. Иногда во внутреннем кармане пиджака у собеседников Юрия Николаевича находилась любимая книга Агни Йоги.

Эти книги распространялись тайком, из рук в руки. Их читали и Иван Ефремов, и Константин Паустовский, и Леонид Леонов; знал Учение, оказывается, и Максимилиан Волошин, который в 1926 г. встретился с Рерихами в Москве.

Юрий Николаевич советовал делиться прочитанным. Беседы — лучше всего вдвоем. "Мы не ценим объясняющие лекции, но работу над формированием себя". Делать выписки, создавать для себя определенные требования, нормы, чтобы знать, как действовать. Оставить в покое тех, кому трудно, кому надоедает, и работать с теми, кто готов и рад бороться с трудностями.

Охотно отвечая на бесчисленные вопросы отца по Живой Этике, Юрий Николаевич в обычном разговоре не блистал цитатами. Не зря некоторые люди, гостившие в Наггаре, считали, что Юрий Николаевич непричастен к Учению, он, самолично получающий

Указания Учителя. Мысли он передавал ненавязчиво, незаметно в разговоре, примерами из жизни. Когда я тайком с удивлением и восхищением наблюдала это, он потом, наедине, тихо заметил: "Мы, восточные, не говорим о сокровенном, дорогом нам".

Человеком удивительной правдивости был Юрий Николаевич — не терпел ни малейшей лжи.

Он старался не встречаться с людьми, имеющими астральные видения, с астральными "гуру". Даже с их друзьями. Знал, насколько опасен и заразителен низший астральный мир. Высший мир не будет подвергать людей опасности в ядовитой атмосфере современного города, он будет говорить только самым верным и безопасным образом — через сердце.

"Приближаясь к Свету, тени сгущаются, — говорил Юрий Николаевич. — Западник будет сожалеть об ошибках, мучиться в угрызениях совести. Восточник осмыслит, отбросит и пойдет дальше".

Трудно было ему здесь, но он успокаивал нас: "Не трудно ли вам? Крепитесь, крепитесь, крепитесь!".

24 февраля 1958 г. отец пишет в дневнике: "Из-за него Москва, столь страшная, трудная (здесь его пытали в застенках Лубянки — Г.Р.) стала для меня вторым центром сознания".

Да, трудностей было много. Сколько энергии и находчивости потребовала уже первая выставка вновь привезенных картин Николая Рериха, столько раз разрешенная — и отказанная! В конце концов разрешили, но лишь в малом зале на Кузнецком мосту. Но сжатость помещения дала экспозиции особую силу напряженности света и красок. Выставка стала подлинным праздником.

Рихард Рудзитис записал в дневнике: "Русский народ возродится через искусство, прежде всего, через образы искусства Н.Рериха. Народ будет поражен, увлечен великим, небывалым духовным миром, той идейной культурой форм, которую он еще не знает. Живая Этика широким массам народа может говорить именно через искусство и культуру. Истинно, миссия Николая Константиновича и Елены Ивановны еще в будущем, именно после их ухода с земного плана. Путь испытания крепости нашего духа только теперь начнется. Мы теперь во всем предоставлены самоинициативе, находчивости и решениям духа".

Испытания для Юрия Николаевича начались с первых дней пребывания в Москве. Желание Николая Константиновича Рериха было передать значительную часть картин Алтаю. Но отбор картин прошел без ведома Юрия Николаевича. Он вздохнул с облегчением, когда увидел список 60 полотен, отобранных для Новосибирской картинной галереи.

Его волновала судьба картин. Они были преподнесены с одним условием — чтобы находились в постоянной экспозиции. Николай Константинович считал, что картины должны воздействовать во благо людей. И в Индии все они находились в экспозиции, включая помещения библиотек, больниц. Известна исцеляющая, обновляющая сила картин Николая Рериха.

Начало показалось обнадеживающим. Предлагались места отдельного мемориального музея во дворцах Подмосковья, в Архангельском, шла речь даже о постройке нового здания. Наконец, остановились на доме бывшего Общества поощрения художеств в Ленинграде, где когда-то жил и работал Рерих. До переселения из этого помещения Художественного фонда и окончания ремонтных дел было решено временно передать картины на хранение Русскому музею. Наверное, уже после разговора с директором музея Юрий Николаевич почувствовал неладное и спешно изменил списки картин. Любимое изречение директора было: искусство в музеях — это ледяная гора в море, лишь верхушка над водой, т.е. на экспозиции. Так и было. Почти все годы из огромной коллекции картин Н.Рериха (вместе с уже имевшимися 424 картинами) выставлялись лишь несколько. Остальная часть находилась "в строгом режиме", в запасниках, и все еще ждет своей "реабилитации".

Квартира Юрия Николаевича постоянно посещалась людьми, и он считал возможным пока, до оформления Мемориального музея Н.Рериха, часть самых дорогих ему картин вывесить у себя, насколько позволяла свободная часть стен. Так, в квартире остались: "Гесэрхан", "Св.Сергий-Строитель", "Тень Учителя", "Держательница Мира", портрет Елены

Ивановны Рерих кисти Святослава Николаевича, гималайские пейзажи. (Часть можно узнать и по каталогам — картины выставлялись после ухода Юрия Николаевича). И все они были завещаны Н.К.Рерихом Родине. Юрий Николаевич, как и его родители, вообще ничего не считал своей собственностью. Его миссия была передать наследие Родине.

Все еще ждет своего издания трехтомник "Моя жизнь". До сих пор изданные сборники Н.Рериха далеко не охватывают его литературного наследия. Притом даже самый солидный сборник "Из литературного наследия" (М., 1974), где напечатана часть очерков из "Моей жизни", претерпел столько сокращений, искажений! "Моя жизнь" — это целый сборник, составленный самим автором.

А с каким трудом начал Юрий Николаевич издание буддийских источников, продолжая серию "Библиотека Буддика"! Никому не нужным остался и труд его "Средняя Азия", значение которого он сам весьма ценил. Полностью не издан дневник экспедиции "По тропам Центральной Азии".

Весной 1960 г. Юрий Николаевич мечтал об отдыхе в степях родной Монголии. Предполагал переехать работать в Бурятию, в Улан-Удэ. Не успел, ушел в другой мир, устрасаясь внезапно. А может быть, он и знал, и чувствовал. За неделю до ухода, во время трапезы с ближайшими друзьями он усадил моего отца на свое место и просил всех работать вместе, поддерживая друг друга. Он ушел более одиноким, чем когда-либо.

ВСТРЕЧИ С Ю.Н. РЕРИХОМ

Б.А.Смирнов-Русецкий

Мне выпало редкое счастье встретиться с Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной Рерих в их приезд в Москву в 1926 г. Тогда же я познакомился с Юрием Николаевичем.

Первая встреча произошла в гостинице "Большая Московская", где останавливалась семья Рерихов. Запомнился его юный облик — темные глаза и русая бородка. Заметно было его сходство с отцом (с годами оно еще увеличилось). Мы обменялись несколькими фразами, но встреча была короткой.

Его внешность очень хорошо передает снимок, сделанный весной 1920 года в Урумчи, где он стоит вместе с отцом и консулом СССР А.Е.Быстровым.

Прошло тридцать лет со времени той московской встречи. Я почти ничего не знал о семье Николая Константиновича. Никаких связей с Индией не было, и приезд Юрия Николаевича в СССР в августе 1957 г. оказался для меня полной неожиданностью.

И все же через десять дней после его приезда наша встреча состоялась. Мы с женой пришли в летний театр "Эрмитаж" посмотреть вечер цейлонского танца. Зал был полупустой; мы сидели в боковой ложе и с большим интересом наблюдали причудливые телодвижения танцоров, исполненные тонкого ритма. По окончании представления захотелось поближе взглянуть на танцоров, и мы подошли к крайней ложе у сцены.

Я невольно взглянул на сидящих в первом ряду: необычайно похожий на Николая Константиновича человек с седеющей бородкой обернулся на мой напряженный взгляд и внимательно посмотрел на меня. Это был Юрий Николаевич. Я почувствовал, что он узнал меня.

Мы встретились на одной из дорожек сада. Он познакомил меня с сестрами Богдановыми, приехавшими вместе с ним.

"Я работаю в Институте Востоковедения Академии Наук, — сказал он. — Мы остановились в гостинице "Ленинградская". Приходите к нам. А скоро мы должны получить квартиру на Ленинском проспекте". Юрий Николаевич дал мне адрес гостиницы и своей будущей квартиры. Он задал еще несколько вопросов о моей жизни и моих друзьях-художниках, с которыми был знаком.

Беседа была краткой, но бесконечно взволновала меня.

В то время я работал в Институте Металлургии Академии Наук СССР на Ленинском проспекте, довольно близко от дома, где поселился вскоре Юрий Николаевич.

Новый большой дом на углу Ленинского и Университетского проспектов, внутренний сад, через который проходишь, чтобы дойти до заветного подъезда... Все это было увидено в день новой встречи и запомнилось на всю жизнь.

На мой звонок открыла Людмила Михайловна — старшая из сестер Богдановых. Юрий Николаевич вышел из своего кабинета. В дружеском объятии сразу же исчезло то огромное расстояние в пространстве и времени, что разделяло нас...

Необычайно дорог был его облик, так напоминавший отца: тот же овал лица, те же твердые, довольно широкие скулы; но глазами, карими, с зеленоватым отливом, он больше напоминал мать.

Во всем облике Юрия Николаевича светились доброта, ясность, великая простота и мудрость. И еще запечатлелось сразу удивительное чувство русской сердечности и гостеприимства.

В эти дни он был полон глубокой радости, связанной с возвращением на Родину. Осматривал Кремль, побывал в Загорске. Со свойственной ему остротой наблюдения и умением уловить смешные стороны жизни Юрий Николаевич, например, рассказывал, как в Лавре на вопрос, где можно купить монастырские сувениры, получил ответ: "У отца-киоскера". Это сочетание исконно монашеского и современного рассмешило его.

Юрий Николаевич не любил говорить о себе. Но я постепенно узнавал из его рассказов, отчасти из беглых упоминаний Людмилы и Раи (Богдановых), а главное, из жизни самого Юрия Николаевича, сохранившего и в Москве тот же уклад, о жизни семьи в Кулу.

Они вставали рано, а к восьми сходились к столу. Юрий Николаевич каждое утро ездил верхом. Еще с молодых лет он любил верховую езду, а в экспедиции по Центральной Азии получил особую привязанность к лошадям, ибо долгие месяцы приходилось проводить в седле. В Москве, увы, этой радости он был лишен и скучал по верховой езде.

После завтрака каждый шел на свое рабочее место — Николай Константинович в мастерскую, Елена Ивановна — в рабочий кабинет, а Юрий Николаевич в Институт "Урусвати" или в свой кабинет.

Так начинался день. После обеда и короткого отдыха работа возобновлялась и продолжалась до ужина. И только после этого семья собиралась в гостиной и обычно слушала музыку.

Жизнь каждого была строго подчинена дисциплине; она проистекала из любви к труду, из сознания благодетельного значения жизненного и рабочего ритма. С трудом верится, что один человек мог создать столько произведений, написать столько книг, вести такую обширную переписку, как Николай Константинович Рерих. По словам Юрия Николаевича, он работал как будто не спеша, даже медленно, а успевал сделать так много благодаря строгому ритму работы; он способен был соединить одновременно несколько работ и выполнял их так безошибочно, что обычно почти ничего не исправлял. Диктуя свои Листы Дневника, он укладывал текст каждой темы примерно в страницу, проявляя высокое литературное мастерство. Мне довелось просмотреть вместе с Юрием Николаевичем (отбирая для публикации) 650 страниц Дневника, и лишь изредка попадались небольшие поправки, сделанные рукой автора.

Спокойствие, тишина и углубленность уединенной жизни семьи в Гималаях, постоянная творческая работа, изучение духовной жизни, философии и религий Индии — все это отразилось в рассказах Юрия Николаевича. И в его жизни, в тиши его кабинета, с трех сторон обрамленного полками с книгами — древними и современными — как бы присутствовал "аромат" восточной мудрости, исходивший от глубокой сосредоточенности ученого, погруженного в постоянную творческую работу.

При первой же встрече он заговорил со мной о главной задаче, которая перед ним стояла: вернуть Родине творчество Николая Константиновича, популяризировать его искусство.

Все его усилия в дальнейшем были планомерно и неуклонно направлены к этой цели. Эпопея с организацией первой выставки картин Николая Константиновича проходила на моих глазах и с моим участием. При этом особенно ярко проявились все ценные качества Юрия Николаевича: терпение и настойчивость, мягкость и деликатность в общении с людьми и непреклонность в устремлении, умение заинтересовать и увлечь людей, необычайная широта и правильность оценки перспективы.

Юрий Николаевич обратился к министру культуры Михайлову с просьбой об организации выставки картин Н.К.Рериха вскоре после своего приезда. Михайлов предложил устроить ее в залах Академии художеств, однако академики тормозили это решение, и оно не было реализовано.

После вторичного обращения к министру был предложен маленький, плохо освещенный зал на ул. Горького, 25, который явно не подходил для задуманной экспозиции. На третий раз был одобрен зал на Кузнецком мосту, 20, тоже очень небольшой, но все же более подходящий.

Вместе с Юрием Николаевичем мы отправились в Третьяковскую галерею, где хранились привезенные Юрием Николаевичем, а также ранее приобретенные заведением картины, чтобы отобрать их на первую выставку. В качестве консультантов при отборе присутствовали художник П.Н.Крылов и сотрудник Третьяковской галереи Е.В.Журавлева.

Так как предоставленный выставочный зал был сравнительно невелик, пришлось ограничить количество намеченных полотен. Было отобрано 33 крупных картины, в том числе: "Ждущая", "Гималаи", "Ладак", "Нанда-Деви", "Лхаса", "Сантана", "Огни на Ганге", "Горное озеро", "Бэда-проповедник", "Гесэр-хан", "Помни". Из произведений на русскую тематику выбрали картины "Борис и Глеб", "Поход Игоря", "Настасья Микулична" и, кроме того, более ранние произведения, находящиеся в Третьяковской галерее и Русском музее — "Гонец", "Город строят", "Заморские гости", "Святой остров" и др. Всего на выставке было представлено 36 картин и 95 этюдов.

Были трудности с составлением каталога и вступительной статьи. Ее предложили написать М.В.Алпатову, но он отказался. По просьбе Юрия Николаевича я составил черновой текст статьи на пяти страницах. С этим текстом Юрий Николаевич поехал к Константину Федоровичу Юону, давнему другу Николая Константиновича. Он тяжело болел воспалением легких, но все же охотно выполнил просьбу Юрия Николаевича и быстро написал статью, закончившуюся словами: "Архаика, наука и искусство были составными элементами его произведений. Народные легенды и предания, связь мифологии с геологией, с сейсмическими и космическими силами природы глубоко волновали его художественное воображение... Эмоциональное искусство Рериха почти непередаваемо словами — оно для глаз и для души".

Три дня вместе с заведующим выставочным залом и с искусствоведом из Риги трудились мы над развеской. Обилие картин и теснота помещения увеличивали трудность работы. И все же выставка удалась.

После знакомых картин: "Поморяне. Утро", "Небесный бой", "Пантелей-целитель" и др. при входе в большой зал открывалась величественная панорама Гималаев в картине "Помни". Как неожидан был этот переход! Как потрясал он всех, проходящих на выставку! Открывался новый, неведомый мир величайшей горной страны, мир легенд и чаяний Востока, мир, овеянный глубокой мудростью и красотой.

Выставка сразу же привлекла внимание зрителей. Постоянно длинная очередь стояла на улице.

Юрий Николаевич очень часто бывал в залах на Кузнецком мосту. Это была первая радость, первое торжество возвращения творчества Николая Константиновича Родине!

Всегда плотной толпой его окружали зрители, задавая бесчисленные вопросы. Тогда же с ним познакомился В.С.Соколовский, ставший исследователем творчества Н.К.Рериха и составивший первый каталог его произведений.

В газетах эта выставка была еще слабо освещена: "Вечерняя Москва", например, просто

перепечатала вступительный текст каталога.

Вскоре была организована вторая, более обширная выставка картин Н.К.Рериха в Третьяковской галерее. Она также пользовалась неизменным успехом, как и все последующие его выставки.

Встал вопрос о дальнейшей судьбе картин Николая Константиновича, привезенных на Родину. Юрий Николаевич передал большую часть их в дар государству, оставив у себя около ста этюдов и следующие картины: "Гесэр-хан", "Бум-Эрдени", "Тень Учителя", "Сергий-Строитель", "Будда в подводном царстве", цикл "Монголия" и другие.

По завещанию Николая Константиновича большая часть картин должна была быть передана в музеи Сибири и Алтая. Кроме того, Юрий Николаевич вел переговоры с директором Русского музея В.А.Пушкарёвым, который обещал выделить отдельный зал для постоянной экспозиции картин Н.К.Рериха.

Интерес к творчеству Н.К.Рериха возрастал, и, естественно, к Юрию Николаевичу стали обращаться с просьбой прочесть лекции о живописи его отца. Впервые он был приглашен профессором А.А.Федоровым-Давыдовым на кафедру искусствоведения МГУ. Я поехал вместе с ним.

Первоначально предполагалось, что лекция будет прочитана для сотрудников кафедры; но стали приходить студенты, узнавшие о приезде Юрия Николаевича, и пришлось подыскать обширную аудиторию, где собралось человек сто пятьдесят. Они слушали лекцию, буквально затаив дыхание.

Мне не однажды довелось присутствовать на лекциях Юрия Николаевича. Трудно воспроизвести их содержание, они ни разу не были записаны. Но одно общее всегда им было присуще: Юрий Николаевич никогда не подчеркивал своей близости с отцом и даже не употреблял этого слова. Это было проявлением его великой скромности.

Сопровождавший отца в экспедициях, наблюдавший природу Гималаев и Тибета в самых разнообразных условиях, Юрий Николаевич отмечал именно реализм и правдивость искусства Рериха, его высокое умение отобразить несравненное величие Гималаев.

Позже, когда я показывал Юрию Николаевичу некоторые из своих работ, его любимым выражением было: "Здесь есть правда".

Очень яркое впечатление оставило его выступление в Московской организации туризма. Юрий Николаевич с большим увлечением рассказывал о Трансгималайской экспедиции, о преодолении трудностей. Рассказ сопровождался показом слайдов картин Н.К.Рериха. Небольшой зал был переполнен, люди расположились на подоконниках, стояли в дверях, но в этой тесноте царил атмосфера радостного оживления, чувство соприкосновения с чем-то дорогим, сказочным и заветным.

Помню выступление Юрия Николаевича в Московском Доме ученых. Оно проходило в небольшом Белом зале и очень большому числу ученых не удалось войти. По окончании лекции Юрия Николаевича просили тут же прочесть ее повторно. Он самоотверженно это сделал, несмотря на духоту и утомление.

Юрий Николаевич выступал и в Доме литераторов, познакомился со многими писателями, в том числе с Леонидом Леоновым, Федором Панферовым и другими.

По предложению Панферова Юрий Николаевич решил напечатать в журнале "Октябрь" первую публикацию Листов Дневника Н.К.Рериха. (Он привез из Индии два машинописных экземпляра этого объемистого материала).

Еще мало знакомый с требованиями советских журналов, Юрий Николаевич пригласил меня помочь ему в отборе. Мы наметили около 120 "листов", и часть из них была опубликована в десятом номере "Октября" за 1959 год, со вступительной статьей доктора искусствоведения Н.Соколовой.

В этот же период при участии Юрия Николаевича искусствовед В.П.Князева, сотрудник Русского музея, начала готовить первую монографию о Н.К.Рерихе, вышедшую в 1963 году.

...Каждую среду после работы я приходил к Юрию Николаевичу. Вся атмосфера его квартиры несла печать высокой духовной культуры семьи.

Книжные полки были первой его заботой. Они были уставлены редкими манускриптами на санскрите, пали, тибетском и других языках, изданиями по проблемам востоковедения и др.

Кабинет украшали бронзовая скульптура Кришны с флейтой в руках и тибетские танки. Квартира во всех мелочах напоминала о родителях: картины и этюды Николая Константиновича, портреты Елены Ивановны и родных, семейные реликвии.

Юрию Николаевичу хотелось иметь мебель, когда-то находившуюся в их квартире на Мойке, в Петербурге. Часть этой мебели хранилась у двоюродного брата Елены Ивановны — Степана Степановича Митусова, а после его смерти в 1941 году — у его дочерей Людмилы и Татьяны. Они передали Юрию Николаевичу старинное кресло Николая Константиновича и стулья из его кабинета.

В этом кресле ученый обычно работал за своим огромным столом. Он сидел за ним, всегда заваленным книгами, во время наших еженедельных бесед. Как досадно, что ни одна из них не была записана! Они затрагивали широкий круг тем. Юрий Николаевич рассказывал о жизни в Кулу, об эпизодах экспедиций, о разнообразных встречах.

Вспоминая события семейной жизни, Юрий Николаевич любил отметить юмористические их черты. Например, когда Николай Константинович получил приглашение в Лондон от Королевской Оперы для оформления "Князя Игоря", то Святослав Николаевич был оформлен как помощник декоратора, а Юрий Николаевич как... акробат-наездник. Ему действительно пришлось выполнять роль наездника во время действия оперы. Как-то норовистая лошадь вдруг неожиданно понесла, и он проскакал через сцену в своем обычном (а не оперном) костюме и несколько раньше времени. Публика приняла это как должное. Вспоминал он и смешные эпизоды из жизни в Кулу. Велико было гостеприимство Рерихов, но им часто злоупотребляли. И тогда на долю Юрия Николаевича выпадала неблагоприятная задача — выпроваживать непрошенных гостей.

Однажды заехала к ним малознакомая русская дама-эмигрантка, и живет неделю-другую, не думая уезжать. В одно прекрасное утро, после завтрака, рассказывал Юрий Николаевич, я обратился к ней и сказал: "Госпожа, лошади поданы" и галантно проводил ее и посадил в экипаж.

В другой раз бродячий "садху" зашел в их дом, уселся в столовой в позе лотоса и решил, что это место для него очень удобно. Никакие уговоры на него не действовали. Тогда по приказу Юрия Николаевича слуги посадили "святого" с полным почтением на носилки и вынесли за пределы имения.

Рассказы о жизни в Индии, о путешествиях по Центральной Азии чередовались с рассказами о Западе. Юрий Николаевич имел возможность широко сопоставлять Запад и Восток, а также Советский Союз с Западом, связывая перспективы жизни нашей планеты с победами Новой Страны.

Как-то я попросил Юрия Николаевича рассказать о последних днях Николая Константиновича.

"Отец был очень слаб, мы по очереди дежурили около его постели. Это было время, когда происходили кровопролитные столкновения между индуистами и мусульманами, спровоцированные англичанами. Иногда в долине слышались выстрелы. Как-то ночью, когда я дежурил, он заметил около меня ружье и спросил, что происходит. Чтобы его не беспокоить, я сказал — в сад приходят медведи, нужно быть готовым их отогнать. Окрестные жители очень уважали отца, и в эти беспокойные дни не было ни одного случая вторжения к нам... Он тихо перешел в иной мир во время сна. Елена Ивановна не хотела больше жить в Кулу, и мы переехали в Калимпонг (Сикким), где она провела последние годы жизни. Ее уход так тяжело поразил меня, что долгое время я не мог оправиться".

Юрию Николаевичу как старшему сыну полагалось зажечь погребальный костер, на котором по восточному обычаю были преданы огню тела отца и матери. Чувствовалось, что даже спустя годы ему были тяжки эти воспоминания, образы любимых отца и матери неизменно жили в его сердце.

Рассказывал Юрий Николаевич, в частности, об Адьере, где он неоднократно бывал и общался с членами теософского общества. Отмечал, что там соблюдали строгий внешний этикет, особые одежды и знаки, указывавшие на достигнутую степень посвящения, но все это имело чисто внешний характер. Если на первых порах своего развития общество было прогрессивно — поддерживало освободительное движение в Индии, боролось за равенство в правах индийцев и англичан, то впоследствии, с усилением западного влияния, оно как бы окаменело в своих внешних формах и медленно умирало. Такое же впечатление о теософском обществе в более поздний период вынесла и Л.В.Шапошникова (если судить по ее книге "Годы и дни Мадраса").

...Однажды мы провели целый день под Москвой, в Барвихе и Раздорах. Сохранились снимки, сделанные мной и моей женой, Лидией Васильевной. Мы расположились на высоком месте, в сосновом лесу. Расстелили скатерть, и импровизированный "Обед на траве" прошел в веселой, шутливой беседе, в полной отрешенности от всяких дел и забот. Светлый и ясный облик Юрия Николаевича (в летнем костюме и галстукe, несмотря на жаркую погоду) воспроизводят снимки на фоне леса.

Потом мы долго прогуливались по бору. Тишина, уединение, чудесный шелест сосен — все располагало к тихой душевной беседе...

Позже Юрий Николаевич рассказывал о поездках с Андреем Николаевичем Зелинским в Переславль-Залесский, а также в Мозженку, где у них была дача...

Высокая духовная культура семьи сказывалась и на отношении Юрия Николаевича к искусству. Мне довелось побывать вместе с ним в Художественном театре на постановке "Анны Карениной". Юрий Николаевич отметил определенное непонимание в художественной трактовке стиля той эпохи; чувствовалось, что театр утратил представление о той действительности, которая "звучала" в произведениях Льва Толстого. Конечно, этого не могло бы случиться при жизни Станиславского и Немировича-Данченко.

Были мы однажды с Юрием Николаевичем и сестрами Богдановыми на концерте в Большом зале Консерватории. Исполняли Третью симфонию и "Поэму экстаза" Скрябина. Не помню, кто именно дирижировал, но исполнение нам не особенно понравилось. После этого не раз были беседы о музыке. Юрию Николаевичу приходилось слушать выступления крупнейших музыкантов эпохи: Зиллотти, Кусевицкого, Рахманинова, Вейнгартнера, Клемперера, Караяна и многих других. Его требования к исполнителям были достаточно высоки.

Неоднократно приходилось беседовать с Юрием Николаевичем о живописи. Он был тонким, эрудированным знатоком искусства Востока. Из русских художников — высоко ценя творчество Николая Константиновича — он любил Врубеля, Нестерова, Петрова-Водкина, Сарьяна, Юона и других художников. Произведения экспрессионистов, абстракционистов и иные формы современного западного искусства были ему чужды.

Я регулярно показывал свои новые работы Юрию Николаевичу. Ему нравились этюды из циклов "Новгород", "Валдай" и "Север". "Здесь есть правда", — повторял он. Я замечал, что в моем творчестве ему нравилось более то, что стилистически и образно было ближе творчеству Николая Константиновича.

Юрий Николаевич не раз вспоминал ни с чем не сравнимое величие закатов и восходов среди безмолвия пустынных нагорий Монголии и Тибета. Как хотелось ему подчас вновь пройти маршрутами дальних экспедиций!

Уехав из Индии, он фактически лишился возможности жить на свежем воздухе и черпать силы в общении с природой. За три года он ни разу не воспользовался отпуском, очень редко выезжал за город; дача давно была ему обещана, но так и не была подобрана. Весной 1960 года мы ездили с ним на станцию "Здравница" по Белорусской железной дороге, где строили небольшой поселок для научных работников. Но местность ему не понравилась, бетонные коробки дач тоже были мало привлекательны.

В эту пору светлую радость внесла поездка в Улан-Удэ на научную конференцию. Там Юрий Николаевич впервые за два года поездил верхом и вернулся посвежевшим,

набравшимся новых сил и полным впечатлений от общения с учеными Бурят-Монголии.

В начале весны были получены сведения о приезде с выставкой по приглашению Министерства Культуры СССР Святослава Николаевича Рериха. Чувствовалось, что Юрий Николаевич с большим нетерпением ждал брата; ему хотелось поделиться с ним всеми впечатлениями, полученными на Родине за два с лишним года, узнать новости из Индии.

Не буду описывать подробностей открытия выставки картин Святослава Николаевича. Отмечу лишь, что Юрий Николаевич был несколько грустен и отчужден, что как-то не вязалось с общей радостной атмосферой.

Через несколько дней мы собрались на квартире Юрия Николаевича. Были сестры Митусовы, Виктор Тихонович Черноволенко с женой и, конечно, Святослав Николаевич с Девикой Рани. Шла оживленная беседа, в основном — впечатления от открытия выставки. И опять у Юрия Николаевича был грустный, отстраненный вид. Казалось, что он получил какое-то важное печальное известие и не мог принять участия в общей радости.

Сохранились снимки всех сидящих за круглым столом, и они отразили эту печаль и задумчивость Юрия Николаевича.

Двадцатого мая Юрий Николаевич был в гостях у Святослава Николаевича в гостинице "Украина". Ужинали вместе, он вернулся домой довольно поздно.

На следующий день он почувствовал себя плохо. По словам сестер Богдановых, это было связано с желудком. В Индии он болел дезинтерией и был очень чувствителен в отношении пищи. Может быть, в гостинице он съел что-то неподходящее, так думали сестры.

В этот день — день его ухода — я забежал ненадолго, около четырнадцати часов. Людмила сказала, что Юрий Николаевич плохо себя чувствует; мне не хотелось его беспокоить и, пробыв недолго, я уехал домой. Вдруг в 18 часов телефонный звонок — Юрий Николаевич скончался. Это было так неожиданно, так невероятно, что трудно было поверить... Мы немедленно поехали туда.

Из позднейших рассказов сестер удалось восстановить картину происходившего в этот день. Когда Юрий Николаевич заболел, сестры вызвали гомеопата Мухина, который был домашним врачом. Но Мухин приехал не сразу, осмотрел больного, сказал, что нет оснований беспокоиться, оставил какие-то лекарства... и уехал на дачу. Состояние Юрия Николаевича ухудшилось. Сестры вызвали скорую помощь: врач предложил сделать укол (вероятно, для стимуляции деятельности сердца), но Юрий Николаевич отказался. Через некоторое время у него отнялся язык, он мог только писать. Сестры вторично вызвали скорую помощь и позвонили Святославу Николаевичу. Скорая приехала только около 17.30, но Юрий Николаевич уже скончался, пульса не было. Почти одновременно приехал Святослав Николаевич, его попытки реанимации были безрезультатны. Официальный диагноз после вскрытия — сердечная недостаточность. Так неожиданно оборвалась жизнь дорогого всем нам человека, и сознание никак не могло смириться с мыслью, что его уже нет с нами...

Торжественно и как-то особенно прочувствованно прошла гражданская панихида. Прекрасные речи, полные глубокого содержания, произнесли посол Индии Менон и посол Цейлона Малаласекера. Выступавшие сотрудники и аспиранты Института Востоковедения отмечали не только огромные научные заслуги Юрия Николаевича, но и его сердечность, отзывчивость, необычайную доброту. Общение с ним оставило глубокий след.

ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕКА

К.А.Молчанова,
председатель Эстонского Общества Рериха

Не в словах, но в безмолвном общении я получила ответ на вопрос жизни "быть или не быть". Я не могла продолжать больше жить без живого воплощенного идеала, хотя рядом и был наставник, который незаметно направлял по пути к Знанию... Встреча с Юрием Николаевичем стала моим спасением.

Расскажу о себе. Работала я уже с тринадцати лет. Закончила курсы машинописи, потом вечернюю среднюю школу. Мечтала стать певицей. Неоднократно поступала в музыкальное училище. Когда же, наконец, была принята, проучилась всего лишь два года, продолжая работать. Затем ушла в самодеятельность. Закончила позднее курсы стенографии и курсы английского языка.

Мне было уже двадцать семь лет, когда летом 1959 года мы с дочерью Павла Федоровича Беликова — Леной поехали из Таллинна через Москву в Крым, впервые в жизни так далеко от дома. В Москве тогда у нас никаких знакомых не было, и ночевали мы у какой-то старушки, адрес которой дал швейцар одной из гостиниц ВДНХ. Павел Федорович дал нам с собой письмо и книгу, чтобы в Москве был повод зайти к Юрию Николаевичу. Позвонить Юрию Николаевичу ни одна из нас долго не решалась. Я настояла, чтобы это сделала Лена. Она позвонила, забыв упомянуть обо мне.

И когда мы, опоздавшие на полчаса, позвонили в дверь, Юрий Николаевич с поклоном открыл ее сам, едва заметно взглянув на меня, пожал нам руки и стремительной походкой сразу же провел в свой кабинет. Статный, небольшого роста, он четкими движениями усадил нас у письменного стола и сел чуть поодаль.

В те дни в Третьяковской галерее в смежных с выставкой Андрея Рублева залах проходила вторая организованная Юрием Николаевичем выставка картин Н.К.Рериха. Мы там уже побывали. Синева Гималаев проникала в рублевский зал через открытую дверь, завораживала и притягивала своей необычностью и чистотой. Входящий в зал оказывался внутри пространства, заполненного частичками синевы. Разговор зашел об этой выставке. Юрий Николаевич поинтересовался, что понравилось больше всего. Конечно, поразила картина "Бэда-проповедник". Не ожидала я увидеть живописный образ поэмы Якова Полонского, от которой в детстве получила потрясение. Но Юрию Николаевичу почему-то ответила, что больше всего понравилась картина "Ковер-самолет", что поражаюсь также чистоте красок на картинах Николая Константиновича. Юрий Николаевич выразил удовольствие от того, что Рерих и Рублев выставлены рядом, что они созвучны, что оба художника не смешивали краски. Чистота так роднит их!.. А вот здесь, в кабинете, над входной дверью картина "Гесэр-хан". Она пламенеет. "И какие необъятные просторы!" — говорит Юрий Николаевич. Отвечаю по-своему: "Какая даль!". И он сразу же подхватывает четко: "Даль! Да, даль!". Смущаюсь этому и вижу не глаза Юрия Николаевича, а глаза Спаса, необъятно открытые, приявшие в себя своим теплом все, что есть я. Сердце мгновенно наполнилось блаженством. В забвении всего окружающего и Юрия Николаевича я видела — переживала — только яркий Свет. Сколько длилось такое состояние, не знаю. Только вдруг голос внутри сказал: "Нельзя так долго сидеть и столько времени отнимать у такого занятого человека!". И я очнулась. Посмотрела на Лену. Она сидела, нагнув голову и не шевелясь. Когда я снова повернулась к Юрию Николаевичу, те же глаза Спаса смотрели на меня, но совершенно иначе — настолько строго, что сердце вздрогнуло от этой суровости. И все же я опять впала в забвение... И снова появилось беспокойство: "Нельзя так много отнимать драгоценного времени!". Я вскочила с места. Сразу же поднялись и Юрий Николаевич, и Лена. В прихожей обернулась у входной двери. Так же, как и при встрече, Юрий Николаевич тихо, с поклоном пожал нам руки.

Вернувшись из отпуска, я стала вникать в книги Учения Жизни и все это время жила под знаком непереносимой встречи с Юрием Николаевичем в следующем году, и еще — в непреходящем состоянии Благодати. И вот в начале мая 1960 года я села в поезд Таллинн-Москва. В Москве я почувствовала себя совершенно одинокой в океане неизвестности. Со мной было письмо Юрию Николаевичу от Павла Федоровича, а в Москве — ни пристанища, ни вообще каких-либо знакомых, кроме Юрия Николаевича. Устроилась где-то на окраине Москвы в общем номере гостиницы "Алтай". Сразу же позвонила на квартиру Юрия Николаевича. Женский голос ответил, что он в Музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина готовит выставку картин Святослава Николаевича. Туда и отправилась... В вестибюле прямо на меня шел Юрий Николаевич. Остановила его, представилась гонцом из Таллинна и вновь почувствовала вину — опять начинаю отнимать драгоценное время у Юрия Николаевича. Однако не отступила. Он сказал, что на днях у него будут друзья из Риги, и я могу к ним присоединиться. Все же я попросила уделить время и мне одной. Так на следующий день пришла к Юрию Николаевичу днем. Его еще не было дома. Дверь открыла Людмила Михайловна. Она провела меня в кабинет, и мы поговорили, как старые знакомые, о том, о сем. Пришел Юрий Николаевич. Очень утомленный. Надо сказать, что я не почувствовала себя посторонней, мешающей, ненужной. Он был такой же предупредительный, внимательный, но чем-то озабоченный. Мы посидели молча, но ничего подобного, как в прошлый раз, уже не могло повториться. Неожиданно Юрий Николаевич сказал: "Дхаммапада" отпечатана в типографии, но меня продолжают пытаться — зачем издавать буддийские религиозные книги? Не успею на одном совещании объяснить, доказать, приглашают на другое. И там все то же самое. Но как же понимать другие народы, дружить, если не знать их культуру?".

Юрий Николаевич прочитал письмо и рукопись Павла Федоровича. Поговорили о нем, и Юрий Николаевич сказал: "Передайте Павлу Федоровичу, чтобы непременно продолжал писать. Когда-нибудь все это пригодится". Павел Федорович прислал со мной также сувениры для Юрия Николаевича и Святослава Николаевича — по записной книжечке в кожаных переплетах с эстонским орнаментом. Тогда мне казалось это бессмысленным. Но когда позднее увидела книжечку в руках Святослава Николаевича, поняла, как и таким великим людям ценны знаки внимания. И пожалела, что сама не была находчивой.

Через день я снова у Юрия Николаевича. Пришла пораньше, чтобы получить приглашающий билет на выставку картин художника Святослава Рериха. Юрий Николаевич спросил, сколько билетов мне нужно. "Один". — "Почему один? Все хотят помногу". — "Я одна. Пригласить некого". — "Как некого? И знакомых нет?" — "Нет". "Совсем нет?" — "Совсем нет". Он продолжал настаивать: "Неужели нет?". Тогда я подумала, что приглашу, может быть, девушку из Сталинграда, с которой мы разговариваем в гостинице. И попросила два билета. "А где же Вы остановились?" — "В гостинице "Алтай". — "Где это?" — "Рядом с гостиницами "Заря", "Восход", "Восток". — "Заря, Восход, Алтай! Да, да, Алтай — это Заря, Восход!".

Гости собирались и в столовой, и в кабинете. Юрий Николаевич представлял: "Кира Алексеевна из Таллинна...". Я всех видела впервые, кроме Гунты Рудзите. Когда сели за овальный стол, нас оказалось много. В крохотной столовой было тесно. Пили чай с пирожками. Я ни к чему не притрагивалась. Юрий Николаевич сидел напротив. Неожиданно взял в руки блюдо с пирожками и предложил мне. Вместо того, чтобы взять пирожок и поблагодарить такого чудесного душевного хозяина, от неловкости я схватила блюдо и поставила на стол. Есть ничего не могла.

Чувствовалось ласковое, приветливое отношение Юрия Николаевича ко всем. Среди гостей были Борис Алексеевич Смирнов-Русецкий и Виктор Тихонович Черноволенко. Они стали приглашать к себе в гости... В прихожей Юрий Николаевич ухаживал за всеми, подавая верхнюю одежду, помогая. И расставаясь, просил Бориса Алексеевича непременно проводить меня до того автобуса, который идет прямо к гостинице.

И вот открытие персональной выставки художника Святослава Николаевича Рериха —

самой первой в Советском Союзе — 11 мая 1960 года в 16.00 в Музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. Среди множества официальных лиц — Святослав Николаевич и Девика Рани. Но я и моя спутница стоим очень далеко в тесной толпе и едва что-либо видно. Потом она пробралась вперед, а я осталась на месте. Тесно, как в трамвае в часы пик. Наконец, художник со свитой проходит сквозь толпу в противоположном направлении, где надлежит перерезать ленту у начала экспозиции. Люди ринулись вперед. Стою растерянная на месте и вдруг вижу, что передо мной — Юрий Николаевич: "Идемте, я проведу Вас в конец экспозиции, где еще никого не будет". Рядом с Юрием Николаевичем академик Павловский. Мы быстро проходим в последний и, как оказалось, самый большой зал выставки. Остаюсь одна среди пейзажей и людей южной Индии. Вижу красную раскаленную землю, муссонные облака, буйные порывы весеннего ветра. Чувствую пряный запах цветущих деревьев и головокружение. Я в знойной Индии!.. Толпа хлынула и в этот зал. Стало тесно и не видно картин. Святослав Николаевич переходит от картины к картине. Вокруг праздничный гул. И вдруг снова передо мной Юрий Николаевич! — "Ну, как?.. Вы уже познакомились с моим братом?" — "Что Вы! Я даже не предполагала, что это можно сделать!" — "Напрасно! Он был бы рад. Всегда рад каждой такой встрече". Я в смятении. "Хорошо, приходите тогда завтра, я познакомлю Вас дома!". Это было так же неожиданно, так же необъяснимо, как и появление Юрия Николаевича прямо передо мной в такой тесноте уже второй раз.

Какое счастье, я снова у Юрия Николаевича. Пришла с "Дхаммападой", которую купила в магазине "Академкнига". Юрий Николаевич удивился, что книга в продаже. Попросила автограф.

И вот входят Святослав Николаевич и Девика Рани. Они очень приветливы, душевны, внимательны. Юрий Николаевич счастлив, он светится радостью, нежностью, но сдержан в общении. Все ведут себя естественно и просто. Я чувствую себя среди близких людей. Голос Юрия Николаевича приятного чистого тембра, высоких и теплых вибраций звучит ровно. Отчетливая, изысканно безупречная дикция. Идеальная русская речь. Она лилась настолько естественно, плавно, что переход на другой язык в общении с Девикой Рани был незаметен. В этом человеке не было ничего, что не соответствовало бы его внутреннему содержанию. Стройность внешнего облика сочеталась с полной душевной гармонией. Это было воплощение совершенного человека. Это был живой идеал — идеал единения, умения любить и понимать любого. Общаясь с Юрием Николаевичем, я убедилась, что будущее человечества небезнадежно, если высокая нравственность среди людей реальна. Ради такой красоты можно жить и нужно стремиться к самосовершенствованию. У нас есть будущее, истинно, — Светлое Будущее! Общее Благо возможно.

Во время той встречи Юрий Николаевич пригласил меня опять в гости, уже вместе с Павлом Федоровичем, который должен был приехать на выставку!

На неделе ездила в Троице-Сергиеву Лавру и в Абрамцево. В Лавре у меня случился обморок. Когда пришла в назначенный день к Юрию Николаевичу, в разговоре с домашними обмолвилась о происшедшем. За столом говорили и о Лавре, где побывали все. Юрий Николаевич неожиданно спросил, а почему мне стало там плохо. И Святослав Николаевич тоже поинтересовался, объяснив, что у них была знакомая, у которой в церкви обморок случался всегда на одной и той же молитве. Мне стало стыдно, потому что дурно было от истощения — сэкономила деньги, чтобы хватило на весь отпуск. Павел Федорович был необычайно вдохновлен, много говорил и даже жестикулировал. Таким я его никогда не видела — ни прежде, ни потом.

Юрий Николаевич пригласил нас прийти всех снова 21 мая. Встречу назначили на семь вечера.

21 мая 1960 года я приехала к Юрию Николаевичу минут за пять до назначенного времени. Позвонила. Дверь открыла Людмила Михайловна и, не предлагая пройти, сказала, что Юрий Николаевич ушел, чем повергла меня в крайнее недоумение. Говорю, что Юрий Николаевич не мог уйти, потому что он пригласил нас с Павлом Федоровичем к семи часам вечера. Тогда

она, наконец, сказала: "Юрий Николаевич умер". "Как? Этого не может быть!" "Да... умер в пять часов вечера. Скорая помощь уже констатировала это". Слышу голос Павла Федоровича. Что-то напевает, поднимаясь на четвертый этаж по лестнице... Мы так и стоим в дверях по обе стороны порога. Павел Федорович радостно здоровается и смолкает. Людмила Михайловна повторяет: "Юрия Николаевича нет больше с нами. Он умер". Молчим. Наконец, она предлагает войти и мы проходим прямо к Юрию Николаевичу в его крохотную спальню. Он всю жизнь предпочитал походную кровать. И видим его на раскладушке. Постояли в глубоком потрясении. Людмила Михайловна сказала, что днем у Юрия Николаевича было плохое самочувствие. Его подташнивало. Узнав об этом, они с сестрой подумали, что не пищевое ли это отравление, потому что в Индии у него когда-то было отравление подсолнечным маслом. Вызвали врача — знакомого гомеопата Мухина. Он побыл недолго и уехал. Лучше не стало. Вызвали скорую помощь, но было уже поздно...

Вскоре после нас приехали Святослав Николаевич и Девика Рани. Святослав Николаевич мгновенно прошел в спальню, потом Девика Рани. Затем она позвонила в Индийское посольство. Посол Кришна Менон приехал немедленно. Становилось ясно, что скоро Юрия Николаевича навсегда унесут из дома. Могут забыть про кольцо. Сказала об этом Павлу Федоровичу, и мы снова вошли в спальню. Павел Федорович снял кольцо и передал Святославу Николаевичу. С того момента Святослав Николаевич всегда носил это кольцо. В доме набралось множество разных людей. Девика Рани предложила мне остаться ночевать здесь с сестрами Богдановыми. На следующий день они предложили вообще перебраться сюда из гостиницы.

23 мая 1960 года в 15.30 в Институте Востоковедения состоялась гражданская панихида, откуда все поехали на автомашинах и автобусах в крематорий. В 17.30 мы навсегда прощались с Юрием Николаевичем под реквием Моцарта... Лицо Юрия Николаевича казалось живым и безмятежным. Я стояла впереди у самого барьера, отделяющего его от живых, и безутешно рыдала. Святослав Николаевич, в наглухо застегнутом под ворот черном костюме, был исполнен внутреннего величия.

Вернувшись, мы молча сидели в столовой и слушали пластинку с музыкой Вагнера к опере "Тристан и Изольда", которую поставил сам Святослав Николаевич, удалившись в кабинет.

Через несколько дней Ираида Михайловна и я ездили за урной с прахом Юрия Николаевича. Урна была поставлена в его спальне, и там Святослав Николаевич разделил прах на две части: половину оставил, половину взял с собой в Индию.

Святослав Николаевич начал переговоры в Министерстве Культуры СССР и Академии Наук СССР о судьбе научного и художественного наследия Рерихов, находящегося на квартире брата, сразу же после похорон Юрия Николаевича. Одно из совещаний с представителями этих учреждений проходило на квартире Юрия Николаевича. Я вела протокол, который передала Святославу Николаевичу. Он решил, что научная библиотека должна быть передана Институту Востоковедения для создания мемориального кабинета Юрия Николаевича. Картины и архив он тоже оставил в Москве.

Наблюдение за сохранностью библиотеки в Институте поручалось мне. Я должна была работать ответственным хранителем книг. Сначала Святослав Николаевич хотел поселить меня на квартире Юрия Николаевича вместе с оставшимися там сестрами Богдановыми, не имевшими опыта самостоятельной жизни. Но они уклонились от такого попечительства. (Приходили разные люди и влияли на них). И тогда Святослав Николаевич включил в свои условия передачи наследства предоставление мне отдельного жилья.

Так как совместное решение Министерства культуры СССР и АН СССР затягивалось и не могло состояться до отъезда Святослава Николаевича, он оставил им письменное изложение условий передачи наследства. Мы с аспиранткой Юрия Николаевича из Ленинграда М.И.Воробьевой-Десятовской приступили к составлению описи научной библиотеки и закончили ее до отъезда Святослава Николаевича в Индию — 13 июля 1960 г. Опись ему передали. В Институте Востоковедения мне предложили написать заявление о приеме на

работу, автобиографию и заполнить анкету. Поехала в Таллинн за трудовой книжкой. Когда вернулась через неделю, книги уже упаковывались без меня, а в Институте сказали, что не надо было приезжать — надо было ждать вызова... Жила я теперь уже не на квартире Юрия Николаевича, время от времени ходила по чиновникам — то в Институт Востоковедения, то в Министерство Культуры СССР. Безрезультатно. М.И.Воробьева-Десятовская сообщила, что Святослав Николаевич интересовался ходом событий через нее, хотел знать, что же происходит, был настроен решительно и готов поднять вопрос обо мне снова. Но она же советовала мне не идти против явно неблагоприятных обстоятельств. Так в конце сентября я вернулась в Таллинн и только тогда смогла написать, наконец, обо всем Святославу Николаевичу. Он ответил, что крайне удивлен случившимся...

ЖИЗНЬ Ю.Н.РЕРИХА — ПУТЬ ТРУДА НА ОБЩЕЕ БЛАГО

И.Р.Рудзите, художница,
Барнаул

Огонь, не управляемый с неба и земли, соединился, как удар молнии. Предохраняющий пояс был пресечен мыслями злобными, жестокими... 21 мая 1960 года в Чили сильное землетрясение. А Россию потрясает открывшаяся правда о потоке кровавых жертв тоталитаризма.

Одно большое сердце снова приняло чашу яда эгоизма человеческого. В этот день ушел из жизни Юрий Николаевич Рерих. А 22 мая эта скорбная весть дошла до нас.

Поставила играть арию прощания небесного Бога Вотана со своей дочерью. Одетая в воинские доспехи она проходит мистерию-заклинание огнем и нисходит с небес в долину к людям.

Отец с сестрой Гунтой вспоминают последнюю встречу. Почему-то, когда все собрались в этот последний раз, так много людей смогла вместить маленькая столовая в его московской квартире, и Юрий Николаевич ни за что не захотел сесть на почетное место. Слушали только что подаренную ему пластинку с записями героической вагнеровской оперы "Парсифаль", на оборотной стороне которой был записан "Траурный марш". Почему-то поставили и его. А в карих глазах Юрия Николаевича зажегся синий блеск печали... Почему-то наша сотрудница подарила ему альбом о Братском кладбище в Риге, на фотографиях которого — статуя Матери и у ее ног покоятся солдаты всех войн. Почему-то Юрий Николаевич помышлял о дальней поездке в ближайшем будущем, и мы думали, что в Бурятию... Почему-то Ираида Михайловна не понимала, когда он в который раз говорил ей, что свою миссию окончил.

"Когда появится Новая Звезда, тогда время ехать", — сказала перед своим уходом Юрию Николаевичу Елена Ивановна Рерих.

Картина Николая Константиновича "Звезда Героя" посвящена Юрию Николаевичу, человеку, готовому выйти на очередной подвиг. И появление кометы было ему знаком того, что наступил срок для нового подвига. Тогда, в 1957 году, перед приездом Юрия Николаевича на Родину, в Индии видели Новую Звезду. Об этом, в частности, в то время читал в латвийской газете "Циня" мой отец.

По словам Богдановых, Еленой Ивановной было сказано, что Юрий Николаевич едет в Россию на три года. Очевидно, он знал срок своего ухода.

Очень ярким остался в моей памяти образ Юрия Николаевича, хотя по своему образу жизни он ничем особенно не выделялся среди окружающих. "Агни Йог входит в жизнь незамеченным..." (Агни Йога, § 187). Правда, Юрий Николаевич соблюдал некоторую аскезу: всю жизнь был неженатым, не курил, не пил, питался довольно скромно — обыкновенной вегетарианской пищей, спал на простой раскладушке и т.д. Вспоминается случай по поводу курения, когда на выставке картин Николая Константиновича какой-то молодой человек поинтересовался, как они смогли работать в горах на большой высоте. На что Юрий

Николаевич ответил, что для этого нужна некоторая подготовка, например, нельзя курить, пить. Услышав это, юноша опустил глаза.

Одевался Юрий Николаевич чисто, аккуратно, обыкновенно: европейский костюм, светлые рубашки, галстук. Путешествуя, одевал привезенный из Индии походный костюм — китель и брюки-галифе песочного цвета с коричневыми кожаными пуговицами.

Ни одна фотография, даже фильм, который снял его ученик Андрей Николаевич Зелинский, не могли отразить подлинную огненность его глаз, движений, мимики и рук. Все его существо излучало особую энергию, неисчерпаемую внутреннюю силу, обаяние и чуткость, необыкновенную сердечность.

Незабываемой осталась самая первая встреча с Юрием Николаевичем 23 сентября 1957 года. Приведу небольшие фрагменты из записанных мною тогда впечатлений: "В дверях появляется среднего роста крепко сложенный человек. Светлое с выступающими скулами овальное лицо, коротко стриженная седеющая борода. Взлет черных крылатых бровей, несколько секунд как бы пронизывающий меня насквозь пронизательный взгляд. А уже через полминуты большие миндалевидные карие глаза озаряются обаятельной улыбкой, и на щеках появляются выразительные ямочки. Он идет нам навстречу, обнимает отца и тепло, обеими руками сжимает мои и Гунтины ладони. Здоровается он со мной так, будто мы давным-давно самые близкие друзья. С тех пор я никогда больше не чувствовала на себе его испытывающего взгляда". В другой раз запечатлелось несколько иное: "Юрий Николаевич сидел в своем кресле у письменного стола, спокойно положив руки на подлокотники, временами скреживая пальцы, и только по постоянно меняющемуся выражению его лица, по тому, как временами то высоко взлетали, то спокойно опускались его густые дугообразные брови, как в больших карих глазах временами то играло лукавое веселье, то появлялась затаенная грусть, то вспыхивало неожиданное сияние, я понимала, какое богатство души скрыто в этом, казалось бы, внешне таком скромном человеке".

"... Когда заговорили о самом сокровенном, самом близком, его глаза стали какими-то бездонными, уходящими в беспредельность, напоминающими таинственные огромные черные зрачки статуй египетских саркофагов".

Вернувшись на Родину, Юрий Николаевич включился в работу с большим напряжением. В течение трех лет, пока он жил в России, он сделал невероятно много для пробуждения подлинной духовной культуры. Надо сказать, что это были трудные годы, вся деятельность великого ученого проходила под неусыпным надзором КГБ.

Трудно теперь представить, какие невероятные преграды пришлось ему преодолеть, прежде чем через семь с лишним месяцев после его возвращения открылась первая выставка картин Николая Константиновича Рериха в Москве. За ней последовали выставки в Ленинграде, Риге, Киеве, Тбилиси и других городах, а в 1960 году — экспозиция брата, Святослава Николаевича. Сам он прочел большое количество лекций об отце, о его живописи, литературных трудах, мировоззрении, экспедициях, а также по вопросам восточной литературы, философии и религии в Московском и Ленинградском университетах, в Доме ученых и многих других аудиториях, сочетая это с научно-преподавательской работой в Институте Востоковедения и участием в международных съездах востоковедов.

Он побеждал препятствие за препятствием, созидая по мере сил и возможностей. "Около Агни Йога всегда найдете построения. Самая трудность созидания будет ступенью одоления несовершенства". (Агни Йога, § 403).

Ученый работал напряженно, но без суеты, гармонично, бережно используя свое и чужое время. Ему была очень непонятна большая трата времени на частые бессмысленные собрания в душных и накуранных помещениях, на что он в последнее время сетовал.

В одну из встреч он сказал отцу: "Все так трудно, — не в государственном строе причина, но в беспорядке жизни. Нет устроения. Все люди не устроены, нет дисциплины. Масса времени уходит, потому что нет организованности".

Жизнь Юрия Николаевича — путь труда на Общее Благо. Иногда "сестрички", так звали Богдановых, спускались в магазин за продуктами и не могли выстоять огромные очереди,

возвращались с пустыми руками — самому ученому приходилось заменять сестер. Помню, как требовал он качества, когда слесарь неаккуратно вставил в дверь замок, и ученый попросил его все переделать. Интонация его голоса была такой, что не выполнить требования было невозможно.

Все приходили к нему за помощью, за советом, за силой, за радостью. "Агни Йог не только является магнитным центром, но он следует как оздоровитель местности... Агни Йог принимает на себя токи пространственные" (Мир Огненный, § 286). Мало кто знал и понимал, что Юрий Николаевич часто страдал от дисгармонии человеческой. И все же почти никто не видел в нем признаков усталости и всегда получал большой заряд энергии.

Юрий Николаевич действительно был "восточным" человеком и никогда не говорил о сокровенном или говорил так просто, буднично, как будто незаметно.

Наша знакомая Г. рассказывала, что однажды, когда Юрий Николаевич выходил из выставочного зала, подошедшая к нему женщина задала вопрос: "Видели ли вы Учителя? Существует ли Шамбала?". На что Юрий Николаевич после некоторого молчания, пристально глядя ей в глаза, ответил: "Да, я сам там был".

На следующий день после открытия первой выставки Николая Константиновича к Юрию Николаевичу, кроме нас, пришли и другие друзья из Риги — Гаральд Феликсович Лукин и Бр.Якобсон. Заговорили о личностях, по духовным качествам близких к Белому Братству, и Гаральд Феликсович спросил относительно Рихарда Вагнера. "Да, Вагнер смог бы подойти близко, — ответил Юрий Николаевич, — но тяжелые стороны его жизни его отдаляли. Вагнер — человек тяжелого характера. Бетховен по своим огням мог быть более близким кандидатом. В искусстве человек не всегда соответствует своему внутреннему облику. Надо оценивать по внутреннему облику... Пушкин — большой талант, но Лермонтов по внутреннему облику выше, чем Пушкин, если сравнить у обоих одноименные стихотворения "Пророк". В русской литературе в это время как человек особенно выдвигается Чаадаев. Герцен как-то говорил, что Чаадаева не заметить в толпе было просто невозможно, даже по его глазам... У Рафаэля были свои слабости. Подвижники те, у кого все стороны характера соответствуют их кредо".

Его сердце было настолько чутким, что он видел и чувствовал в кажущихся обычных явлениях знаки, на которые ориентировался и которые определяли его выбор в решающие моменты.

О многих знаках он рассказывал в беседах с нами. Предвидел удачу, когда, по его словам, отмечал "хорошие знамения" в различных знаках Шамбалы, например, увидел у кого-то знак в медальоне или напечатанные в это время знаки Шамбалы в книге.

Поведал Юрий Николаевич несколько случаев из Центрально-Азиатской экспедиции, когда ее участники были предупреждены и избежали большой опасности.

Знамения в разной форме и разного содержания, которыми руководствовался Юрий Николаевич, часто означали прикосновение к проводу Космического Огня и проводу Космического Магнита — Космического Разума.

Людей он оценивал по внутреннему огню, который просто называл энтузиазмом. Другими словами, по способности бескорыстно отдавать себя работе на Общее Благо. Когда многие обращались к нему с вопросом "Что делать?", он отвечал просто: "Надо путем науки, искусства, морали воздействовать на окружающее, поднимать энтузиазм и героизм. Надо во всем поддерживать энтузиазм, если он направлен на Общее Благо".

Поражали в нем энциклопедичность знаний, многосторонность взглядов, интерес ко всему. Каждая встреча была необыкновенно вместительной, о чем свидетельствует дневник моего отца, который фиксировал в основном все то, о чем мы говорили.

У всех, кто с ним общался, в том числе и у меня, в его присутствии исчезали всяческие волнения, напряженность, застенчивость. Человек начинал чувствовать себя особенно хорошо, как бы наравне с ним. Это поистине признак великого человека, вмещающего всех людей, независимо от их возраста, образования, уровня культуры, национальности и т.д. В общении с Юрием Николаевичем мы получили духовный заряд, вдохновение к обновлению и

улучшению жизни.

Юрий Николаевич был исключительно великодушным человеком. Он никого не осуждал, а внимательно оценивал. Когда Гаральд Феликсович ярко стал нападать на личность Наполеона, ученый остановил его, заметив, что Кутузов хорошо отзывался о Бонапарте и какому-то офицеру выразил упрек: "Кто вам дал право его осуждать?"

В другой раз моя сестра пожаловалась на экскурсовода, допускавшего нелепости в трактовке картин Николая Константиновича, на что Юрий Николаевич лишь улыбнулся и ответил анекдотом из царских времен: на выставке какой-то генерал совсем не понял и уничтожающе оценил одну из картин Николая Константиновича, но когда узнал, что Рерих является директором школы Императорского общества поощрения художеств, извинился и полностью изменил свое мнение.

Помнится, в первых беседах с Юрием Николаевичем я не участвовала из-за болезни, но послала ему длинное письмо, на все вопросы которого он ответил мне потом как-то исподволь, незаметно, в течение многих бесед, что свидетельствовало о большой внимательности к человеку и особенно к молодежи, о которой он часто говорил.

Он видел значительную разницу между молодежью Запада и России. Ученый оценивал страны и людей, живущих в них, не по экономическому благополучию, не по проявлениям внешней цивилизации, а по признакам духовной культуры. Он с досадой говорил, что в Англии молодежь не хочет учиться ("зачем учиться, когда две атомные бомбы могут потопить Британские острова"). Также говорил о стремлении большинства молодежи Америки к легкой жизни, наслаждениям, об отсутствии духовных интересов. Молодежь Индии, отмечал он, пережевывает старое, без устремления к новому, Живую Этику не принимает, ссылаясь на достаточность своих учений.

У русской молодежи широкий круг интересов, чувствуется стремление к подвигу. Она думает самостоятельно.

"Укрепляйтесь, накопите опыт и все придет, — говорил он. — Хотелось бы именно молодых пробудить, среди них имеются люди прозревшие. Молодежь восприимчива. Искусство Николая Константиновича воспринимается особенно молодежью". И еще: "Надо забыть все прошлое, не надо думать о причиненных тебе обидах. Лишь бы можно было сотрудничать. Также народ должен забыть о своих прошлых обидах. Будущее светло, надо все ему принести".

Буквально в каждой встрече, в каждой беседе Юрий Николаевич касался Алтая. Семья Рерихов после возвращения на Родину хотела поселиться именно в Горном Алтае. В одной из первых бесед Юрий Николаевич говорил: "В России много происходит по Плану. Сбываются предсказания, хотя и не совсем так, как предусматривалось. Сейчас много говорят об Алтае, Сибири. Новые люди на новом месте. Будущий Центр на Алтае. Все, кто имеет возможность, пусть едут на Алтай. Про Алтай — это Решено". В другой раз ученый сказал: "Музей будет здесь и на Алтае. Город будущего и Музей надо строить на чистой земле — на Алтае. Там будущий Центр. Надо смотреть на Восток, а не на Запад".

Юрий Николаевич хотел, чтобы Алтаю были выделены картины для музея Рериха. Это, к сожалению, до сих пор не понято и не сделано, и Алтайские музеи до сих пор не имеют оригинальных картин.

Юрий Николаевич хотел переехать работать в Сибирское отделение Академии Наук...

Историческое открытие первой выставки Николая Константиновича Рериха было назначено на воскресенье 12 апреля 1958 года в 16 часов, в день православной Пасхи. Мы с сестрой пришли к Юрию Николаевичу с розами и подарком уже утром, одни, без отца. Так получилось, что мы одни с Юрием Николаевичем и сестричками Богдановыми обедали с куличом, пасхой и крашеными яйцами. Надо отметить, что вся семья Рерихов, как семья настоящего русского, была глубоко православной.

Мне говорили сестры Богдановы, что Юрий Николаевич всю жизнь носил крест и соблюдал обряды, когда посещал церковь, — крестился, ставил свечи... Много раз ездил в Троице-Сергиеву Лавру, и помню, как он с радостью делился с нами своими впечатлениями:

"Храм Святой Троицы великолепный, хор звучал мощно, было много молодежи и солдат". Потому и не удивительно, что он сказал после Пасхи: "Вопрос о новой духовной церкви кардинальный, исключительной важности". Отмечал, что многие православные священники, с которыми он встречался, ничем не интересуются; деятельность Николая Константиновича тоже не интересует их. От православной Пасхи остались лишь яйца да куличи, потеряв внутренний смысл. И все же, по словам Юрия Николаевича, ему встречались и священники высокого духовного сознания.

Об отношении семьи Рерихов к церкви и воспитанию подлинной религиозности в своих сыновьях лучше всего говорила сама Елена Ивановна: "Я всегда держалась довольно далеко от церкви и ее представителей, именно из желания охранить в своих сыновьях уважение к своей религии до тех пор, пока сознание их достаточно окрепнет, и они уже вполне зрело смогут оценить все то прекрасное, что заключается в ней, и в то же время спокойно смотреть на отрицательные проявления ее; именно, без того, чтобы последние пагубно отразились на их отношении к религии вообще. И считаю, что в этом я преуспела, ибо оба мои сына глубоко религиозны и носят в духе свою церковь" ("Письма Елены Рерих". Рига, 1939, I, с.468-469).

Когда мы вместе с Юрием Николаевичем ехали на такси на выставку, я была свидетелем его необычно быстрой реакции на окружающее. Несколько раз обращал он наше внимание на толпы людей у переполненных церквей в переулках, что в отличие от него я не отметила. У Юрия Николаевича была удивительная внутренняя подвижность, можно сказать, он имел "орлиный глаз". Помню, однажды он чувствовал, что к нему поднимались на квартиру, но, не позвонив, вернулись, и он в недоумении спрашивал нас. Оказалось, что двое из Риги (чета Калнс) поднялись к нему, но в последний момент постеснялись его тревожить и вернулись обратно. Он прекрасно чувствовал излучения людей и, помню, как просил его не беспокоить, если человек известен как медиум, психист или явно с личными претензиями к нему...

Однажды на переполненной людьми выставке Николая Константиновича мы с отцом должны были найти Юрия Николаевича. Рихард Яковлевич плохо себя чувствовал и сидел в стороне; я несколько раз безрезультатно прошла через всю выставку и уже собиралась идти обратно к отцу, как неожиданно чьи-то теплые руки сердечно обняли меня за плечи и повернули к себе. Это был Юрий Николаевич. Он не знал, что мы здесь и что ищем его, но легко мог воспринимать наши мысли и мысли других.

Я удивлялась простоте, с какой Юрий Николаевич пояснял зрителям картины, и эта простота убеждала и приближала людские сердца.

Приведу несколько его пояснений:

Картина "Держательница Мира" — "Это Мать. Женщина, защитница мира. Восхождение на Гималаи".

О картине "Ашрам" — "Это люди единомыслящие. Это могут быть ученые и художники. Люди, объединенные мыслью и верою". (В другой раз — "Это Святая Обитель").

О картине "Полуночное": "Это настоящее магнитное сияние, но это то же самое, что и северное сияние".

О "Мече Гесэр-хана": "Меч духа, сила духа, символ подвига".

О большом полотне "Борис и Глеб": "Это наше сказание о святых Борисе и Глебе". На вопрос зрителя "Как же может быть такое излучение?" Юрий Николаевич с улыбкой ответил: "Со святыми иногда так случается..."

Было очень много людей, и кто-то сказал: "Звезда брошена в сердце России".

Несколько мыслей Юрия Николаевича, которые показались мне актуальными: "Многие мечтают о свободе. Внутренний человек всегда свободен. Главное — внутренний человек";

"Для меня тайн не существует. Я ни в чем не скрываюсь. Самое лучшее — действовать совершенно открыто";

"Не печальтесь о работе, ее для всех будет достаточно. Новые люди появятся, когда будут соответствующие обстоятельства";

"Будут большие сдвиги... большие энергии спускаются на землю";

"Восток говорит о рождении Новой Эры, которая, может быть, начнется катаклизмами, а сектанты говорят о конце мира".

Когда Юрий Николаевич открыл первую выставку своего великого Отца, мы с сестрой написали в книге отзывом: "С Новой Эрой, друзья!".

И действительно, Юрий Николаевич вернулся на Родину с миссией открыть России врата будущего, врата в Новую Эру.

ЩЕДРОСТЬ СЕРДЦА

Е.М.Величко, Москва

С 1949 г. я и мой муж, врач-гомеопат Сергей Алексеевич Мухин, состояли в переписке с Еленой Ивановной Рерих, помогая ей разыскивать документы, направленные в наше Правительство, в которых была изложена воля Николая Константиновича Рериха вернуться на Родину и передать в дар стране несколько сот картин. Елене Ивановне не отвечали на ее запросы и, естественно, она волновалась, где находятся их заявления и прочие бумаги.

После смерти Елены Ивановны переписка продолжалась с Юрием Николаевичем, который подтвердил свои намерения о возвращении на Родину.

Когда нам стало известно, что наша Правительственная делегация в лице Н.С.Хрущева и Н.А.Булганина нанесет дружественный визит в Индию, мы срочно сообщили об этом Юрию Николаевичу и рекомендовали ему передать документы о возвращении лично им.

Святослав Николаевич, входивший в состав комиссии по приему русских гостей, предварительно говорил с Н.С.Хрущевым и с Н.А.Булганиным во время их визита в Индию о Юрии Николаевиче и встрече с ними. Булганин предложил обратиться к советскому дипломатическому представителю в Калькутте. Юрий Николаевич прилетел в Калькутту, но представитель сказал, что он не в курсе дела. Тогда Юрий Николаевич решил на другой день ехать прямо во дворец (губернаторскую резиденцию), где проходил прием советских гостей. Дворцовая площадь была переполнена народом, и машина Юрия Николаевича не могла проехать. Даже полиции не удалось освободить дорогу. Юрий Николаевич вышел из машины и обратился к толпе. Один из индийцев из толпы закричал: "Маршал просит вас пропустить машину!". Народ приветствовал его, решив, что он и есть сам маршал. Толпа расступилась, освободив дорогу. Прекрасное знание языка помогло и здесь. Так во дворце состоялась встреча с советскими гостями, на которой и решился вопрос о возвращении Юрия Николаевича на Родину.

Он вернулся во второй половине августа 1957 года. С большим волнением мы (мой муж и я) ехали на первую встречу с Юрием Николаевичем в гостиницу "Ленинградская", где ему был выделен трехкомнатный номер для проживания до получения квартиры. Мы увидели невысокого, скуластого, с румянцем на щеках, очень стройного человека с мягким, пристальным и внимательным взглядом и тихим голосом, который познакомил нас с Людмилой и Ираидой Богдановыми. А далее завязался непринужденный разговор о том, как перенесли они этот длинный путь, какие трудности были в дороге и тому подобное. Он рассказал, каково было удивление таможенников, когда в багаже ученого-востоковеда они обнаружили целую картинную галерею. Были восторги и недоумения.

Несмотря на то, что Юрий Николаевич 40 лет прожил вне Родины, прошел через годы, и горы, и чужие ветры, он сохранил чистый русский язык.

С первой встречи между нами установились искренние доброжелательные отношения и взаимопонимание. На первое время мы предоставили ему свою автомашину и шофера и всячески пытались помочь во всех нелегких бытовых вопросах. Через месяц Юрию Николаевичу дали четырехкомнатную квартиру на Ленинском проспекте и автомобиль "Волга". Было также решение о выделении дачи в Подмосковье, но ее не смогли сразу подобрать, и он не успел ей воспользоваться до кончины.

В первые же дни мы пригласили Юрия Николаевича к себе домой, познакомили его с нашей коллекцией картин, рассказали ему о том, как мы приобрели у Татьяны Григорьевны Рерих — вдовы архитектора Бориса Константиновича Рериха, брата Николая Константиновича, сюиту росписи молельни в Ницце. И здесь мы постарались решить одну щекотливую проблему. Дело в том, что Татьяна Григорьевна скоропостижно скончалась 28 августа 1953 года, и мы остались ей должны 29 тысяч рублей за приобретенные полотна. Мы, конечно же, сразу сообщили о нашем долге Юрию Николаевичу и предложили ему деньги. Но он категорически отказался их принять и просил к этому вопросу не возвращаться.

Какой светлой радостью просияло лицо Юрия Николаевича, когда он увидел в нашей коллекции картину "Камни. Озеро Пирос" (1908 г.). Он долго стоял перед картиной, вероятно, мысленно перенесясь в далекие годы, на Валдай... Ни одним движением мы не нарушили создавшуюся тишину, чтобы не помешать нахлынувшим воспоминаниям. Через некоторое время Юрий Николаевич сказал:

— Это любимая картина моей матушки, она висела в ее комнате в нашей петербургской квартире. И мне очень приятно увидеть ее вновь.

На новоселье мы подарили Юрию Николаевичу икону XVII века "Тайная вечеря", которую он повесил в своей спальне.

Скромность Юрия Николаевича проявлялась во всем, в том числе и в быту. Спальня его помещалась в маленькой комнате, где было только все необходимое. Кабинет был сплошь занят полками и стеллажами с книгами на всех языках мира; стопки новых книг лежали на письменном столе.

В столовой, кроме обеденного стола и стульев, мебели не было. Во всех комнатах висели картины Николая Константиновича, своей красочностью придавая квартире необыкновенное свечение и сияние, дополняемое восточным ароматом — здесь часто зажигали индийские ароматические свечи.

Когда период первых хлопот по устройству быта закончился, Юрий Николаевич попросил организовать поездку в Переславль-Залесский. В один из осенних дней 1957 года мы эту поездку осуществили. Осмотрели достопримечательности старинного города — места, связанные с именем Петра I, в том числе знаменитый ботик, краеведческий музей, монастыри, музей художника Кардовского. Весной 1958 года мы снова побывали в Переславле-Залесском. Юрий Николаевич любил этот городок, связанный со многими славными страницами русской истории. Ездили мы и в другие исторические места — Загорск, Архангельское, Кусково.

Особенно Юрий Николаевич любил гулять по лесу. У нас была дача в Пушкино, и каждое воскресенье Юрий Николаевич, Людмила и Ираида приезжали к нам. Бродили по лесу по 2-3 часа. Юрий Николаевич отдыхал и лицо его светилось необыкновенным вдохновением.

Постепенно он вживался в московский быт, привыкал к московскому климату и пище. Сергей Алексеевич консультировал его по режиму питания и наблюдал за его здоровьем.

Юрий Николаевич — человек в высшей степени не склонный к преувеличениям, всегда очень сдержанный и терпеливый, был необыкновенно прост и искренен в общении. Его пронизательный взгляд всегда был с оттенком грусти.

Встал вопрос о проведении выставки картин Николая Константиновича. Не один вечер обсуждали детали ее организации.

Вначале Юрий Николаевич хотел, чтобы выставка была в залах Академии художеств СССР (но академики относились к нему настороженно).

Было предложено провести экспозицию в выставочном зале на Кузнецком мосту. Мы повезли Юрия Николаевича, чтобы показать этот зал. Помещение понравилось. Стали заниматься отбором картин. Из нашей коллекции экспонировались ранние произведения Николая Константиновича — "Поморяне", "Лесовики", "Ковер-самолет", "Город на заре" ("Старый Псков"), "Могила викинга". Из сюиты росписи молельни в Ницце ни одного полотна для показа не взяли (в то время у организаторов выставки не хватило смелости показать эти шедевры народу).

В апреле 1958 года выставка открылась. Она имела огромный успех и стала подлинным событием культурной жизни. Москва бурлила — разговоров, споров, восхищения вокруг выставки было много.

Все свободное от служебных дел время Юрий Николаевич находился на выставке. Его окружали толпы интересующихся — и художники, и ученые, и любители живописи. Все хотели его услышать.

И Юрий Николаевич не оставлял без внимания ни одного обращения; его пояснения были глубокими, он всем отвечал, объяснял, не считаясь со временем и усталостью. Негромкий голос его убедительно звучал на этих стихийно возникающих конференциях.

Юрий Николаевич настолько глубоко и тонко чувствовал каждого, с кем ему приходилось общаться, настолько быстро (благодаря колоссальной интуиции и высокому духовному потенциалу) ориентировался в тех вопросах и просьбах, с которыми к нему обращались, что всегда находил слова конкретные, теплые, доброжелательные в своих ответах каждому индивидуально. И потому понятно, что на выставках, публичных выступлениях люди чувствовали магнетизм его притяжения. Такие беседы почти всегда затягивались за полночь и ему с трудом удавалось пробиваться к своей машине, чтобы уехать домой и с утра снова начинать рабочий день — насыщенный, с четко распланированным расписанием. Как бы ни уставал Юрий Николаевич, он никогда не жаловался на усталость, его лицо, манера общения, движения всегда были спокойными, ровными и тактичными.

Он жил, разбрасывая искры своих богатых знаний и богатого опыта: мощь его духа помогала ему в этом. Юрий Николаевич всегда был щедр в своей расточительной доброте и неизменно удовлетворял интерес всех, к нему обращавшихся, будь то аспиранты из разных стран мира или любители творчества его отца.

После успеха выставки у Юрия Николаевича появилась надежда, что общественные организации будут ставить вопрос перед Правительством об организации музея Николая Рериха. Но, к сожалению, словесно все были за, а практически ничего не было сделано.

Юрий Николаевич придерживался строгого и четкого режима в планировании своего времени, что позволяло нам иногда приглашать его на симфонический концерт в Московскую консерваторию или на спектакль во МХАТ.

В то время в Москве праздновали "Проводы русской зимы" (как стыдливо называли тогда масленицу), и Юрий Николаевич изъявил желание побывать на этом празднике и покататься на тройке. Как и вся семья Рерихов, он любил народные зрелища. Мы организовали традиционный русский обед с блинами по всем правилам старинных русских обычаев, и после такого обеда отправились в Лужники. День был морозный, солнечный, снег скрипел под ногами.

Постояв некоторое время в очереди, чтобы покататься на тройке, мы, наконец, разместились в санках и помчались по кругу стадиона.

Юрий Николаевич был доволен, вероятно, что-то напомнило ему детство, Валдай или Извару, где были любимые лошади, катание на тройках и т.д. Вообще Юрий Николаевич часто интересовался тем, как старинные русские традиции входят в современный советский быт.

Как-то во время беседы о воспитании нашей дочери Юрий Николаевич стал рассказывать о детских годах. Он говорил, что детей в семье с первых лет приучали к труду, развивали у них инициативу и наблюдательность. Вместе с младшим братом Святославом они занимались играми, в семье чувствовали себя полноправными членами, их рано брали в путешествия, удовлетворяя любознательность и любовь к природе.

— Когда мы проводили лето в имении, то каждый из нас имел свои грядки на огороде. Мы выращивали шпинат, редиску, укроп, подсолнухи, — рассказывал Юрий Николаевич.

Братья рано стали рисовать. В детстве рисунки Юрия привлекали внимание старших и ему даже пророчили будущее художника... Николай Константинович и Елена Ивановна много внимания и времени уделяли воспитанию и образованию детей. Детская комната Юрия и Святослава в Петербурге выглядела мастерской в миниатюре.

О родителях Юрий Николаевич всегда вспоминал с глубокой любовью и преданностью. О матери — с великой нежностью, об отце — боготворя.

В рассказах об отце Юрий Николаевич никогда не употреблял высокопарных слов, но всегда подчеркивал, как много работал Николай Константинович, как разнообразны были его интересы и как глубоки были знания во всех областях, которыми он занимался. С большой теплотой говорил он о матери и не раз упоминал, что Елена Ивановна была другом и помощником Николая Константиновича, его творческим вдохновителем. Теплоту отношений они пронесли через всю жизнь.

В одной из бесед за чайным столом Юрий Николаевич поведал о случае, который произошел с ним во время Центрально-Азиатской экспедиции.

Двигаясь массивами Монгольского Гоби, члены экспедиции посещали заброшенные кочевья. Местность была беспокойной, приходилось отбивать нападения разбойников. Юрий Николаевич занимал деревянную палатку в покинутом стойбище. Целые дни он проводил в разъездах, и только к ночи утомленный возвращался в свое жилище. И вот однажды, вернувшись, он сел у стола, стоявшего возле маленького окошечка, углубился в свои мысли, что-то записывая. И вдруг слышит голос: "Отойди от стола". Он очнулся и продолжал писать, голос прозвучал громче, он осмотрелся, но никого вокруг не обнаружив, как бы задремал. "В этот момент удар молнии будто пронзил меня и отбросил в сторону, — вспоминал Юрий Николаевич. — И в то же время раздался выстрел, пробив стекло. Пуля застряла в стене напротив". Так невидимый Друг спас жизнь Юрия Николаевича.

Осенью 1958 года в Москве гастролировала танцовщица из Индии — Рошан Ваджифдар, женщина необыкновенной красоты и изящества. Несколько ее портретов написаны Святославом Рерихом. Вместе с Юрием Николаевичем мы посетили ее концерты. После гастролей Рошан пожелала недельку погостить в Москве, и Юрий Николаевич попросил нас оказать ей гостеприимство, так как он был очень занят и не имел возможности уделить ей внимание. Мы охотно согласились помочь Юрию Николаевичу, чтобы сберечь его время.

Весной 1960 года прибавились новые хлопоты в связи с организацией выставки картин Святослава Николаевича в Музее изобразительных искусств имени Пушкина. Открытие выставки состоялось 11 мая 1960 г.

В этот приезд Святослав Николаевич и Девика Рани были приглашены советским правительством, были его гостями и разместились в гостинице "Украина".

Святослав Николаевич, кроме забот по выставке, был занят посещением Института лекарственных и ароматических растений (ВИЛАР) — его интересовали вопросы технологии получения ароматических масел. Был май. Как и прежде по четвергам, в четверг 19-го Юрий Николаевич вечером был у нас, говорили об успехе выставки Святослава Николаевича, об организации музея, о служебных делах... Уходя от нас, Юрий Николаевич сообщил, что в пятницу 20 мая Девика пригласила его на обед в ресторан при гостинице "Украина". Девике очень хотелось попробовать кушанья украинской национальной кухни. Юрий Николаевич, который строго соблюдал режим питания, заметил, что ему не хочется идти на обед, но чтобы не огорчать Девика, придется исполнить ее просьбу.

В субботу утром (21 мая) Юрий Николаевич позвонил Сергею Алексеевичу, пожаловался, что плохо себя чувствует и попросил приехать к нему. Сергей Алексеевич осмотрел его — он чувствовал боли в животе, слабость и тошноту — и установил вздутость и болезненность живота, но в сердце изменений не нашел; поэтому состояние больного тревоги не вызвало.

В 13 часов Сергей Алексеевич вернулся домой, а после 15 часов позвонила Ираида Михайловна и сообщила, что Юрий Николаевич скончался. Мы сразу же приехали к ним, застали тело Юрия Николаевича еще теплым. Затем его перевезли в институт Склифосовского, где было произведено вскрытие.

После кремации прах Юрия Николаевича был захоронен на Новодевичьем кладбище. В 1965 году был установлен памятник по проекту Святослава Николаевича Рериха и архитектора И.А.Француза. По рисунку Святослава Николаевича в круге, символизирующем Вечность, выполнена Чаша, окаймленная пламенем. Торжественное открытие памятника

состоялось 17 августа.

Внезапная смерть унесла выдающегося ученого и человека в самый разгар напряженной творческой работы, в зените научной славы. В те дни он готовится к выступлению на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве.

В моей памяти навсегда останется образ этого светлого человека, озабоченного делами и непониманием того, что происходило вокруг него.

У меня осталось впечатление, что Юрия Николаевича, с одной стороны, высоко ценили как ученого, а с другой — создавали вокруг него атмосферу молчания и недосказанности. Вечное "но"... Он этого не мог понять, но никогда не осуждал и только говорил: не понимаю...

Пламенного сердца и чистоты души Юрия Николаевича не могли не воспринять на Родине, но несовершенство окружающих делало его жизнь нелегкой. Он понимал это и с кроткой терпимостью отзывался о людях, причинявших ему боль. Мужественно нес свой Крест во имя блага людей и роста их духовности. Тяжести жизни встречал улыбкой сердечной, видя, как ширится познание духовное, как бессмертные творения отца трогают души людей, призывают их задуматься, ведут к прозрению. И он искренне этому радовался. Он выполнил свою миссию. Зерно, брошенное им в родную землю, уже дало много благодатных ростков.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ю.Н.РЕРИХА В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А.О.Тамазишвили,
заведующий архивом Института Востоковедения РАН

Когда я начал работу над темой "Деятельность Юрия Николаевича Рериха в Институте Востоковедения", я с удивлением обнаружил, что архивных документов, отражающих его работу здесь, практически нет. Они крайне немногочисленны. Часть документов "расползлась", часть, вероятно, по тем или иным причинам была уничтожена, а из того, что осталось, — стенограммы и протоколы лаконичных выступлений — можно сделать вывод, что Юрий Николаевич заседать не любил. Он подчинялся определенному регламенту научной жизни и, очевидно, его деятельность в Институте протекала в несколько иной плоскости, чем научно-организационная работа.

Контакты жившего в Индии русского ученого Юрия Николаевича Рериха с Институтом Востоковедения АН СССР ограничивались эпизодическим книгообменом и перепиской. Летом 1956 года на запрос МИД СССР об отношении к возможной репатриации Рериха Институт ответил, что Рерих является автором ряда работ по Тибету, других данных о нем нет и что предоставить ему работу и жилплощадь ИВ (Институт Востоковедения) не сможет.

Долгие годы попыток вернуться на Родину приучили Рериха к отказам. Он умел ждать, не отступая от задуманного. Побывавшему в начале 1957 года в Индии тогдашнему президенту АН СССР А.Н.Несмеянову Рерих говорил, что основная проблема, связанная с его переездом в СССР, — это будущее место работы.

Несмеянов сделал запрос — будет ли Рерих полезен для ИВ "настолько, чтобы стоило его приглашать". В запросе о Рерихе говорилось, что, по-видимому, тот потерял всякое гражданство. В эпоху борьбы с "буржуазным космополитизмом" в советской науке и культуре это обстоятельство могло бы стать решающим, но к тому времени в стране уже началась политическая "оттепель", что, вероятно, учитывал и сам Рерих, и на этот раз выяснением того, кто же он такой, в Институте занялись всерьез.

Выяснилось, что и Рерих, и его работы высоко оцениваются его советскими коллегами. Сотрудник Института Китаеведения АН СССР К.М.Черемисов сообщил, что тибетско-английский словарь Рериха, на издание которого тот не смог собрать средства по подписке,

возможно, будет лучшим в своем роде. Категорически за Рериха высказались в Ленинградском отделении ИВ. Петербург-Ленинград был традиционным центром отечественной тибетологии, переживавшей в 40-50-е годы не лучшие времена. Китаевед и тибетолог Б.И.Панкратов высказался определенно: "Рерих является лучшим из всех европейских тибетологов нашего времени. Надо всеми силами постараться пригласить его для постановки преподавания тибетского языка в ЛГУ и вообще для возрождения нашей тибетологии". Эту точку зрения разделял и заведующий ЛО ИВ академик И.А.Орбели.

На основе этих отзывов Институт Востоковедения дал заключение, что Рерих будет весьма полезен, о чем Несмеянов сообщил самому ученому, предупредив, однако, что все организационные вопросы еще в стадии рассмотрения.

В августе 1957 года Рерих приехал в СССР. Местом его жительства стала Москва. Разрешение на репатриацию Рериха дал ЦК КПСС. Этим снимались все вопросы и сомнения политического и идеологического характера. Но, обогнав на несколько месяцев свой багаж, где были и многие его документы, Рерих начал научную деятельность в СССР без легализованных ученых степеней и званий, без официально зарегистрированного трудового стажа. Впрочем, ИВ с самого начала открыто высказывал мнение, что "присвоение ученой степени тов. Рериху Ю.Н. является вопросом чисто формальным и вопросом времени".

В целом при решении вопросов, касающихся Рериха, аппарат управления наукой действовал быстрее и четче, чем обычно. Но тем не менее многие из важных решений принимались через год или около того, после его приезда. Вряд ли кто-то предполагал, что времени Рериху отпущено слишком мало.

19 сентября 1957 года он был зачислен в штат ИВ старшим научным сотрудником сектора истории и философии отдела Индии и Пакистана. Показательно, что в приказе по институту Рерих сразу же назван профессором, а разрешение на зачисление его исполняющим обязанности старшего научного сотрудника Института Востоковедения Академии Наук дано лишь 8 октября 1959 года.

Практически всегда выходило так, что все задуманное Рерихом или в отношении него начинало реализовываться в Институте незамедлительно до официального одобрения (заметим, неизменного) руководством АН СССР или правительственной инстанцией.

Но Рерих не занял в ИВ привилегированного положения, а все сделанные для него исключения логически обосновывались его вкладом в науку.

В феврале 1958 года отдел Индии и Пакистана Института Востоковедения возбудил ходатайство о присвоении Рериху ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации, по совокупности опубликованных им трудов.

Ходатайство обосновывалось тем, что Рерих являлся автором ряда крупных и оригинальных исследований в области тибетологии и индологии, созданных на основе лично им собранного материала и получивших международное признание.

17 марта 1958 года Ученый Совет Института Востоковедения 24 голосами "за" и одним "против", при одном недействительном бюллетене присвоил Рериху искомую ученою степень. 11 октября 1958 года это решение было утверждено ВАК.

Юрий Николаевич Рерих сумел найти свое место в политизированной и идеологизированной системе советской науки того времени без ущерба для своей творческой индивидуальности, не отказываясь от "идеологизированных" заданий, участвуя в акциях, где ставка делалась не только на его научный авторитет, но и на политический облик.

В различного рода дискуссиях и на научно-организационных заседаниях он выступал довольно редко и только по вопросам, затрагивающим его творческие интересы. Отзывы и рецензии, составленные им, лаконичны и порой сухи. Список обязанностей Рериха постоянно удлинялся. В течение 1958 года он был включен в состав Ученого Совета ИВ и его филологической секции, а также Ученого Совета Института Китаеведения АН СССР. Здесь же в ИК он руководил группой тибетоведения. Рерих входил в состав комитета по подготовке к XXV международному конгрессу востоковедов в Москве и оргкомитета всесоюзного совещания индологов, участвовал в работе советского комитета по проекту ЮНЕСКО

"Восток-Запад". Незадолго до своей кончины он вошел в состав специальной лексикографической комиссии ИВ, которой поручалось взять под контроль работу по составлению и публикации словарей.

Рерих вел в ИВ курс тибетского языка, участвовал в комиссиях по приему кандидатских минимумов, был научным руководителем без малого десяти аспирантов, в том числе по специальностям, не представленным в ИВ до его прихода. Смерть оборвала и эту его работу, и всего два аспиранта защитили диссертации, подготовленные под его руководством, да и то после его кончины.

Рерих оппонировал на защите пяти диссертаций по истории Монголии, монгольскому языку и даже китайскому и корейскому языкам, т.е. в тех областях исследований, где не было острого недостатка в специалистах.

Но было много действительно интересной, разнообразной, привлекательной для него работы, и от него многого ждали.

В отзыве на труд Рериха "Тибетский язык" К.М.Черемисов писал: "Уже само название рецензируемого труда привлекает благожелательное внимание, а когда мы видим, что автором является Ю.Н.Рерих, "благожелательность" усиливается еще больше". Известны, впрочем, устные свидетельства востоковедов, знавших Рериха по сотрудничеству в ИВ, о том, что в Институте были и те, кто относился к нему явно недоброжелательно.

То, что Рерих как личность и как ученый вызывал к себе неоднозначное отношение, безусловно, естественно, как и то, что у него, вероятно, не все шло в жизни и работе так, как хотелось бы.

Но Рериху была предоставлена практически полная свобода в определении программы своей работы, и ни одно его начинание в ИВ не было заблокировано руководством Института.

Собственно говоря, Рерих приехал в СССР с уже готовой долгосрочной программой — составлением тибетско-санскритско-русско-английского словаря. Это неизменно предусматривалось его индивидуальными планами деятельности на год независимо от профиля тех подразделений, в которых он работал.

С приходом Рериха в ИВ в составе отдела Индии и Пакистана был организован новый сектор философии и истории религии, вначале планировавшийся как сектор культуры и философии.

Предложение о создании упомянутого сектора было внесено ИВ и одобрено Отделением истории АН СССР в один день — 19 августа 1958 года; 26 сентября Президиум АН лаконичным постановлением утвердил это решение "в целях усиления работы в области изучения философии и истории религий Востока".

А приказ по ИВ об организации сектора истории философии и религии датирован 5 ноября 1958 года. Зав. сектором с окладом 5000 руб. назначался Рерих. Целей и задач сектора приказ не определял.

Но изучение религий в то время неизменно и неизбежно увязывалось на государственном уровне с научным атеизмом и антирелигиозной пропагандой.

Постановлением ПАН СССР от 17 апреля 1959 года "О научной работе в области атеизма" Рерих был введен в состав академического Научного совета для координации работы в области атеизма и критики религии. Этим же постановлением выдвигалась задача разоблачения "попытки реакционных кругов стран Востока использовать религиозные течения для того, чтобы затормозить национально-освободительное движение".

Для участия ИВ в коллективной работе "Наука против религии" в Институте планировалось создание особой авторской группы под руководством Авдиева и Рериха. Он должен был принять участие в написании разделов "Ламаизм" и "Брахманизм, буддизм и джайнизм", посвященных месту религии в истории общества.

Позиция Рериха была максимально корректной — если и критика религии, религиозной философии, то на основе глубокого знания явления. Сначала накопление подлинно научных знаний, лишь потом критика.

Интересно высказывание Рериха в связи с обсуждением вопроса о развитии научного атеизма и антирелигиозной пропаганды:

"Предметом изучения советской науки должно явиться не только изучение западно-европейской философии с ее приматом греко-римской традиции, но и философии Востока, в особенности же философской мысли Индии и Китая.

Такое изучение должно служить не только чисто научным целям, но и явиться началом объединяющим, служить культурному взаимопониманию между народами Советского Союза и народами стран Востока.

На данном этапе особенное значение приобретает максимальное освоение письменных источников. Необходимы адекватные переводы творений классиков философской мысли Индии и Китая с комментариями.

Очень остро стоит вопрос кадров специалистов, филологов и философов. Считаем, что подготовка высококвалифицированных специалистов является главной задачей на данном этапе.

В дальнейшем следует обсудить подготовку отдельных монографий о религиозных движениях в Индии и Китае, вскрыв их социальные и политические корни".

Эта по сути программа Рериха стала во многом и программой возглавляемого им сектора.

В июле 1958 года отдел Индии и Пакистана поднял вопрос о возобновлении издания серии научных трудов и источников по буддийской философии и культуре — "Библиотека Буддике", имевшей огромный авторитет и популярность у ученых всего мира.

Работу по возобновлению серии возглавил Юрий Николаевич Рерих.

В серии предполагалось публиковать труды советских тибетологов и индологов, относящиеся к буддийской философии и культуре. Проект реализации "Библиотеки Буддике" был одобрен ОИИ АН СССР в июне 1959 г. Согласование его с МИД СССР и оргвопросы заняли несколько месяцев. И официально редколлегия серии была сформирована лишь 1 декабря 1959 года, менее чем за полгода до кончины Юрия Николаевича.

Но к работе по изданию серии Рерих приступил еще в январе 1959 г., начав в архиве Ленинградского отделения Института Востоковедения отбор рукописей для публикации.

Юрий Николаевич, в частности, вернул науке имя и труды репрессированного и погибшего тибетолога А.И.Вострикова, чей труд "Тибетская историческая литература" под редакцией Рериха вышел в свет в серии "Библиотека Буддике" в 1962 году.

Еще одним направлением его работы было участие в подготовке цейлонской "Энциклопедии буддизма". К этой работе привлек Рериха лично знавший его посол Цейлона в СССР профессор Малаласекера, бывший декан Восточного факультета Университета Коломбо.

Международный авторитет Рериха имел большое значение и для советской части проекта ЮНЕСКО "Восток-Запад", предусматривающего широкую программу взаимопознания и взаимообогащения культур Запада и Востока. Все члены семьи Рерихов были как бы живым олицетворением слияния этих культур.

Отношения СССР с руководством ЮНЕСКО были прохладными, в частности, из-за вопроса о членстве в этой организации КНР, против чего выступал ряд западных стран. На заседании советского комитета по проекту "Восток-Запад", посвященному роли Китая в развитии мировой цивилизации, Рерих заявил: "Мы вправе ожидать проявления голоса общественности, ибо говорим о справедливом признании великого народа. И мы это говорим не потому, что Китаю нужно это признание. Нет. Китай достаточно всеобъемлющ, чтобы идти своей особой дорогой. Это признание нужно миру, нужно миру мировой культуры, чтобы снова восстановить то великое культурное общение, которое когда-то знало раннее средневековье в Азии и которое создало тот гуманизм, которому принадлежит одна из самых ярких страниц мировой истории".

Политическое значение этого выступления Рериха было не менее важным, чем научное.

Рериху принадлежала всецело поддержанная Институтом идея создания специальной комиссии по изучению Кушанской эпохи. (Кушанское царство, 1-3 вв. н.э., включавшее в себя

значительную часть территории современной Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии и возможно, Китайского Туркестана). Советский комитет по проекту "Восток-Запад" 30 октября 1959 года постановил обратиться в ЮНЕСКО с предложением о создании международной кушанской комиссии. Рериху как члену советской части будущей комиссии поручалось в 1959-1960 годы представлять и защищать свой проект в ЮНЕСКО. Он успел подготовить обоснование своего проекта для Президиума АН СССР и правительственных инстанций.

Впоследствии идея Рериха о необходимости международного объединения ученых для изучения кушанской эпохи, трансформировавшись, нашла свое воплощение в утвержденном в 1966 году проекте ЮНЕСКО по изучению цивилизаций Центральной Азии и последующем создании Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии.

Вся деятельность Юрия Николаевича подчинялась единой сверхзадаче — организации великого культурного общения не только в Азии, но и во всем мире. Обойти политический аспект этой проблемы Рерих не мог, да и вряд ли стремился. Схема "Восток-Запад" отражала и противостояние двух основных мировых общественно-политических систем.

Борьба обоих лагерей за доминирующее влияние на Востоке шла постоянно. Проявилось это и в вопросе организации и проведения в Улан-Баторе в 1959 году первого международного конгресса монголистов-филологов.

В МНР наука с 20-х годов опиралась и ориентировалась на помощь и поддержку СССР. Рерих, знакомившийся в июле-августе 1958 года с фондами тибетских и монгольских рукописей в хранилищах Улан-Батора, имел беседы с руководством МНР и ЦК МНРП по поводу развития советско-монгольских научных связей.

Из этой поездки он вынес, в частности, впечатление, что научные и руководящие политические круги МНР обеспокоены состоянием советского монголоведения. В отчете о командировке Рерих назвал естественной и оправданной обеспокоенность ученых МНР расширением монголоведческих исследований на Западе и вероятностью, что делегация США окажется самой многочисленной на предстоящем конгрессе. Чтобы избежать этого, Рерих предлагал сделать конгресс не слишком многоязычным и не приглашать никого из "окружения" Николаса Поппе (монголовед, советский эмигрант, работавший в германском научном центре, связанном с СС, а впоследствии в США), а также проявить большую осторожность при приглашении монголоведов из ФРГ, поскольку их глава был в прошлом связан с национал-социалистическим движением в Германии. Рерих отметил, что "монгольские ученые предвидят попытку Запада вырвать первенство, что имело бы крайне нежелательные последствия политического характера, и готовятся встретить этот вызов".

В ходе конгресса Рерих выступил с докладом "Монгольские заимствования в тибетском языке" и активно участвовал в обмене мнениями по научным политическим проблемам в кулуарах конгресса. По мнению советской делегации, политическая обстановка на нем была достаточно напряженной, а положение, сложившееся с развитием гуманитарных наук в МНР, требовало расширения ее научных связей с СССР.

После конгресса Рерих посетил научные центры Бурятии, где его авторитет, как и в МНР, был чрезвычайно высок. Монгольские ученые выразили надежду, что Рерих "со своей обширной эрудицией в области индо-тибето-монгольской философской и научной терминологии поможет поставить большой монголо-русский словарь на уровень сегодняшних достижений науки".

В свою очередь, Бурятский комплексный НИИ просил Рериха быть в 1959-1965 годы руководителем пяти работ в области тибетологии, в том числе и словарных.

Руководство ИВ и сам Рерих, разумеется, ничего не имели против его участия в работе по большому монголо-русскому словарю, начатому еще до войны. И, разумеется, Рерих помогал разным научным центрам страны, но при всей своей работоспособности он вряд ли мог откликнуться на все предложения сотрудничества даже по линии тибетологии, тем более, что здесь его самого ожидали наибольшие трудности.

Выступая в ИВ с сообщением о своей работе по изучению тибетского языка, Юрий Николаевич сетовал на труднодоступность для него ленинградского тибетского фонда рукописей и трудов китайских ученых по тибетскому языку в фондах ленинградских библиотек.

В издательстве АН СССР в Ленинграде он лично убедился, что для печатания словаря потребуется заново изготовить тибетский шрифт.

Обстановка вокруг словаря Рериха всегда была сложной. Одно время речь шла даже о тибетско-санскритско-монгольско-английско-русском словаре, причем первый его выпуск должен был быть подготовлен к печати к концу 1958 года. (В середине 1958 года ИВ получил извещение Международной академии индийской культуры о завершении работы над полным 20-томным тибетско-санскритским словарем и предложение подписаться на него. Цена первого тома, вышедшего из печати и собравшего немало хвалебных отзывов специалистов, была всего 25 рублей).

Впоследствии выпуск тибетско-санскритско-английско-русского словаря предусматривался семилетним планом работы ИВ на 1959-1965 годы. Институт языкознания АН СССР отметил, что реализация этого проекта может стать для науки событием выдающимся.

В составе сектора философии и истории религии отдела Индии и Пакистана ИВ в 1959 году была создана специальная группа во главе с Рерихом для работы над словарем. Группа готовила макет словаря к XXV международному конгрессу востоковедов, но на опубликованном в 1960 году макете имя Рериха оказалось в траурной рамке. Работа Рериха "Тибетский язык" вышла в свет также после его смерти.

Одним из трудов, приуроченных к XXV конгрессу востоковедов и подготовленных сектором Рериха, была "Дхаммапада" — сборник изречений, часть буддийского Канона в переводе с пали и комментариями В.Н.Топорова.

Ответственный редактор и рецензент этой работы Рерих считал, что ее издание "можно только приветствовать в интересах укрепления культурных связей между Советским Союзом и сторонами буддийского Востока".

Идея публикации перевода "Дхаммапады" не вызвала возражений ни у руководства АН СССР, ни в МИД СССР.

Книга вышла, принеся своим создателям не только творческое удовлетворение. 10 мая 1960 года вопрос об издании серии "Библиотека Буддике" рассматривался Бюро ОИН АН СССР. На заседании присутствовали и принимали участие в обсуждении Ю.Н.Рерих и директор Института Востоковедения Б.Г.Гафуров, но Топоров отсутствовал. Бюро ОИН постановило: "1) Отметить, что в книге "Дхаммапада" предисловие и комментарии носят объективистский характер. В результате данное издание может быть неправильно воспринято читателями, не имеющими специальной подготовки; 2) Считать неоправданной необходимость массового издания (в количестве 40000 экз.) "Дхаммапады" в переводе на русский язык; 3) В связи с вышеизложенным рекомендовать ИВ и Издательству восточной литературы при подготовке к печати серии "Библиотека Буддике" обращать особое внимание на предисловие и комментарии; 4) Указать РИСО ИВЛ на необходимость более тщательного подхода к решению вопроса о целесообразности публикации памятников литературы и философской мысли народов Востока в переводе на русский язык; 5) ... ; 6) Принять к сведению заявление директора ИВ ... о мерах, принятых к лицам, допустившим при издании "Дхаммапады" указанные недостатки".

В.Н.Топоров не был сотрудником ИВ, и это решение касалось в первую очередь Рериха.

Остается открытым и документально не освещенным вопрос — какие меры были приняты к ученому и были ли они приняты вообще? Во всяком случае, в приказах по ИВ и протоколах заседаний дирекции Института за 1960 год нет никакого упоминания об этом инциденте. Дальнейшее же участие Рериха в событиях вокруг "Библиотеки Буддике" было прервано его скоростижной кончиной 21 мая 1960 года.

Рерих проработал в ИВ АН СССР немногим более двух с половиной лет. Он не был

удостоен высших научных титулов и почетных званий, не был победителем институтского соцсоревнования и даже не получил ни одной денежной премии. Лишь однажды, в самом начале 1959 года, ему была объявлена благодарность в приказе "за хорошую производственную работу".

Ученому многое не удалось завершить, но его начинания не были забыты и дали хорошие результаты.

Сектор философии и истории религии в ИВ, правда, распался, но группа тибетологов, руководимая Юрием Михайловичем Парфионовичем, завершила работу над словарем.

Масштаб и сложность этой работы, незавершенность оформления самой авторской рукописи, дефицит специалистов и т.д. отодвинули выход первого из десяти выпусков тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями на двадцать лет.

Мировое востоковедение за многое должно быть неизменно благодарно Юрию Николаевичу Рериху. И это лучшее, чем можно почтить его память.

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КАБИНЕТ Ю.Н.РЕРИХА

М.И.Воробьева-Десятковская,
доктор исторических наук, Санкт-Петербург

С именем Юрия Николаевича Рериха отечественное востоковедение связывало планы создания целой школы исследований в этой области. Потеря была огромной и невозполнимой. Естественно, что общественность и сотрудники Института Востоковедения, коллеги и ученики Юрия Николаевича старались увековечить его память. Возникла мысль создать в Институте мемориальный кабинет его имени, разместить там его уникальную библиотеку и основать ежегодные научные Рериховские чтения.

Кабинет Рериха должен был функционировать при отделе Индии, которым в то время руководил профессор В.В.Балабушевич. Человек очень мягкий и интеллигентный он очень тепло относился при жизни к Юрию Николаевичу, помогал работе возглавляемого им сектора.

Поначалу надо было выделить круг книг и вещей для передачи в будущий кабинет Рериха. Печальное событие — кончина Юрия Николаевича — совпало с приездом Святослава Николаевича и с открытием в Москве его выставки. Трагедия вызвала какое-то общее оцепенение, и только через несколько дней администрация Института начала переговоры со Святославом Николаевичем относительно библиотеки его безвременно ушедшего брата. Первое, что было сделано, — разбор рабочих материалов, которые остались на столе Юрия Николаевича. Он писал рецензии на большое количество трудов востоковедов Москвы и Ленинграда. Я имела счастье работать с ним и была им лично представлена Святославу Николаевичу накануне открытия его выставки. После ухода Юрия Николаевича и начала переговоров относительно кабинета Святослав Николаевич попросил меня сначала разобрать текущие материалы. Все труды были возвращены авторам. Массу докладных записок, планов, ответов на вопросы удалось использовать по назначению. После этого в июне 1960 года началось описание библиотеки Юрия Николаевича. Сразу же было решено, что в Институт переедет та часть библиотеки, которая находилась в его кабинете. Другую ее часть, которую Юрий Николаевич держал в своей спальне, — справочники, наиболее ценные издания и нужные ему книги, — было решено оставить нетронутой. Книги составляли интерьер его спальни вместе с буддийским алтарем, бронзовой статуэткой одиннадцатиликого Авалокитешвары, медным Цзонкхапой, а также курительницами и прочими предметами буддийского культа. Мы не могли взять на себя смелость нарушить то, что еще недавно окружало Юрия Николаевича и было частью его земной жизни.

Я составляла опись книг, и ее тут же перепечатывала Кира Алексеевна Молчанова. За месяц мы описали с ней сначала библиотеку тибетских ксилографов, потом все книги из

кабинета и огромное количество оттисков разных работ. В течение июля состоялась формальная передача этих материалов в Институт. Книги оказались в ведении библиотеки последнего. Акт о приемке книг подписал ее директор Александр Исакиевич Бендик. Упаковывали и перевозили библиотеку Юрия Николаевича его ученики. Книги были расставлены в течение недели. Так что, когда в Москве открылся XXV конгресс востоковедов, кабинет был готов к открытию. Это событие состоялось в середине августа 1960 года в торжественной обстановке. В цветах утопал портрет Юрия Николаевича.

После этого мемориальный кабинет Рериха начал функционировать как самостоятельное научное подразделение отдела Индии. Заведующей кабинетом была назначена ученица Юрия Николаевича, Наталья Юлиановна Лубоцкая — очень внимательный, очень преданный делу человек. В кабинете постоянно работали его ученики и сотрудники Института.

Первые Рериховские чтения состоялись в октябре 1960 года. Его последователи постарались принять в этом мероприятии самое активное участие. Наметили выпустить том собраний сочинений ученого, в который предполагали включить опубликованные в Индии работы, а также фрагменты рукописей, в частности, отрывки из "Истории Центральной Азии"; над этим трудом Юрий Николаевич работал в течение всей жизни. Это был машинописный текст с большим количеством добавлений. В Индии Юрий Николаевич не мог пользоваться рядом археологических исследований, которые велись в Советском Союзе. После возвращения на Родину он дополнял текст, включая туда новые источники и материалы. Эта работа не была завершена. Перепечатка рукописи велась уже после смерти ученого. Не смогли создать самое главное — редакционную коллегию, которая взяла бы на себя необходимые работы для обеспечения выхода этой книги в свет. Тибетскому словарю повезло больше — его удалось довести до конца и издать.

Память о Юрии Николаевиче продолжает согревать души тех немногих из его учеников, которые остались в живых. Жизнь разметала их по разным странам, но первые шаги в науке, во многом определившие их дальнейший жизненный путь, были сделаны ими здесь, в Москве, и связаны с именем Учителя и его мемориальным кабинетом.

РЕРИХИ ОБ УЧЕНИИ КАЛАЧАКРЫ

В.Ц.Найдакова,
доктор искусствоведения, Улан-Удэ

Система Калачакры — одна из самых сложных систем в древних Учениях Востока. Отношение к этой системе Николая Константиновича и Юрия Николаевича Рерихов, очень внимательно и глубоко ее изучавших, — свидетельство общности интересов и единства духовных исканий этой замечательной семьи.

Есть два уровня буддизма: обиходный и эзотерический. Калачакра — из области эзотерического буддизма. Она вышла из Ригвед, из протоиндийской культуры и уходит своими корнями в протоиндийский шиваизм. В Западной Европе почти все стремились ознакомиться с этим тайным Учением, потому что оно вело в таинственную, загадочную страну, которую многие называли мифической страной Шамбалой.

Те, кто читал "Сердце Азии" и "Шамбалу Сияющую" Николая Константиновича Рериха, наверное, заметили, что, говоря об Учении Калачакры, он прямо соотносит его с Шамбалой. На многих страницах идет диалог с высоким тибетским ламой об этом древнем Учении, об интересе к нему западных ученых, о заповедной стране Шамбале с ее высочайшими этическими заповедями и стремлением к постоянному самосовершенствованию, о неприятии высокими Учителями Шамбалы простого любопытства к Учению со стороны людей Запада. Рерих называет имена известных ученых, которые стремились в эту прекрасную страну, не дождавшись зова. На это лама отвечает, что слышал о том, что Чома де Кереша постигло несчастье в жизни, а Грюнведель лишился рассудка, "потому что они прикоснулись к

великому имени Шамбала из любопытства, не представляя себе его удивительного значения".

Николай Константинович пишет, что систему Калачакры принес в Тибет буддийский ученый Аттиша в 1027 году. И это совпало со временем, когда в Тибете утвердилось летоисчисление по Юпитеру, 60-летний цикл по лунному календарю (5 раз по 12 лет). Многие народы Азии, в том числе монголы и буряты, живут по этому календарю. Это летоисчисление сопряжено с утверждением в ламаизме — северном буддизме — системы Калачакры. "Кала" в переводе с санскрита означает время, "чакра" — круг, колесо. Колесо Времени. Калачакра — многозначное явление. Это и Колесо Времени, это и многоголовое и многорукое божество Времени.

На основе тщательного изучения тибетских трактатов по этой системе, относящейся к тантрической мистике, Юрий Николаевич написал свой труд "К изучению Калачакры". Наверное, будет интересно узнать, что первая проповедь по Калачакре была прочитана Буддой Шакьямуни и что автором первой Калачакрамулатантры был Владыка Шамбалы Сучандра. В Тибет это Учение принес знаменитый индийский проповедник Соманатка в начале XI века.

В Бурятии, где буддизм исповедуется несколько веков, но официальное признание императорской Россией получил только в 1740 г., при крупных монастырях были специальные храмы — дацаны, посвященные Калачакре, или, в тибетской транскрипции, — Дуйнхору. Службу там вели священники, получившие тантрическое посвящение. Для меня, театроведа, было важным, что при этих храмах ежегодно совершались в летнее время ритуальные танцы-жертвоприношения, известные как цам Дуйнхора, или мистерия Калачакры. Слово "мистерия" означает тайну и уводит нас куда-то в глубь веков к египетским мистериям, а позднее, к древнегреческим — элевсинским и дионисийским мистериям, на основе которых зародился древнегреческий театр. Мы знаем сегодня, что знаменитые античные драматурги Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан посещали школу мистерий, где получали тайные знания.

Я же столкнулась с тайной, когда разыскала старых лам высокого тантрического посвящения, руководивших постановкой священных танцев в цаме Дуйнхора. Ламы довольно охотно делились со мной сведениями о том, когда они начали танцевать, а затем ставить ритуальные танцы, кто обучил их этому искусству, показывали даже рисунок танца, его отдельные движения. И вдруг останавливались — дальше нельзя, нужно посвящение, нужно знать тарни (заклинания) на санскрите. На этом этапе мои исследования затормозились.

Слово "тантра" в переводе с санскрита означает "длительное время сохраняющий накопленную энергию". По мнению известного буддолога-синолога В.П.Васильева, учение дарани (тарни) — это учение о тех мистических выражениях и формулах, при правильном употреблении которых можно с помощью психической энергии производить буквально все. Согласно этому учению, человек состоит из трех частей: тела, души и слова (мысли). "И в то время, когда дух будет обращен к созерцанию и рассмотрению какого-нибудь образа или аспекта Будды, тело посредством мудр выражает его атрибут, а язык занят повторением заклинаний или сущности Будды". Отсюда можно понять, что священные танцы мистерии Калачакры представляли собой в самом деле тайный обряд жертвоприношения великому Божеству Времени. Обряд представлял собой динамическую медитацию, связь с Космосом напрямую.

Молодые священники, занятые в обряде, обладали значительными познаниями в области буддизма, некоторые были уже посвящены в таинства доктрины Калачакры. Они давали клятву хранить молчание. А санскритские тексты заклинаний по своей трудности остались недоступными. Они не переведены с санскрита ни на тибетский, ни на монгольский. Об этом писал в свое время Г.Цыбиков в "Лам-рим чень-по".

Когда я познакомилась с книгами Живой Этики, то для меня стало еще более ясно, как Великие Учителя человечества выдают нам тайны, касающиеся нас же: в разное время в разных формах по капле. По древней формуле — "информация должна быть выдана, но

тайна должна сохраниться". Очевидно, еще до проповеди Будды часть информации по Калачакре где-то была дана человечеству. Николай Константинович так определил эту систему: "Калачакра — это высокая йога овладения скрытыми силами, заключенными в человеке для соединения этой мощи с космическими энергиями". Постепенно под разными формулировками выдавалось Великое Учение о том, что человек — не просто человек, а существо, одаренное божественными возможностями, о которых он должен узнавать понемногу, по мере своего эволюционного развития.

На головы танцующих лам надевали маски буддийских богов в их гневном воплощении, чтобы устрашить враждебные силы и очистить на какое-то время местность. Танцы исполнялись два раза в год и очень часто в начале июля. Этот древний обряд театрализованного богослужения называли в Монголии и Бурятии цам Эрлик Номун Хана. Главный персонаж мистерии — докшит Чойжил выходил "на сцену" в маске быка с пламенеющими на остриях рогами. Обряд начинался ровно в полдень, до этого в храме всю ночь длилось бдение. Главных персонажей, гневных богов — восемь-десять, остальные маски — либо из свиты докшитов, либо разных животных и людей. Все ведущие маски со своей свитой имели собственную музыку и характерные танцы. Музыка исполнял ламский оркестр с очень своеобразными инструментами. Очень была популярна среди прихожан пантомима Белого Старика (Сагаан Убугууна). Но надо сказать, что большинство лам-исполнителей не были посвящены в тайный, сокровенный смысл обряда, не знали смысла заклинаний, священных движений и атрибутики. И только позднее, когда я уже получила текст, я узнала тайну этих движений, но даже там не было перевода заклинаний. А сегодня мы имеем Живую Этику, где завеса над тайной приподнялась.

В сентябре 1959 года Ю.Н.Рерих, возвращаясь с I Международного конгресса монголоведов из Улан-Батора, остановился на неделю в Улан-Удэ, где ознакомился с рукописными фондами по тибетике и монголистике. Среди ученых тогда наиболее авторитетным был тибетолог лама-тантрин Б.Д.Дандарон, у которого я брала в шестидесятых годах консультацию по маскам цама докшитов.

На конференцию, посвященную 90-летию со дня рождения Юрия Николаевича Рериха, я привезла несколько слайдов, которые дают представление о рисунке священных танцев мистерии Калачакры, особенно о костюмах и головных уборах тантрических священников, отличавшихся от костюмов других лам и имевших три разных вида...

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ РЕРИХОВ И ЕВРАЗИЙСТВО

С.Ю.Ключников, Москва

Я хотел бы рассказать о взаимосвязи, пересечении и взаимовлиянии двух крупнейших направлений русской и мировой мысли и духовной культуры — философского наследия Рерихов и евразийства.

Несмотря на различие этих двух течений — евразийцев как школу исторической мысли русской эмиграции интересовали прежде всего геополитические, историко-культурные, этнические и социальные стороны взаимодействия России и Востока, а Рерихов — и религиозно-философские, — между этими направлениями существовала тесная связь. Елена Ивановна Рерих в своих письмах очень сочувственно цитировала слова одного из виднейших евразийцев — Петра Николаевича Савицкого о том, что богиня культуры из равнин Европы уходит к холмам Азии. Понятие Евразии широко упоминалось в трудах и Николая Константиновича и Юрия Николаевича Рерихов. Россия рассматривалась ими как особый ареал со своей неповторимой исторической судьбой.

Существовали прямые контакты сотрудников рериховских организаций в Праге и Париже с евразийскими кружками. И, наконец, Юрий Николаевич Рерих сам был одним из крупнейших представителей евразийской школы. Он находился в дружеских отношениях и

переписке с тремя основными евразийскими мыслителями — Георгием Вернадским, сыном нашего знаменитого академика, историком, жившим сначала в Чехословакии, затем в Соединенных Штатах, а также с Петром Савицким и Николаем Трубецким.

Основателями евразийского движения, зародившегося сразу же после революции, были несколько молодых эмигрантов, переживших тяжкий период политических потрясений и проанализировавших причины, суть и пути преодоления революционного кризиса. Они объединились во временный творческий коллектив и начали издавать свои сборники и труды: "Утверждение евразийцев", "Исход к Востоку", "На путях". Основанное ими книгоиздательство стало весьма заметным явлением русского зарубежья. К наиболее ярким представителям евразийства принадлежали географ Петр Савицкий, богослов Лев Карсавин, лингвист и филолог Николай Трубецкой, правовед Николай Алексеев, богослов Георгий Флоровский. Как объединение евразийство существовало примерно десять с лишним лет. Но идеи отдельных мыслителей продолжали разрабатываться до последних десятилетий нашего века. В Америке последователем евразийцев был Г.В.Вернадский, в нашей стране — Лев Николаевич Гумилев. В свое время он сидел в мордовском лагере вместе с Петром Савицким, от которого и воспринял эти идеи, воплотив их впоследствии в своей доктрине этногенеза и пассионарности. Он ставил перед собой задачу соединить идеи академика В.И.Вернадского с его учением о ноосфере с идеями Вернадского-сына, написавшего огромный шеститомный труд по истории России и Европы.

Евразийцы исходили из того, что Евразия есть особый континент на территории планеты, который они называли Хартлендом — сердцем мира, определяющим движение мировой истории. И если Евразия — это сердце мира, то Россия, в свою очередь, является сердцем самой Евразии. Они считали, что путь, которому должна следовать Россия, — есть особый исторический путь, объединяющий в себе и восточное и западное направления культуры, но особый акцент делали на связях России с Востоком. Внимательно изучая события русской истории, они пришли к выводу, что периоды наибольшего расцвета России приходились на времена максимального сближения с Востоком. Даже татаро-монгольское нашествие, несмотря на причиненные им разрушения, в конце концов дало нам сильную государственность и вывело Россию из состояния раздробленности на широкую дорогу мировой истории. Если духовное наследие Русь получила от Византии, то геополитическое — в большей степени от монгольской империи Чингис-хана. Наиболее благоприятным периодом развития России, по их мнению, был период Московского царства XV-XVI веков. Именно тогда максимально проявились самобытные черты русской культуры. Именно тогда была сформулирована концепция Москвы — Третьего Рима, которая помогла России избежать последствий насильственной латинизации и отстоять истоки своей национальной веры.

Когда же Россия сближалась с Западом, она терпела в результате этого фиаско. Периоды духовного заболевания России разрушительными западными влияниями — это прежде всего события смуты, связанные с польской интервенцией, с расшатыванием идеи государственности и православной веры. Это раскол, который произошел в XVII веке после реформ Никона, сделанных им с явной оглядкой на Запад, с заимствованием греческих форм обрядности и богослужения. К реформам Петра евразийцы относились достаточно сложно, видя, что реформы эти во многом разрушили самобытный российский уклад и превратили Россию в некое космополитическое государственное образование. В революции 1917 г. они видели не азиатский лик, а предельное развитие западопоклонничества, предельный европеизм и увлечение западными марксистскими идеями. Поэтому, считали они, наиболее оптимальный вариант развития России — это постепенный отказ от западничества в сфере духа. У Запада необходимо учиться техническим идеям, моментам, связанным с внешним благоустройством жизни, но заимствовать сам западный материалистический, меркантильный, прагматический дух было бы для России величайшим разрушением и катастрофой. В этом они солидарны с русской общественной мыслью, которая еще со времен славянофилов, Данилевского, Константина Леонтьева утверждала, что в Азии наши истоки в

большой степени, чем в Европе. Азия близка России по напряженности своего религиозного чувства, утверждали евразийцы. Нам необходимо учиться трепетному и бережному отношению Востока к своим национально-духовным корням.

XX век вверг мир в процесс интенсивного товарообмена, привел к ситуации, при которой выигрывают страны, осуществляющие этот товарообмен по морским путям, — и это прежде всего островные англо-саксонские страны. Страны же материкового, континентального типа не имеют возможности так быстро осуществлять этот товарообмен и в случае интеграции их в мировое хозяйство оказываются наиболее географически и экономически обездоленными. Такого рода обездоленным государством может оказаться прежде всего Россия, если она будет быстрым путем бездумно интегрироваться в так называемую мировую цивилизацию. Евразийцы были убеждены, что страны островного типа намеренно стремятся ослабить Евразию, сердце мира, поскольку западная геополитическая экономическая мысль разработала доктрину, по которой тот, кто владеет Хартлендом, владеет ключом к мировому господству. Поскольку страны островного типа не могут овладеть этой территорией, так как ее невозможно завоевать, то в таком случае, считают они, пусть этой территорией не владеет никто. Отсюда — традиционная английская, а позднее — американская политика разжигания сепаратистских конфликтных взаимоотношений между народами Евразии. Подобному обороту дел необходимо противопоставить политику дружбы, географического и экономического взаимодействия народов Евразии — только так можно сохранить себя в поле единой мировой экономики и политики.

Евразийство — течение русской историософской мысли, которое является "третьим путем". Его последователи не были поклонниками сугубо "белого движения", настаивавшего на реставрации монархии, и не были тем более поклонниками "красной идеи". В то время, как большинство эмигрантских течений готовы были сражаться против безбожных Советов, евразийцы считали это наиболее бесплодным путем. Лишь путь постепенного эволюционного превращения тоталитарного советского режима в режим более мягкий, менее идеологизированный и более духовный является наиболее эффективным. Как и евразийцы, Рерихи видели будущее России не в копировании западного атеизма, прагматизма и цивилизации. Они видели Россию на путях особой, самобытной и в то же время универсальной культуры. Как и Рерихи, евразийцы считали, что на духовном пути Российского государства и народа не следует "упиваться" ядом недавнего прошлого. Пропускание через собственную психику каких-то ошибок и сосредоточивание на них пагубно для общего развития.

Евразийцы пытались видеть будущее России опирающимся на период Московского царства XV-XVI веков. Революцию они рассматривали как уже свершившийся "геологический факт". Россию можно строить только с учетом этого факта, на этом фундаменте, постепенно изменяя внутреннюю и внешнюю политику страны, ее духовную культуру, но ни в коем случае не разрушая этот фундамент, что привело бы к неминуемым бедствиям. Необходимо сочетать принципы охранения национальных устоев и традиций с началами обновления определенных внешних сторон. Будущее России они видели в таком строе, который называли идеократией — правлением идеи. Когда сейчас раздаются голоса, что нужно деидеологизировать развитие государства, то за этой деидеологизацией тоже стоит определенная идея. Ни одно государство никогда не развивалось без какой-либо идеи. Известны римская идея, идея вечного города, лежавшая в основе благополучия и могущества Римской империи; прусская милитаристская идея германского государства; английская идея парламентаризма и прав человека; французская республиканская идея... Все эти идеи дали процветание тому или иному государству и обществу. С точки зрения евразийцев, такого рода идеей для России является идея "государства правды". Они считали необходимым разделить понятия правового государства и государства правды. Правовое государство, исповедующее формальные демократические принципы без устремления к этическим началам, нередко с формально правильной точки зрения освящает весьма несправедливо творимые дела. Напротив, за государством правды, вводящим начало совести, этически духовное измерение в свои

законы, в свою атмосферу, они видели будущее. Идеократия — государство, подчиняющее земной уклад жизни началу вечному, нравственному, религиозному. Именно религиозная идея, теократическая, в конечном счете, — это идея решающая, но к ней народы должны прийти добровольно, без всякого насильственного принуждения. Они считали также, что надо разделить истинно народное государство от формального демократического.

Между индивидами, людьми существуют органические естественные связи. Скажем, в России такого рода связью, соединяющей коллективы людей и всю страну в целом, была община. Это органически вырастающая из жизни подлинно народная основа бытия. Для России евразийцы видели такой путь, который основан именно на народном единстве, а не на искусственном образовании, рассекающем тело народа на политические партии. Будущее России — это сильная власть, не тоталитарная, но основанная на духовном авторитете. Здесь опять-таки определенное пересечение с представлениями Рерихов о духовном Вожде, руководстве без всякого насилия, на духовных принципах.

Представляется, что евразийство в каком-то смысле близко Рериховской философской мысли не только общим признанием особой роли Востока в судьбах России, но и конкретными разработками в области государственного строительства, геополитики, экономики — области, которая называется обустройством России. Если Рериховское наследие дает общие духовные магистральные векторы подобного развития и для индивидуума и для страны, то евразийство во многом конкретизирует, преломляет эти идеи на определенном историческом материале. Евразийцы так же, как и Рерихи, считали, что в России завязаны главные узлы мировой истории, и от того, какой путь изберет Россия, во многом зависят судьбы мира. Поскольку западная цивилизация зашла в тупик и добровольно из него выйти не сможет — очень трудно отказаться от комфорта, — России в этом отношении легче отказаться от чисто технократического пути, ибо ей, как и 70 лет назад, трудно что-либо потерять, кроме своих цепей.

Духовное наследие Рерихов близко евразийству и по тому значению, которое придается отдельным азийским зонам России. Ведь Учение Рерихов содержит в себе такой пласт, который можно назвать сакральной географией. Она говорит о священности тех или иных территорий, особой роли, которую будут играть, скажем, районы Алтая, Кавказа или Сибири как некоторые узловые центры будущей культуры. И евразийство, и наследие Рерихов — это учения патриотические; но это такой патриотизм, в котором идея территории, земли преобладает над этническим происхождением. Примат территории, самой земли, примат общегосударственного целого — такой патриотизм присущ России. И евразийство, и Рериховское наследие особое значение придают не только духовным и небесным началам жизни, но и идее земли. Это, как известно, одна из стержневых идей русской культуры. Например, одна из работ Глеба Успенского так и называется — "Власть земли". Елена Ивановна Рерих говорила о необходимости припадания к ней для обновления сил и для духовного развития. Человек должен прочно стоять на земле и как индивид, и как гражданин. И Рерихи, и евразийцы считали, что очень важно сильное государственное целое, неделимость государства. Е.И.Рерих в 20-30-е годы писала, что раздел России означал бы конец всего мира, поскольку именно Россия несет на себе бремя удержания мирового равновесия. Евразийцы, следуя православной традиции, также считали, что Россия выполняет именно эту удерживающую роль, которая определяется древнегреческим понятием "котихон" — удерживающий. До тех пор, пока Россия сохранится как целое, наступление мирового хаоса и мирового зла не будет возможным. Е.И.Рерих считала, что путь на Восток связан с почитанием Византии: "Через Византию нам грезилась Индия". И я думаю, что это надо понимать как в историческом, так и в духовном плане, — ведь Византия, как известно, дала исихазм, эзотерическое христианство, культуру безмолвия, мощную духовную практику, которая затем была принята Россией и стала составным элементом русской святости. Византия как раз тоже была евразийской державой. Когда я читал труды Ю.Н.Рериха, поначалу мне было не совсем понятно, почему в них такое большое внимание уделяется вопросам кочевнической культуры, вопросам рождения и распада древних

империй, но потом стало ясно, что в этом историческом примере Ю.Н.Рерих с его гениальными прозрениями видел много поучительного для будущего России. Неделимость ее как государственного целого у Рерихов была связана и с тем, что, как видно из писем Е.И.Рерих к Рузвельту, большие государства, организованные не тоталитарным, а более человеческим образом, несут в себе меньшее зло, чем значительное количество лоскутных, конфликтующих между собой образований. Елена Ивановна писала, что Великим Учителям легче руководить и осуществлять водительство больших единых народов, чем народов раздробленных и враждующих, поскольку здесь больше действующих волей, больше хаоса и трудно привести все это к общему знаменателю. А человечество рано или поздно должно прийти к духовной семье, к общине, которая, будучи общечеловеческим единством, сохранит в себе национальные автономии.

Рериховское Учение простирается, конечно, неизмеримо дальше геополитических и исторических воззрений ортодоксальных евразийцев. Это космическое Учение вводит духовное измерение в идею Евразии и по своей сути лежит за пределами земных мер. Тем не менее взаимодействие этих двух направлений мысли чрезвычайно плодотворно.

В это трудное время мы не можем всесторонне не размышлять о том, как реально обустроить Россию.

ТИБЕТ В ТВОРЧЕСТВЕ И ИССЛЕДОВАНИЯХ РЕРИХОВ

Е.П.Маточкин,
кандидат искусствоведения, Новосибирск

Неоценимую услугу в деле изучения полотен Николая Константиновича Рериха, созданных под впечатлением Центрально-Азиатской экспедиции, — еще ни один искусствовед не видел того, что прошло перед глазами этой экспедиции, — могут оказать труды Елены Ивановны и Юрия Николаевича Рерихов, непосредственных участников маршрута и свидетелей творчества художника. Рассмотрим его живописное наследие исходя из тех возможностей, которые открываются, если следовать за мыслями Юрия Николаевича Рериха и его изысканиями как ученого-этнографа.

Путеводной нитью здесь является чрезвычайно важное определение, сделанное Юрием Николаевичем: "Главной целью экспедиции было создание живописной панорамы земель и народов Внутренней Азии".¹ Возможно, что в его понимании "живописная панорама" не сводилась только к картинам отца, а подразумевала нечто большее. Однако ограничимся лишь анализом живописных тематических мотивов.

Дольше всего экспедиция пробыла в Тибете. Задержка каравана позволила "изучать тибетскую жизнь во всем ее неприкрашенном виде".² Дневниковые записи самого Николая Константиновича также во многом помогают пониманию его художественных устремлений. Однако его литературные сочинения, как и картины, написаны образным поэтическим языком художника. Гораздо более объективный взгляд на вещи представляют труды Юрия Николаевича Рериха, в частности, его книга "По тропам Срединной Азии", изложенная пером ученого-этнографа. Тибетология была любимой областью научного знания Юрия Николаевича; большое значение для исследований экспедиции имело свободное владение им разговорным тибетским языком.

Работа Юрия Николаевича и Николая Константиновича над одним и тем же материалом в одно и то же время дает в руки исследователей уникальную возможность предпринять анализ "живописной панорамы земель и народов Тибета". Под этим углом зрения творчество Николая Константиновича Рериха еще не рассматривалось. Между тем подобный комплексный подход дает возможность его более детального анализа: как по времени создавалась живописная панорама по отношению к одному региону, одному народу, сколько полотен и каких именно она в себя включала, как художнику удавалось воплотить образ

страны, ее народа...

По нашим подсчетам на основе перечня В.В.Соколовского, с темой Тибета связано у Рериха около 210 произведений. Следует сделать оговорку о приближенном характере приводимых цифр, обусловленном рядом объективных трудностей. Прежде всего бывает сложно отнести работы именно к Тибету в связи с их редкими, незнакомыми названиями. Более того, некоторые популярные сюжеты, использованные в картинах, — легенды о Шамбале, о Гесэр-хане, буддийские и ламаистские мотивы — издавна бытуют на огромных территориях Срединной Азии. Особенно много параллелей можно усмотреть в духовной культуре Монголии и Тибета, что и затрудняет точное выяснение происхождения картин. Кроме того, горные пейзажи, не имеющие конкретного названия, как правило, считаются гималайскими, тогда как отнюдь не исключено, что часть из них обязана своим появлением Алтаю или Тибету. Таким образом, наш подсчет имеет приближенный, оценочный характер.

Распределение произведений по годам неравномерно. Следует отметить, что согласно Соколовскому, для 16 произведений о Тибете точные даты не установлены. Вполне естественно, что наибольшее количество тибетских произведений было создано по свежим экспедиционным впечатлениям (50 картин, т.е. около четверти). В дальнейшем тема Тибета не исчезала из художественных замыслов Рериха. Можно отметить годы особого интереса к Тибету. Так, в 1935-37 годах художник создавал по 13-16 тибетских пейзажей. В 1943 году написано 17 произведений. Однако были и такие периоды, как 1934, 1939, 1942 и 1945 годы, когда написаны лишь единичные картины на эту тему.

Самое поразительное, что несколько полотен написаны Николаем Константиновичем в 1924-1926 годах, еще до посещения Тибета. Такие "забеги в будущее" — по-видимому, характерная черта его художественного мышления. Он заранее готовился к воплощению своих планов, задолго до того, как состоялась его реальная встреча с Тибетом. Подобные "забеги в будущее" наблюдаются в творчестве художника и в отношении Монголии и Алтая.

Что же собственно включала в себя живописная панорама о Тибете и тибетцах? Как писал сам художник, задержка экспедиции в Тибете дала возможность ближе "знакомиться с их жизнью, обычаями и этикой". Действительно, первыми, кого запечатлел Николай Константинович в Тибете, были люди. В 1927 году он написал "Ламу Тибета" и "Тибетку". В обеих работах лицо дано крупным планом, почти во всю плоскость холста, что встречается у Рериха нечасто. Тем интереснее художественная концепция автора.

"Женщины, за редким исключением, приземистые, широколицые и скуластые... Среди же кочевников Северо-Восточного Тибета встречаются рослые мужчины с тонкими чертами лица",³ — отмечает Юрий Николаевич. Да, Рерих-отец точно воспроизводил типы тибетцев и в соответствии с описанием Рериха-сына. Однако сколько в этих образах, помимо этнографической достоверности, еще и душевной наполненности.

Эти два портрета различны по выраженному в них психологическому состоянию. Если в образе ламы преобладает торжественное величие, сосредоточенность, стремление постичь внутренним взором таинственную сущность мира, то в "Тибетке" все располагает к внешнему общению — и приветливая, добрая сияющая улыбка, и открытость облика. Художник тонко и глубоко передает гармонию человека и природы: в пространственном построении, в общей ритмике линий гор и абриса лица. Мягкая пластическая завершенность, а также желто-зеленый тон полотен живо напоминают тибетскую бронзовую скульптуру.

В 1941 году Николай Константинович пишет картину "Старый лама", которая как бы объединяет две предыдущие. Антропологически старый лама соответствует другому типу тибетцев, у которых, по наблюдению Юрия Николаевича, "орлиные носы, миндалевидные глаза", а также "толстые губы, выступающие скулы". Все это очень точно воспроизводится художником, однако не это составляет суть образа, а то, чем наделяет живописец своего героя. Лицо старого ламы с закрытыми глазами словно светится; оно озарено радостью постижения высокой мудрости.

Рерихам как-то бросились в глаза "несколько лам безнадежно запущенного вида". Николай Константинович не преминул отметить этот факт в своем дневнике. Однако в живописных

произведениях он, напротив, подчеркивает в людях совсем другое — "глубокие знания и замечательное развитие психической энергии".

Основу живописной панорамы Тибета несомненно являют пейзажи. Все наиболее интересное и значительное, что характерно для Тибета, запечатлел художник. По его картинам можно воссоздать маршрут экспедиции и тропы, по которым шел караван. Это "Перевал Джанд. Тибет", "Перевал Тангла", "Тибетская граница Нейджи", "Дом экспедиции в Нагчу" (все 1928-го года). И хотя сам Н.К.Рерих называл Тибетское нагорье "кладбищем разложенных гор", в картинах мастера не найти такого "кладбищенского" настроения, кроме, может быть, полотна "Чантанг. Северный Тибет" (1939 год), где белые пологие холмы будто готовы накрыть своим белоснежным саваном плененный лагерь экспедиции. И здесь опять-таки соответствие описанию Юрием Николаевичем Рерихом этой части Тибета: "...страна снежных гор и волнистых, покрытых травой холмов, широких заболоченных долин". Во всех же остальных картинах Н.К.Рериха вместе с достоверной передачей ландшафтов всегда ощущается панорамный охват мира, столь характерное для Азии ощущение первозданности природы, эмоциональная напряженность цвета.

Более всего в живописной панораме Тибета пейзажей со строениями. В них, пожалуй, с наибольшей силой воплотилось мастерство Рериха-живописца и его стремление показать талант зодчих Тибета, традиции его духовной культуры. Сравнивая картины на эту тему с описаниями тех же мест, сделанными самим автором или его сыном, обнаруживаешь большое отличие между живописью и словесными зарисовками. В своих записях Юрий Николаевич отмечает "ужасные санитарные условия" тибетских поселений. Фотографии, приводимые им, также показывают жизнь аборигенов "среди ужасной грязи, зловония и падали". Ничего этого, конечно, нет в картинах Николая Константиновича. Он воссоздает постройки Тибета, как правило, на дальнем плане, так что ни сами обитатели, ни подробности их быта не попадают на холст. Зато удается высветить главное. "Как поразительно отличен Тибет на расстоянии", ведь только "издали силуэты были хороши", констатировал Рерих-старший. То, чем мы так восхищаемся в картинах мастера, — это "очищенный" расстоянием, опоэтизированный художественный образ Тибета.

Более того: художник, как нам кажется, создает пейзажи особого рода, где идеализация становится доминирующим фактором. Живописные объемы гор, уподобленные кристаллам или пирамидам с вознесенными на их вершины дзонгами, ступами, монастырями — все явлено художником в удивительной гармонии, олицетворяющей высшее достижение культуры тибетцев. Не случайно Николай Константинович писал, что "по природе своей тибетский народ очень способен". Быть может, то, что создавал Рерих в своих полотнах "Твердыня Тибета" (1931, 1933, 1939 годы) или "Твердыня духа. Тибет" (без даты) — это не конкретные реальные строения, а образы, составляющие суть народных устремлений — та идеальная гармония природы и человека, какой ее, наверное, представляли себе сами тибетцы. Освобождая от всего случайного, преходящего, как бы угадывая сущность того, о чем мечтали здешние строители, мастер как бы заново возрождает прекрасные "развалины старого Тибета". Он словно сам воплощается в образе древнего тибетского зодчего и с увлечением и любовью создает проекты старинных ансамблей, тонко варьируя архитектурные образы и вписывая их в окружающий горный ландшафт.

Важно еще другое, то, что все исполненные Рерихом монастыри — это не только красивые фасады, они — средоточие крепости духа, олицетворение мощи внутренних духовных сил человека, сравнимых разве что с твердостью скал. "Твердыни" Рериха — это обители паломников духа, это материализованные символы единения земного и небесного.

Реализм интуитивного мышления Н.К.Рериха простирается до того, что он на склоне своих лет пишет Лхасу, пишет так, как будто он был там и видел ее такой чистой и сверкающей. В ней все — и дворец Потала, и горы, и воды, и небо — сияет розовым блеском, как новорожденное дитя, все соткано из одной сверкающей материи — найденного художником живописного эквивалента *materia matrix* (материнской изначальной материи).

В живописную панораму Тибета вошли также наиболее важные исторические события.

Картина "Приданое китайской принцессы Уен-Чинг" (1928-30 годы) посвящена принятию буддизма Тибетом и прибытию в VII веке первой статуи Шакьямуни. В легенде, связанной с доставкой непальской невестой Срон-цзам-гамбо другой святыни — бронзовой скульптуры "Малого Чжу", говорится, что сам Будда освятил ее. Эта статуя, по словам Г.Ц.Цыбикова, во время пути в Тибет "в теснинах, где скалы борются с водой, шла на своих ногах, а также испускала лучи света".⁴ Казалось бы, какой красочный сюжет для картины "мистического" Рериха! Однако художник отнюдь не поддается на такие чудеса-легенды, а изображает достаточно будничную, точную в деталях картину караванной процессии, везущей статую. Показывая событие в его безыскусственной убедительности, он как бы делает его достоянием сегодняшнего дня.

В других случаях, чтобы показать реальность жизненных впечатлений во всей их полноте, художник намеренно прибегает к "мистификации". Картина "Шепоты пустыни", созданная им до посещения Тибета, ярко живописует сценку из жизни кочевников. В ней все достоверно, все близко тому, что пишет в своей книге Юрий Николаевич Рерих о хорпах, слушающих балладу о Гесэре: "Трудно забыть этих сидящих на корточках людей, жадно внимающих рассказам о героических подвигах Гесэр-хана и его семи соратников. Обычно скучное выражение лица кочевника меняется, глаза загораются каким-то внутренним огнем. До поздней ночи тлеет очаг, тускло освещая согбенные фигуры с головами, опущенными на колени. Длинные пряди черных волос закрывают лица, и только глаза выдают смятение, охватившее души людей".⁵ В своей картине Николай Константинович также выразительно показывает психологическое состояние героев, но, кроме того, на фоне палатки он изображает летящего всадника, словно оживляя в реальности поэтические строки Гесэриады.

Столь же реальны у художника мифологические, фольклорные сюжеты. Они отнюдь не сводятся к иллюстративности, а выполнены такой художественной силой, так достоверны исторически и психологически, окружены такой живой, дышащей природой, что сами из реальности устного бытования переходят в реальность зримую, почти конкретную. "В богатейшем фольклорном наследии Азии Рерих обратил наше внимание на те легенды и сказания, где нашли свое отражение нравственные устремления народов".⁶ Таковы его картины "Гесэр-хан" (1941 год), "Песнь о Шамбале" (1943 год), "Приказ Ригдена" (1933 год) и др. Для кочевников Восточного и Северного Тибета легенда о Гесэре не просто героическое сказание, это воплощение их мечты о лучшем будущем в образе славного прошлого. Именно так, говоря словами Юрия Николаевича, Николай Константинович воспроизводил фольклорные образы славного прошлого ради лучшего будущего. Среди населения Тенгри очень популярны песни о Миларепа. "В некоторых домах в Тенгри и соседних деревушках, — пишет Юрий Николаевич Рерих, — мы видели фрески, на которых был изображен Миларепа. С правой рукой, поднятой к уху, он сидит у входа в пещеру, над которой возвышается огромная снежная гора".⁷ Все это в подробностях представлено и на картине "Миларепа слушающий" (1924 год).

Даже исторические памятники, которые всегда так тщательно зарисовывал Рерих в экспедициях, приобретают в его картинах некоторый новый смысл согласно тому, как воспринимает их местное население. Давая своим картинам (где изображены древние здания и объекты) названия, бытующие у местных жителей, художник при всей научной точности рисунка выстраивает свой художественный образ в соответствии с представлениями и образами фольклора. В таком ключе решены его картины "Меч Гесэр-хана" (1931 год), "Драконовы зубы" (1935-1936 годы).

Таким образом, исходя из анализа художественных произведений, можно подразделить живописную панораму Тибета, созданную Н.К.Рерихом, на несколько групп. Это — люди Тибета крупным планом (3 произведения), исторические темы (5 произведений), мифологические и фольклорные сюжеты (20 произведений), пейзажи (182 произведения, включая 10 явно идеализированных). Большая часть картин создает образ страны с ее памятниками культуры, поселениями и отдельными монастырями. Около 30 полотен посвящены истории Тибета, его людям, духовной культуре.

Более 200 произведений, написанных за двадцать с лишним лет, действительно составляют живописную панораму Тибета и тибетцев.

Сам художник признавал, что одним физическим зрением невозможно постичь страну и народ. "Нужен еще язык внутренних созвучий. Или он найдется, и многое станет доступным, или он не зазвучит, и сочетание никак не получится".⁸ По-видимому, только большая сердечная устремленность, многолетняя углубленная работа всех членов семьи Рерихов, собственное общение с Тибетом позволили художнику обрести этот "язык внутренних созвучий".

1. Ю.Н.Рерих. По тропам Срединной Азии. Хабаровск, 1982, с.29.

2. Н.К.Рерих. Алтай-Гималаи. М., 1974, с.260.

3. Ю.Н.Рерих. По тропам Срединной Азии, с.213.

4. Г.Ц.Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета. Новосибирск, 1981, с.83.

5. Ю.Н.Рерих. По тропам Срединной Азии, с.212.

6. Л.В.Шапошникова. От Алтая до Гималаев. М., 1987, с.18.

7. Ю.Н.Рерих. По тропам Срединной Азии, с.279.

8. Н.К.Рерих. Врата в будущее. Рига, 1936, с.119.

"ВЕЛИКИЙ ВСАДНИК"

И.И. Ломакина, писатель, Санкт-Петербург

Речь пойдет о периоде, когда Юрий Николаевич был в Монголии, потому что я изучаю Монголию и нашла картину Н.К. Рериха "Великий Всадник".

Рерихи находились в Монголии с середины сентября 1926 года по апрель 1927 года, готовясь к экспедиции в Тибет. Когда Юрий Николаевич приехал через тридцать с лишним лет в Улан-Батор, он не нашел картину "Великий Всадник", которую его отец подарил правительству Монголии. Эта картина занимает центральное место в цикле полотен Николая Рериха о Шамбале. На ней изображен предводитель священной войны, который, по легенде, принесет мир и справедливость. В своих молитвах буддисты просили, чтобы довелось им возродиться в Шамбале и участвовать в этой священной войне.

Когда Рериху в последний день пребывания в Ладаке принесли замечательную старинную тибетскую танку, он увидел на ней, по словам дневника, как "на красном коне, с красным знаменем неудержимо несется защищенный доспехами Великий Всадник и трубит в священную раковину. От него несутся брызги алого пламени, впереди летят красные птицы. За ним горы Белухи, снега, и Белая Тара шлет благословение".

По мотивам этой танки художник напишет своего "Рэгдэн-Дагву". В ноябре 1926 г., встречая в Хотане пришлых лам, раздававших на базаре молитвы и изображения Шамбалы, он запишет в дневнике: "Ходят странники, приносят новые вести. В Урге будет отведено место под храм Шамбалы. Когда изображение Ригден-Джапо достигнет Урги, то вспыхнет первый свет нового века Истины... Задумана картина "Приказ Ригден-Джапо".

Картина "Великий Всадник" была завершена в Урге (ныне Улан-Батор) в начале 1927 года и в торжественной обстановке вручена премьер-министру Монгольской Народной Республики Цырен Доржу. Когда Юрий Рерих приехал в Улан-Батор в 1958 г., он не увидел прежней Урги, потому что ее не было. Не было "золоченых крыш монастырей, вызывавших неизменный восторг всех путешественников". Буддийский мир, героем которого был "Великий Всадник", был сокрушен, предан огню и мечу всего за одну пятилетку безбожия. Из 750 монастырей остался неразрушенным один столичный Гандачинлэг, ламы которого прежде были известны своей ученостью. Теперь лишь несколько служителей ютились при обветшавших храмах. На прокатившихся по Монголии процессах еще в 1932 г. все высшие ламы были приговорены к расстрелу как мятежники и контрреволюционеры.

Естественно, храм Шамбалы, куда в 1927 году предполагалось поместить картину Рериха, не был построен. И сколько ни расспрашивал Юрий Николаевич, уже никто ничего не знал о картине, хоть и живы были еще ветераны революции 1921 года — партизаны войска Сухэ-Батора, которые у костров распевали сочиненную тогда песню о священной войне с врагами... Слова ее записал Ю.Н. Рерих, будучи в Монголии в 1926-27 годах: "Пусть мы все умрем в этой войне, но мы родимся снова воинами Шамбалын-хана..."

"Великого Всадника" я нашла в Улан-Баторе в запаснике Музея национального искусства. Это было темное холодное помещение, заставленное сплошь холстами. По какому принципу и когда они сваливались сюда, догадаться было невозможно. Пыль, теснота, холод...

Отбирая тогда работы для репродуцирования в моей будущей книге об изобразительном искусстве Монголии, проверяя имена и даты, я не только побывала у многих художников, в залах выставок и музеев, но и перебрала все до единого холста в том помещении, которое правильнее было бы назвать складом, сараем. Были здесь и картины и этюды Константина Ивановича Померанцева, приглашенного в Монголию из Иркутска и проработавшего здесь с 1926 по 1939 год. Его жена — скульптор Вера Ивановна Шаршун — рассказывала мне много позднее, каким событием в 1926 году было для Константина Ивановича знакомство с приехавшими в Улан-Батор Рерихами. В тот год на главной площади возводилось здание с круглой, как у национальной юрты, крышей. Его называли Народный дом, в нем проходили хуралы, шли первые спектакли. Народное правительство предложило Николаю Константиновичу Рериху расписать первый занавес для него, но он, занятый подготовкой к экспедиции в Тибет и начатыми картинами, порекомендовал на эту работу Померанцева, картины которого ему нравились. Звучными локальными пятнами, в плоскостной манере написал иркутский художник на занавесе портрет уличного музыканта Ёндон-хурчи с национальным инструментом морин-хуром, гриф которого украшает резная головка лошади. Расписав занавес первого республиканского театра, Померанцев станет оформлять в нем спектакли... Пройдет много лет, и вернувшийся в Москву Юрий Николаевич подойдет на выставке к поседевшей Вере Ивановне и скажет, что о кончине ее мужа они с отцом узнали вдали от России...

Среди работ Померанцева в запаснике музея я и увидела Рериховского "Рэгдэн-Дагву" с провисшим на подрамнике холстом, осыпавшимися кое-где красками...

Внимательно разглядывая холст, увидела на украшенном орнаментами сайдаке (налучье) у "Рэгдэн-Дагвы" в ромбике четкую подпись: "Р.Х.1927". Несмотря на то, что несущегося на красном коне воителя с победным красным знаменем осеняет над традиционно орнаментальными языками очищающего огня Будда-Бурхан, несмотря на плоскостность и колористический строй картины, созвучные буддийской иконописи, во всем чувствовалось переплетение разных культур. Победа над злом дана Рерихом в образе воина, замахающегося копьем, навершие которого напоминает крест. И замах копья, и фронтально изображенный конь, и приемы линейной стилизации сближают его картину с русской иконой.

Методично, колонку за колонкой прочла я в Публичной библиотеке Академии Наук Монгольской Народной Республики все номера выходившей на русском языке газеты "Известия Улан-Батор-Хото" за 1926-1927 годы. И в одном из сентябрьских номеров 1926 года нашла маленькую заметку "Приезд академика Н.К.Рериха", сообщавшую, что "художественно-археологическая экспедиция... предполагает пробыть в Улан-Баторе значительное время для всестороннего запечатления художественных ценностей в столице Монголии. В составе экспедиции прибыл молодой ученый, магистр санскритской словесности, сын художника Георгий Николаевич Рерих, первая книга которого о тибетской живописи была издана в 1925 году в Париже издательством Гетнера... Экспедиция прошла от юга Индии через Гималаи и Каракорумский перевал..."

И уже в весеннем номере (№ 73) за 1927 год отыскала ценнейшую корреспонденцию под заголовком "Передача Монгольскому Правительству картины академика Н.К.Рериха"! Вот текст, который я выписала тогда, в 1968 году в Улан-Баторской библиотеке Академии Наук и

не нашла этого номера в российских библиотеках:"... В особой рамке будет помещено глубоко значительное следующее письмо Н.Рериха:

"Привет Правительству Монгольской Народной Республики. Монгольский народ строит свое светлое будущее под знаменем Нового Века. Великий Всадник освобождения несется над просторами Монголии. На нем весь доспех и знамена заповеданных сроков. В нем все великие бывшие жизни претворились в строительство общечеловеческой радости широкого будущего. Стоят средоточия знания и общины. Тучнеют стада коней и скота. И зазеленела степь, и покрылись высоты Богдо-Ула1 свежей невиданной травой. Пришло время, и пришли сроки. И на юртах выступили начертания самые счастливые. И Великий Хурулдан в деятельном совещании слагает решения новой народной жизни. И громовно звучит зов Красного прекрасного Владычного Всадника. Во время расцвета Азии считалось лучшим подарком произведение искусства или книга. Пришли опять лучшие времена Азии.

Прошу Правительство Монгольской Народной Республики принять от меня картину "Великий Всадник".

"Председатель Правительства Цырен Доржи, — сообщалось далее в скромной замечательной газете "Известия Улан-Батор-Хото", — принимая картину, закончил свою речь следующими словами: "Пусть идея нашего общего Учителя Ленина распространится по всему миру, подобно пламени, изображенному на этой картине, и пусть мужи, следующие этому учению, будут продолжать работу с той же решимостью, с какой несется изображенный Великий Всадник".

В конце 60-х годов, когда я вела поиск, у нас еще не были изданы "Алтай-Гималаи" Николая Рериха, поэтому можно представить, как я обрадовалась, найдя в лондонском издании 1930 года (все в библиотеке Академии Наук МНР в Улан-Баторе) строки о картине "Великий Всадник" и показавшиеся тогда загадочными фразы о том, что печатание книг "Основы буддизма" и "Общее Благо" ("Община") подходит к концу, что трудно их хорошо оформить в маленькой типографии, что литограф — бывший лама и т.д.

Обе безымянные книжечки хранились в сейфе библиотеки в единственном экземпляре, хотя и были напечатаны в местной типографии. Сейчас мы знаем, что их писала Елена Ивановна Рерих. Знакомясь с ними в Улан-Баторе, я не сомневалась только в том, что они Рериховские. На обложке "Общины" (книга 3, 1927) стояло еще: "Монгольская типография". И все. Книга имела подзаголовок "Листы бесед Высокого Общинника Востока", и слог ее напоминал письмо Николая Рериха Монгольскому правительству.

Старейшая сотрудница библиотеки Вера Викторовна Хурлат, которая помогла мне отыскать безымянные книжечки, помнила, как жгли их во дворе той маленькой типографии при русском консульстве, где они были отпечатаны. Их жгли как крамолу!

Читая строчки в дневнике Николая Константиновича Рериха о том, что его просят дать для перевода на монгольский язык "Основы буддизма", исследователи мечтательно пишут, что, может быть, они и были изданы, кто знает... Нет, не переведены и на монгольском не изданы. Напечатанные же при Рерихах книжечки стали уникальными раритетами.

Многое могла вспомнить Вера Викторовна, падчерица Цогто Бадмажапова, литературного переводчика П.К.Козлова. Именно в их доме останавливался в Улан-Баторе известный исследователь Центральной Азии. Она знала многих ученых, приезжавших в те годы в Монголию. С ней мы ходили фотографировать домик Петровых в русской слободе, у которых снимали зимой жилье Рерихи. Юрий Николаевич записал:

"Нам посчастливилось найти небольшой четырехкомнатный дом с двумя просторными дворами и конюшнями", где не только экспедиция готовилась к путешествию в Тибет и Индию, но также "профессор Н.К.Рерих писал картины, отражающие жизнь и чаяния Монголии".

Недалеко от этого выбеленного одноэтажного домика, смотревшего синими ставнями на главную улицу Улан-Батора (и, конечно, теперь снесенного), стоял и дом Бадмажаповых — побольше, подбротнее, также с двумя дворами. Он сохранился, и в хорошем состоянии, благодаря тому, что в нем давно организован музей — сначала Сухэ-Батора, потом —

истории города.

На сохранившихся снимках, сделанных в сентябре 1926 года в Учкоме, всюду в центре — Петр Кузьмич Козлов и Николай Константинович Рерих, понимающие важность исторического момента. Здесь, в монгольской столице, произошла достойная встреча двух людей, чьи имена навеки связаны с Центральной Азией. Великий художник шел со своей экспедицией в Тибет, где не раз бывал великий путешественник, всю жизнь стремившийся выполнить завет своего учителя Пржевальского — попасть в Лхасу... Снимки, сделанные в Учкоме, во дворе этого экзотического для европейца здания, сохранились в фотоархиве Института материальной культуры (бывшего Института археологии) в Санкт-Петербурге. И всюду на этих снимках создатель монгольского Ученого Комитета, душа Учкома — Цыбен Жамцарано. Юрий Николаевич Рерих (на снимках во френче и фуражке) записал о нем в дневнике: "Человек обаятельный и глубоко эрудированный". С ним, лингвистом и фольклористом, общались и советовались не только филологи, но и все русские ученые, работавшие в те годы в Монголии. Это было замечательное время, когда каждый понимал, что стоит у истоков рождения науки Монгольской Народной Республики. Большинству из них в 1937 году будет предъявлено обвинение в японском шпионаже, они будут расстреляны, как и сам "организатор шпионского центра" Жамцарано... А тогда, в сентябре 1926 года, он всячески помогал организовывать каждую научную поездку и экспедицию. Через Жамцарано были наняты на работу в экспедицию Рериха несколько бурят, чтобы легче было добраться до Лхасы.

Одного из этих паломников разыскал монгольский поэт и переводчик М.Цэдэндорж, опубликовавший беседу с ним в литературной газете МНР "Утга зохиол урлаг" в 1967 году.

Ламжав, как звали того бурята-паломника, жил на Ононе, откуда в Цаган-сар — новый год по лунному календарю — приехал в 1927 году из кочевья в Улан-Батор. Там познакомился с будущими товарищами, которые собрались идти в Тибет вместе с экспедицией русского художника, "широколицего, с белой бородой, разговорчивого".

Вспоминая путь в Лхасу, старик-бурят говорил о том, какие трудности испытывала экспедиция, когда кончились еда и медикаменты. На одном из привалов стало так холодно, что не удавалось развести огонь. Ламжав придумал раздувной мех. И когда добыли огонь, художник дал ему в награду десять янчанов — китайских долларов и столько же, когда он, найдя овчину, сделал "старикку" унты. Сколько помнит, тот все работал в своей палатке...

Многое повидав, старик Ламжав признался, что самое сильное впечатление на него произвели горы Тибета со снежными вершинами, такие высокие, что однажды экспедиция Рерихов целых двое суток спускалась только до облаков... Но когда, наконец, спустились, то попали в рай, где было всего полно: рек, цветов, обезьян...

Год провел Ламжав вблизи Рерихов, но всю жизнь потом рассказывал об их учености, о том, как каждый из них продолжал работать в самых трудных условиях.

* * *

Картина "Великий Всадник" теперь в постоянной экспозиции Музея национального искусства Монголии. Побывав в нем в декабре 1989 года, я сама слышала, как экскурсовод, подведя к ней группу, рассказывал о Николае Рерихе.

А работая с архивами, я увидела, что в хоре резко отрицательных оценок, которые в свое время давались Джа-Ламе, Юрий Николаевич Рерих определил в те годы ему истинное место в истории. Это совершенно конкретный пример масштабности мышления большого ученого.

1. Богдо-Ула — священная гора, вдоль которой вырос Улан-Батор.

ТРИ НАКАЗА УЧИТЕЛЯ

Н.В. Жукова,
сотрудник Новосибирской картинной галереи

Я хочу передать вам сердечный привет из Сибири, от Сибирского Рериховского Общества и начать свое выступление со слов, которыми открыла нашу конференцию, посвященную 90-летию Юрия Николаевича Рериха, почетный председатель Общества Наталья Дмитриевна Спирина:

"Бывают семьи, как гнезда света. Каждый из членов такой семьи вызывает удивление и восхищение. Изучая их по отдельности, мы неизменно соприкасаемся со всеми членами семьи. Благая семейная взаимосвязь Рерихов настолько очевидна, что обойти ее — во многом не понять возникновение того, о ком мы говорим".

Если в обычных семьях часто бывают противоречия между родителями и детьми, то в светоносных семьях царит взаимность понимания и чувств. И путь жизни, и цель у них одни. И неповторимая по своим индивидуальным особенностям деятельность каждого не вызывает противодействия, и каждый член семьи приносит на светлый алтарь свой дар на Общее Благо.

Такова была семья Рерихов — образец той ячейки, из которой будет формироваться Община Будущего. Из малого составляется большое, но надо, чтобы это малое было самого высокого качества. Тогда и большое будет на уровне высот будущего века Света и Добра. Сегодня у нас радостная встреча с Юрием Николаевичем Рерихом. Многие, в свое время встречавшиеся с ним, свидетельствуют, что после этого они стали другими.

Живая Этика учит нас отличать очевидность от действительности и жить в мире реального. Только так может преобразиться жизнь из быта в Бытие. И если быт может лишить нас радости, то принятое в сознание Бытие — это и есть радость. Та высокая, светлая индивидуальность, которая проявилась в личности Юрия Николаевича и через нее озарила нам предрассветный мрак, всегда есть, на каком бы плане, в какой бы сфере ни пребывала. Такое понимание помогает нам объединиться с Ним.

Если, как сказано, темные работают на разъединение, то светлые духи объединяют. Сегодня нас объединил Юрий Николаевич Рерих. Мы приветствуем единомышленников и радуемся встрече с ними.

Переписка Юрия Николаевича Рериха и Рихарда Яковлевича Рудзитиса также открывает нам многие грани и стороны этого удивительного человека. (Полностью она опубликована в последнем "Рериховском Вестнике" в Санкт-Петербурге).

Итак, три Наказа Учителя.

В начале 1960 г., незадолго перед уходом, Юрий Николаевич сказал: "Моя задача выполнена". Только сегодня, спустя тридцать с лишним лет, можем мы попытаться понять все величие и сложность его миссии. Единственный из семьи Рерихов он вернулся на Родину, выполняя волю Николая Константиновича и Елены Ивановны, чьи жизненные пути завершились в Индии. Но Новая Страна, как называли Рерихи Россию, ждала преудказанного. Сроки настали, и обстоятельства сложились.

Юрий Николаевич писал об отце: "Даже в Индии, стране, которая тепло и бережно отнеслась к таланту русского художника, он мечтал вернуться домой. Всегда помня об этом его страстном желании, полностью разделяя его, я во время пребывания Советской правительственной делегации в Индии обратился к Никите Сергеевичу Хрущеву с просьбой помочь мне вернуться на Родину с выставкой картин отца".

В августе 1957 г. Юрий Николаевич приехал в Москву. Он заложил те зерна, которые сейчас дали свои всходы.

О Рерихах в то время в России почти ничего не знали. При господствовавшей идеологии упоминать о философском, духовном направлении их творчества было просто опасно. Донести до сердец людей весть Красоты, используя международный язык искусства, открыть

на Родине имя Николая Константиновича Рериха как великого художника, ученого и гуманиста — с этого и начал Юрий Николаевич. Помимо напряженной работы в Институте Востоковедения Академии Наук, его задача заключалась в следующем — передать в дар нашей стране более 400 полотен отца, рукописи очерков "Моя жизнь", до сих пор полностью не опубликованных, материалы научно-исследовательского института "Урусвати" и провести выставки картин Н.К.Рериха, а также организовать мемориальный музей его имени.

Письма Юрия Николаевича к Рихарду Рудзитису носят деловой характер. Основные темы, затронутые в них, следующие: организация первой выставки картин Рериха в Москве, подготовка к выставке картин Святослава Николаевича, сообщение о готовящихся публикациях, статьях, монографиях, посвященных творчеству Николая Константиновича. Рихард Яковлевич очень внимательно следит за прессой и посылает Юрию Николаевичу газетные вырезки, следит за ходом выставки и откликами людей. Юрий Николаевич сообщает о своих многочисленных выступлениях.

Итак, Юрий Николаевич — Рихарду Яковлевичу: "Несколько раз говорил по радио и очень много раз по музеям и институтам" (13 мая 1958 г.);

"Был в Киеве, встретил очень теплый прием со стороны художественной общественности. Многие "болеют" Рерихом. Провел три беседы. Была хорошая телевизионная передача, в которой показали 51 картину" (24 декабря 1958 г.);

"Работы много и видимо она будет нарастать. В апреле буду в Ленинграде читать лекции в ЛГУ. Снова зовут в Киев. А осенью четыре международных съезда" (16 марта 1959 г.);

"Будущий год вообще обещает быть значительным. За последнее время было много знаков. Было несколько моих выступлений о творчестве Н.К. В начале года выйдет альманах, посвященный горам, в котором пойдут пять репродукций картин Н.К., статья Н.К. "Гималаи" и моя статья" (8 декабря 1959 г.).

Первая выставка картин Николая Константиновича Рериха открылась 12 апреля 1958 г., в день Пасхи, через 7 месяцев после возвращения на Родину Юрия Николаевича. Он очень сожалел о долгих проволочках. Как все друзья ждали эту выставку! Рудзитис пишет: "Приближается долгожданная мечта, исторический день". Юрий Николаевич — в заметке "На Родине": "В августе 1957 г. я поселился в Москве. А весной следующего года в залах Союза Художников открылась выставка картин Николая Рериха. Хотелось, чтобы его творчество было представлено как можно полнее. Это оказалось не так легко. Картины, которые я привез из Индии, относились к последним годам жизни художника. Пришлось собирать ранние картины отца по различным музеям и у частных владельцев. Особенно мне хотелось найти давно потерянную картину "За морями земли великие". Она отыскалась совершенно случайно. Кинорежиссер Я.Миримов, снимавший фильм о жизни отца в Ленинграде, на Печоре и в других местах, где некогда жил художник, нашел ее в экспозиции Новгородского музея.

В дни, когда в московских выставочных залах экспонировались картины, я смотрел на людей разных возрастов, профессий, заполнивших выставку, слушал их интересные суждения и испытывал за своего отца огромную радость".

Из письма Юрия Николаевича к Рихарду Яковлевичу от 13 мая 1958 г.: "Выставка все еще открыта — как говорят, "народ не отпускает". Действительно, все слои общества отдали должное ей. Как говорят, "грандиозный успех". Рихард Яковлевич пишет Юрию Николаевичу 16 апреля 1958 г.: "Уехал с очарованной душой. Волна небывалая чего-то самого прекрасного, чудного, самого дорогого больше не умолкает в сердце. Истинно, есть еще сказки на земле. Истинно, Красота пробудит к подвигу зажженные сознания. Сколько искр и пламени восхищения выльется в пространство! И какой голод у молодежи по истинной Красоте и крыльям духа! Когда-нибудь вы прочтете книгу записей гостей. Это истинный гимн великому подвигу Красоты. В сердце чувствую, что будет сдвиг небывалый. Потому и 12 апреля считаем историческим днем. Долгожданная мечта наконец-то осуществилась. Лучшие сердца теперь соберутся, объединятся вокруг костра Подвига Прекрасного. Они в своем сердце принесут священную клятву идти путем претворения идеалов Прекрасного в жизнь. Это

величайший Дар, который мы унесем, как самое сокровенное, в глубине сердца".

Выставка прошла с огромным успехом. Люди стояли по 4-5 часов в очереди. Из книги записей: "Это искусство — огонь сердца. Звезда брошена в сердце России"; "Это родник орошающий"; "Да, Красота спасет мир". Такие записи оставляли люди в книге отзывов.

День открытия выставки, по словам Илзе Рихардовны Рудзите, был днем начала Новой эры в России. Юрий Николаевич был первым, кто возвестил ее, сделав доступным наследие отца, и погиб как герой, сражаясь с тьмой. Николай Константинович Рерих — величайший художник, подвижник Культуры, вернулся на Родину. Появились журнальные публикации, стали издаваться его труды, альбомы, монографии. В последние годы начата публикация философского наследия семьи Рерихов, книг Учения Живой Этики.

Другая задача, поставленная Юрием Николаевичем, — организация музея Николая Рериха. Насколько этот вопрос был важен, ясно из той же переписки Юрия Николаевича с Рихардом Яковлевичем. Почти в каждом письме он упоминает о музее.

От 13 мая 1958 г.: "Говорил о музее (Москва или Ленинград) с отделом-филиалом в Сибири, на Алтае".

От 6 декабря 1958 г.: "Сейчас идут очень ответственные переговоры о музее, как в Ленинграде, так и в Сибири. Знаю, что дойдем, и эту уверенность хотелось бы передать и Вам".

От 24 декабря 1958 г.: "Выставка в Киеве продлится до начала января. Затем пойдет в Тбилиси, после чего предстоит организация мемориального музея — Ленинград и Сибирь (Алтай)".

От 4 февраля 1959 г.: "Выставка закрылась в Тбилиси, где прошла с большим успехом. Теперь картины пойдут в Москву, где предстоит сортировка вещей на Ленинград и Сибирь. Возможно, что несколько картин останутся в Третьяковке (конечно, при условии экспозиции). Последнее решение Министерства — автономная экспозиция при Русском музее и музей в Новосибирске... Начинаю получать письма из разных музеев с требованием картин". И далее он пишет 8 декабря 1958 г.: "О намерении вашего музея пустить некоторые картины в обмен еще не слыхал. Но побеседую по линии Министерства. Делать это они во всяком случае не имеют права, так как передача картин в музей не оформлена юридически. Об этом мне здесь говорили, и если находящиеся у них на складе картины им не нужны, их возьмет музей им.Н.К."

Юрий Николаевич мечтал создать музей Рериха. И теперь, спустя 30 с лишним лет после его ухода, пришло время исполнения Указа.

Теперь некоторые моменты из интервью с алтайским художником Леопольдом Романовичем Цесюлевичем, встречавшимся с Юрием Николаевичем в 1957-1960 годах:

"Елена Ивановна сказала Юрию Николаевичу, что он поедет в Россию на три года. Он знал свой срок. Но не торопился, не суетился. Работал спокойно и методично. Человек жил Вечностью. Очень красивый человек. Взгляд духа.

Известная "Памятка" Юрия Николаевича — это те советы, которые с его слов записала Бируте Валушите из Литвы.

Елена Петровна Блаватская говорила, что служить Истине и общественному мнению невозможно. Юрий Николаевич был свободен от общественного мнения. Рерихи прошли бескорыстным и бесстрашным путем. Они совершенно не считались ни со своим здоровьем, ни с репутацией, ни с общественным мнением. Для них существовало только Служение.

Юрий Николаевич был прост и естественен в жизни. В нем не было ничего нарочитого и подчеркнутого ни в лице, ни во всем его облике. Он все замечал — и внешнее, и внутреннее. Понимал прекрасно политику, экономику, знал всю жизнь. Замечал даже малые вещи. И не разрешал в своем присутствии никого унижать. Он делал других счастливыми и свободными. Зажечь других можно, когда сам горишь. Он очень многого не договаривал, в глазах была грусть, что люди не понимают... Ушел из жизни почти одиноким. Очень мало людей подходило к нему с духовными запросами. И он часто спрашивал: нет ли еще кого-нибудь, может быть, из молодых, неизвестных?

Глаза у Юрия Николаевича были удивительной красоты. За ними видишь Мать — как она была прекрасна. Взгляд пронизательный. Голос почти будничной, очень красивого тембра. Однажды я слышал, как Юрий Николаевич читал свое выступление на открытии выставки в Ленинграде в Эрмитаже. Я впервые услышал его публичную речь и удивился: ровная, очень спокойная, без эффектов, особых интонаций, эмоциональных всплесков. Какая суть — такая и речь. Речь как бы "недуховного" человека в отличие от некоторых речей, которые иногда звучат. Но она осталась в памяти до последнего слова. Его облик запомнился навсегда. Жизнерадостный, не чуждый шутке, юмору. Говорил с друзьями нежно, тихо и ласково. Но были моменты, когда в его голосе звучал металл. Это был голос Тамерлана, голос полководца.

Вместе с тем был он удивительно деликатен и чуток. Он был категорически против мелких замечаний, наставлений, нотаций. Был убежден, что "воспитать" человека невозможно — каким родился, таким и будет. Не религия сделала людей нравственными и не коммунизм делает их безнравственными. Когда рижане, члены Рериховского общества, вспоминали приход большевиков в Латвию и разгром этого Общества, Юрий Николаевич говорил: "Не Родина виновата, а несовершенство людей. Народы должны забыть прошлые обиды и в единении с любовью строить будущее".

Юрий Николаевич был свободным человеком. Свободным в духе от догм, предписаний. Он говорил языком современным. Учение не цитировал, но жил им, воплотив его в себе. В Москве в последние месяцы он очень уставал. Вставал очень рано, в 5 утра, и прогуливался вместе с сестрами Богдановыми, чтобы добыть немного праны.

Это был человек, которого хотелось любить. Он не делал поблажек человеческим слабостям, нечестности. В его присутствии мог себя чувствовать хорошо только тот, кто чист душой. Видел все, все замечал, но главное — понимал суть человека. Не смотрел на внешние признаки, но на то, чем человек живет. Было у него удивительное сочетание мгновенной реакции, подвижности, стремительности "орлиного глаза" и спокойствия, равновесия.

Облик Юрия Николаевича настолько многогранен, что трудно охватить его целиком; только духом можно было почувствовать образ: красота, сияние глаз, чудесная поощряющая улыбка и в то же время бесстрашная, неодолимая твердость, неотступность. Его спокойствие давало уверенность в благом будущем. В нем был синтез, объединяющий все грани человека на земном плане.

Те, кто знал его, любили его; он навсегда остался в памяти. Достигнувший Духа благоухает, несет жизнь и счастье. Встреча с таким человеком делает счастливым".

В начале 1960 года, как вспоминал Рихард Яковлевич Рудзитис, у Юрия Николаевича проскальзывало высказывание, что "план выполнен". Он действительно сделал все, что мог: в сложных условиях были выставки, снят фильм, вышли альбомы, Рериховские публикации. Когда его спросили, будет ли продолжение Учения, он ответил: "Учение дано на многие сотни лет вперед. До тех пор, пока человечество не выполнит все, продолжения не будет".

ПО МАРШРУТУ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В.С. Чуков, вице-президент

Международной ассоциации путешественников, Москва

Я хотел бы начать со слов благодарности за приглашение на первую конференцию, проводимую Международным Центром Рерихов. Несколько слов скажу о планах, которые мы вынашиваем вместе с Центром. Один из них — совершить экспедицию по пути, начавшемуся ровно 70 лет тому назад, в 1923 году, Центрально-Азиатской экспедицией Рерихов. К годовщине этого события приурочен наш маршрут. Он будет проходить несколько в иной последовательности, нежели Рериховский. Мы начнем от Алтая, от подножия Белухи. В

районе Зайсан перейдем границу Китая. Можно было бы показать по той замечательной карте, которая экспонируется сейчас на выставке, как наша колонна на автомобилях проследует через территорию Китая, Тибет, пустыню Гоби и Кунь-Лунь к горным массивам Гималаев. Точка, которая станет для этой экспедиции символизирующей цель — это Дарджилинг. Дальнейшая нитка маршрута пойдет в Лхасу, затем через Китай — в Улан-Батор и завершится в Улан-Удэ. Не буду останавливаться на технических деталях экспедиции, поскольку сейчас, в наш век, когда экономическая ситуация очень нестабильна, организационные вопросы решаются очень сложно. Но я уверен, что ее идея будет реализована. Хотелось бы сказать, что основной задачей мы ставим не только продвижение по этому уникальному маршруту, но и гуманитарно-просветительскую миссию. Во время экспедиции намечено проводить выставки работ Рериха и его учеников, а также встречи с населением, с представителями духовенства... "Спортивность" экспедиции выразится в преодолении группой на велосипедах или пешком перевалов (в частности, Кара-корум) и других участков маршрута, где высота составит более 5 тыс. метров.

Идея экспедиции уже нашла отклик. Мы получили поддержку из штаб-квартиры ООН и право нести в экспедиции флаг этой международной организации. ЮНЕСКО также откликнулось на эту идею, что не только открывает новые возможности при решении организационных проблем, но и накладывает большую ответственность. Планируем мы и другую экспедицию, в какой-то мере претворяющую философию Рерихов. Ведь это философия людей, которые не ощущают границ, придуманных человеческой цивилизацией. И на планете, пожалуй, сохранилось очень мало районов, где действительно нет таких границ. Я говорю о полярных районах. Экспедиция пройдет через Ледовитый океан от берегов России до Канады. Мы уже не раз там бывали, и флаг, который здесь висит над трибуной, — мне даже кажется, это тот самый флаг, который мы в 1989 г. водрузили на Северном полюсе. Он уже побывал затем на Джомолунгме, и кажется, что именно он был получен из Нью-Йоркского музея Рериха. Если и эта очередная наша экспедиция будет идти под нашим общим флагом, флагом Рерихов, вместе с Международным Центром Рерихов — это будет прекрасно. Именно в пустынных районах человек ощущает близость с Космосом. Цивилизация как-то отдаляет от него человека. И когда попадаешь в места, где до ближайшего жителя планеты тысячи километров, ощущаешь, насколько хрупок человек, насколько он зависит от всего, что его окружает в мире — эта Вселенная, этот Космос... Происходят трудно объяснимые перерождения в человеческой душе. Я считаю, что Рерих, семья Рерихов, философия Рерихов как нельзя лучше объясняют состояние души, ощущающей себя единой с Космосом.

Надеемся, что материалы, которые мы привезем из экспедиции, — а это, без сомнения, будут фильмы, рукописи — составят определенный вклад в дело изучения Рериховского наследия. И тогда, я надеюсь, мы сможем рассказать гораздо интереснее об этих путешествиях.